

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. О. НАУМОВ

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

КУРС ЛЕКЦИЙ

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Издательство Московского университета

Серия «Учебники и учебные пособия»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. О. НАУМОВ

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

КУРС ЛЕКЦИЙ

Издательство Московского университета

2019

УДК 327(4/9); 930.22(4/9)
ББК 66.4(0)
НЗ4

Рецензенты:

Леонова Ольга Георгиевна, доктор политических наук, профессор,
зам. заведующего кафедрой глобалистики факультета
глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова,

РусакOVA Ольга Фредовна, доктор политических наук, профессор,
зав. отделом философии Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Наумов А. О.

НЗ4 «Мягкая сила» и публичная дипломатия : курс лекций / А. О. Нау-
мов. М.: Издательство Московского университета, 2019. — 208 с.

ISBN 978-5-19-011395-2

Основной целью учебного пособия является создание у студентов достаточного объема знаний в области «мягкой силы» и публичной дипломатии. В работе освещаются теоретические вопросы, а также исторические и современные процессы функционирования институтов «мягкой силы» и публичной дипломатии ведущих геополитических акторов современного мира: США, Великобритании, Германии, Китая, России и др. Данный курс лекций является первым примером отечественной учебной литературы, посвященной феномену «мягкой силы» и публичной дипломатии в мировой политике.

Для студентов высших учебных заведений гуманитарных специальностей, занимающихся изучением проблем международных отношений и глобального управления. Книга будет полезна и более широкой аудитории, интересующейся актуальными вопросами современного мирового политического развития.

Ключевые слова: «мягкая сила», публичная дипломатия, международные отношения, мировая политика, глобальное управление

УДК 327(4/9); 930.22(4/9)
ББК 66.4(0)

© Наумов А. О., 2019
© Факультет государственного управления МГУ, 2019
© Издательство Московского университета, 2019

ISBN 978-5-19-011395-2

Оглавление

Предисловие	7
Лекция 1. Понятие «сила» в международных отношениях	10
Лекция 2. «Мягкая сила»: теоретический обзор	26
Лекция 3. Публичная дипломатия: история и современность	45
Лекция 4. «Мягкая сила» и публичная дипломатия США и Канады	63
Лекция 5. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Великобритании и Германии	97
Лекция 6. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Японии и Южной Кореи	136
Лекция 7. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Китая и Индии	156
Лекция 8. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Российской Федерации	187

Будем тверды в достижении цели
и мягки в способах ее достижения.

*Клаудио Аквавива (1543–1615),
генерал ордена иезуитов*

Предисловие

«Мягкая сила» — это возможность достигать целей на международной арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. Это особый тип внешнеполитической деятельности, основанный на популяризации родного языка и культурных достижений, предоставлении услуг образования, распространении привлекательных гуманитарных и политических идеалов, собственной оригинальной системы ценностей, которую хотели бы импортировать участники международных отношений. «Мягкая сила» становится одним из важнейших ресурсов влияния в современном глобальном мире. И хотя в последние несколько лет роль «жесткой силы» в мировой политике неуклонно возрастает, «мягкую силу» ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Наиболее эффективным и часто применяемым способом реализации «мягкой силы» государства является публичная дипломатия. Она включает в себя медийные, культурные, образовательные, спортивные, научные и иные проекты, ориентированные на взаимодействие с зарубежными элитой и обществом с целью создания привлекательного образа собственной страны. В самом широком смысле публичная дипломатия — это комплекс мер, нацеленных на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определенного государства. Акторами публичной дипломатии могут быть не только органы государственной власти, но и неправительственные организации, средства массовой информации, транснациональные корпорации, частные группы и даже отдельные личности.

Конечно, идея укрепления своих позиций в межгосударственных отношениях путем привлечения симпатий не нова, однако впервые на уровне полноценной политологической концепции она была четко осмыслена и сформулирована только в 1990 году Дж. Наем-младшим. Благодаря американскому исследовате-

лю концепт «мягкой силы» стал популярен и вошел в лексикон современной политологии, нашел отражение в законодательных актах различных стран, политических доктринах и иных программных документах.

В своих работах Дж. Най разделял мощь государства на две ключевые составляющие: «жесткую силу» (hard power) и «мягкую силу» (soft power)*. «Жесткая сила» — это форма силового воздействия, отличительной чертой которого является направленность на решение кратко- и среднесрочных тактических задач путем прямого давления на объект. Ключевым признаком «мягкой силы», напротив, является направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путем косвенного, часто завуалированного влияния на объект. В арсенале «жесткой силы» традиционно присутствуют экономические и военные инструменты. Она базируется на таких ресурсах, как военно-промышленный потенциал государства, возможности установления экономических санкций, эффективность специальных служб. Фундаментальным методом реализации «жесткой силы» является принуждение объекта к необходимым субъекту определенным действиям. Концепция же «мягкой силы» подразумевает решение внешнеполитических задач посредством использования различных семиотических инструментов: символов, образов, мифов, идей и ценностей. Основой и «жесткой силы», и «мягкой силы» выступает способность достигать поставленной цели путем воздействия на поведение других игроков системы международных отношений — разница между ними заключается лишь в инструментах.

В ряде государств, обладающих на современном этапе значимой «мягкой силой» и развитой системой публичной дипломатии, следует выделить США, Канаду, государства Европейского союза (особенно Великобританию и Германию), Японию, Южную

* В дальнейшем ученым был выделен концепт «умной силы» (smart power), совмещающей в себе инструменты первых двух ее видов, но изначально близкой по смыслу к «мягкой силе». В вышедшей в 2004 году книге Дж. Найа «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике» в последнем абзаце автор указывал, что США во внешней политике следует найти разумный баланс между «мягкой» и «жесткой» силой. «Это и будет “умная сила”», — писал американский политолог. «Умная сила» представлялась как способность использовать полный набор инструментов, имеющихся в распоряжении государства, — от военно-политических до культурных, выбирая правильное средство или их комбинацию для каждой конкретной ситуации.

Корею. Активно наращивают свой капитал «мягкой силы» Китай и Индия. В Российской Федерации использованию «мягкой силы» пока уделяется недостаточно внимания, однако в стране существует огромный потенциал для эффективной реализации данной внешнеполитической стратегии.

Анализу особенностей осуществления политики «мягкой силы» и публичной дипломатии ведущими центрами силы современного мира и посвящен данный курс лекций.

Лекция 1

Понятие «сила»

в международных отношениях

«Мягкая сила» — это возможность достигать целей на внешне-неполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов, способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, привлеченных с помощью притягательных идей, а не подкупа или принуждения. Основным инструментом наращивания потенциала «мягкой силы» государства в современном мире является публичная дипломатия.

Но что же такое сила в международных отношениях?

Сегодня фактор силы является ключевым инструментом измерения влияния любого политического игрока на мировой арене, будь то государство, международная межправительственная организация, НПО, ТНК или даже террористическая сеть.

В международной жизни сила одних акторов или ее отсутствие у других определяет форму конструируемой ими модели сосуществования (иерархии, баланса сил, гегемонии). Категория силы — одна из древнейших в международных отношениях. Она заявила о себе, наверное, тогда, когда в мире еще не было государств, а человечество делилось на расы, племена и родовые общности. На протяжении всего существования человечества в различных формах его социальной и политической организации именно сила являлась важнейшим фактором выработки стратегии взаимодействия с соседями. С появлением государств это понятие было легитимизировано.

В теории международных отношений понятие «сила» является точкой отсчета большинства концепций политического мышления. Еще у Фукидида в V веке до н. э. в «Истории Пелопоннесской войны» сила выступает в качестве основной категории, предопределяющей поведение государств (полисов) во внешнем мире. Две с половиной тысячи лет спустя известнейший теоретик международных отношений Г. Моргентау, исследуя истоки политики в отношениях между государствами, писал о «национальном интересе, понимаемом в терминах силы». Между тем,

хотя суть понятия силы на протяжении веков оставалась почти неизменной, применение самой силы на практике несло на себе отпечаток времени. Изменения происходили в соответствии с переменами в развитии человека, общества, государства, технологий и, конечно, самой международной среды. Причем зачастую в системе международных отношений закон силы оказывался выше силы закона.

В целом в классической теории международных отношений под силой понимается, прежде всего, способность государств конвертировать в политическое влияние его военную мощь. Но не только это. **«Вес» государства в мировой политике определяется следующими факторами:**

- военная мощь как совокупный военно-политический потенциал государства;
- экономический ресурс как база для военно-политической мощи;
- территориальный и демографический ресурсы как потенциальная мощь государства;
- политико-дипломатический ресурс, степень представленности государства во влиятельных международных структурах;
- культурный ресурс как привлекательность государства.

Особое внимание следует обратить на последний пункт. Дело в том, что уже во второй половине XX века стало ясно, что времена, когда основным инструментом международной политики выступали армия и флот, уходят в прошлое. С появлением ядерного оружия война как «продолжение политики другими средствами» представляется невыгодной ни для одной из сторон. Впрочем, даже война с применением обычного вооружения становится столь тяжким испытанием для экономики, что элиты ведущих государств мира уже достаточно давно озадачились вопросом о более эффективных способах достижения целей на международной арене. Даже самые крупные и развитые государства больше не могут позволить себе решать собственные и международные проблемы исключительно насильственными средствами. В этой связи возрастает роль и значение несиловых инструментов в мировой политике, то есть «мягкой силы».

Что же вкладывает в понятие «сила» на международной арене современное политическое мышление? Классик концепции политического реализма Г. Моргентау, для которого сила —

своего рода архимедов рычаг мирорегулирования, решительно утверждает, что «сила есть власть над умами и действиями людей». Г. Киссинджер дает еще более краткое ее определение, полагая, что во внешней среде «сила есть влияние». Представители школы политического реализма считают, что сила является базовой характеристикой любого государства, его непременным атрибутом, а также постоянной целью (стремление к росту влияния и мощи) и одновременно средством достижения результатов в политике.

Знаменитый французский ученый Р. Арон полагал, что сила государства является лишь частью его мощи. Сила включает в себя материальные, человеческие и моральные ресурсы актора (потенциал), а также вооружение и армию (реальные военные инструменты). По мнению Арона, мощь — это способность навязать другому субъекту свою волю, опираясь на собственную силу, заставить оппонента действовать в своих интересах, то есть оказывать влияние на его поведение на международной арене.

Британский историк, журналист и исследователь международных отношений Эдвард Карр определял категорию силы как «способность государства использовать материальные ресурсы для того, чтобы заставить других делать то, что они в противном случае не сделали бы». Близкое к этому определение можно найти у основоположников школы неолиберализма Роберта Кохейна и Джозефа Ная. По их мнению, «силу можно представить себе как способность субъекта заставить других предпринять что-либо, что они иначе предпринимать бы не стали (и при этом по приемлемой для действующего лица “цене”)». Кохейн и Най развили идею о том, что сила не сводится к военной мощи, так как государства соперничают и в области финансов, торговли, энергетики, культуры. Для объективной оценки силы государства следует учитывать не только мощь армии и оснащенность вооружением, но и развитость экономической и финансовой модели, уровень технологического развития, степень участия в мировом торговом обороте, культурные и образовательные связи. Их концепция в целом соответствует позиции английского философа Бертрана Рассела, согласно которой «сила может быть определена как способ получения желаемых результатов».

Известный американский политолог Джон Стоссинджер в книге «Мощь наций» определяет силу так: «Сила в международных отношениях есть возможность государства использо-

вать свои реальные или потенциальные ресурсы таким образом, чтобы воздействовать на образ жизни и поведение других государств». Британский политический и социальный теоретик Стивен Льюкс в работе «Власть: радикальный взгляд» выделяет «три лица» силы/власти: первое представляет собой силу принимать и реализовывать решения, второе — устанавливать повестку и таким образом формировать и ограничивать пространство дискурса, третье — способность манипулировать желаниями и предпочтениями других, убеждать других желать того же, чего желает субъект силы.

У всех этих определений есть одно общее: **сила во внешнем мире — это, прежде всего, способность влиять на поведение другого государства (или негосударственного актора) в желаемом для себя направлении, способность устанавливать различные формы зависимости одного государства (или негосударственного актора) от другого.** Отсюда следует, что это воздействие может достигаться разными способами, а не только использованием военного потенциала, военного давления, угрозы или в конечном счете ведения войны.

Каковы же сегодня основные виды силы в международных отношениях?

На протяжении человеческой истории сила государства отождествлялась, главным образом, с его военной силой. Это логично: если в системе международных отношений высока вероятность конфронтации, то понятие силы естественно идентифицируется с понятием военной силы.

Военная сила служила и служит важнейшим показателем мощи и влияния государств, ее приоритет на протяжении веков не подвергался сомнению. И в наши дни немало политиков и экспертов (российских и западных) исходят из того, что военная сила (и прежде всего ее ракетно-ядерный компонент) является главным инструментом, влияющим на окружающее пространство. Однако сегодня глобализация и демократизация мировой системы выдвигают проблемы, не решаемые с помощью военной силы: экономические, экологические, гуманитарные и др. Наличие же у ведущих держав ядерного оружия делает развязывание масштабных войн практически невозможным. Тем не менее окончательного отхода военной силы на второй план ожидать не стоит. Общий курс на возвращение роли государств в международных отношениях (ничего более устойчивого так и не появилось), эро-

зия правил, в том числе норм международного права, заставляет государства постоянно думать о собственной безопасности. Не дают об этом забыть и многочисленные вооруженные конфликты в самых разных частях планеты — от Сирии до Украины.

Наличие мощных вооруженных сил с ядерной составляющей является необходимым условием того, чтобы государство чувствовало себя уверенным перед лицом нарастающего хаоса и турбулентности в международных отношениях. Вместе с тем сводить понятие силы на международной арене к военной мощи государства вряд ли правомерно. Ядерное оружие в военном плане фактически не используется: не случайно оно больше никогда не применялось на полях сражений после Хиросимы и Нагасаки, превратившись, таким образом, в чисто политическое средство. Значение военной силы сохраняется, но во многом лишь как инструмент поддержания статус-кво или борьбы с транснациональными угрозами, такими как международный терроризм. Данное обстоятельство не означает, что военная сила вообще не востребована ныне на международной арене. Оно говорит о том, что **военная мощь — лишь один из возможных вариантов существования и использования силы как внутри страны, так и во внешнем мире.**

И все же наличие ядерного оружия играет колоссальную роль, что наглядно показывают события вокруг КНДР. **На данный момент существует девять ядерных держав, которые обладают этим «великим уравнителем»,** и велик риск, что их число в обозримой перспективе может увеличиться.

Большое значение в системе международных отношений имеет политико-дипломатическая сила, которая реализуется несколькими путями. Первый — прямое наращивание собственных политико-дипломатических возможностей, в том числе посредством привлечения на свою сторону других государств, движений, образования коалиций, союзов, нейтрализации возможной опасности со стороны колеблющихся государств, для чего поддерживают их нейтралитет, не давая им возможности перейти на сторону соперника (яркий пример — НАТО). Второй — ослабление политико-дипломатического потенциала соперника с помощью разъединения и ослабления его союзов и коалиций, втягивания в заведомо проигрышные для него ситуации. Третий состоит в том, чтобы использовать в своих интересах соперничество между двумя государствами или группами по принципу

«разделяй и властвуй» (пример — деятельность США на Балканах, постсоветском пространстве, в регионах Северной Африки и Ближнего Востока).

Огромное значение на международной арене сегодня имеет **экономическая сила** государства. Мировая политика «экономизируется» — экономические и финансовые проблемы занимают в глобальной повестке дня гораздо более важное место, чем когда-либо. Показатели экономической мощи государств, размер и структура их ВВП, количество и качество человеческого капитала, векторы развития экономики играют основополагающую роль в представлениях о совокупной мощи страны. Экономика остается важнейшим источником силы. Особняком стоит контроль над природными — особенно сырьевыми — ресурсами (нефтью и газом). Источником экономического влияния служит и способность производить продовольствие.

Государства активно задействуют свою экономическую мощь, внешнюю торговлю, инвестиции за рубежом, экономическое присутствие в других странах для создания определенной, хотя обычно и неформальной, привязки других государств к себе, для воздействия в своих интересах на их внутреннюю и внешнюю политику. Нередко экономическая сила государства реализуется через прямое давление на того или иного субъекта мировой политики. Это давление может также оказываться через международные экономические организации: МВФ, Всемирный банк и др. В одних случаях подобная сила используется в качестве «кнута»: экономическое эмбарго, санкции, использование антидемпинговых механизмов, квот на импорт, свертывание зарубежных инвестиций, производств и т. д. Но экономическая сила может играть роль «пряника», обеспечивая создание благоприятного режима торговли, предоставление кредитов, прямые частные инвестиции в экономику того или иного государства, развертывание на его территории своих производств, трансферт в данную страну передовых технологий, современных методов управления, маркетинга и т. д.

Сильная экономика обладает привлекательностью, а значит, способствует увеличению «мягкой силы» соответствующей страны. Но, поскольку экономическая мощь нередко используется субъектами политической деятельности как аргумент внешнеполитического давления, этот фактор все же чаще рассматривается как ресурс «жесткой силы», выражающейся в стремлении купить

лояльность, а также навязать собственную волю другим, например посредством введения экономических санкций. Отметим, что экономическая мощь может выступать как в форме «жесткой силы», так и быть ресурсом «мягкосиловой политики».

Крупнейшей экономикой мира по объему ВВП (по паритету покупательной способности, то есть стоимости суммы всех товаров и услуг, произведенных в стране, оцененной в долларах США) является Китай, вслед за ним идут США и Индия. Экономика все больше определяет состояние мира и вектор его развития, а удельный вес экономической тематики в международных отношениях повышается. Но при этом она определяет скорее общую атмосферу, рамочные условия, чем непосредственную силу государств, их способность продвигать и защищать на международной арене свои интересы. Иными словами, сама по себе экономика — необходимое, но недостаточное условие для обретения влияния.

Дифференцируя понятие экономической силы, можно говорить о финансовой и коммерческой силе. Великобритания, например, обладает главным образом финансовой силой, точно так же как и Швейцария. **В условиях глобализации финансовая сфера определяет уровень развития промышленности, аграрного сектора, инфраструктуры, сферы услуг.** Внешняя торговля считается традиционным индикатором экономической силы. Страны, не обладающие значительной военной силой, заинтересованы в том, чтобы именно коммерческая сила стала основным источником международного влияния. Причем в современных условиях показателем силы является не только объем торговли, но и ее структура. Можно иметь значительный объем торговли, но вывозить на мировые рынки природные ресурсы — лес, нефть, газ, а ввозить машины, оборудование, товары высоких технологий. Подобная практика, ориентированная лишь на текущие потребности, вряд ли является источником силы государства на перспективу.

Определенно можно говорить и об использовании научно-технической силы государства на международной арене. Именно наука, образование, здравоохранение формируют основу, которая создает экономику, базирующуюся на знаниях, определяющую реальную мощь государства, его способность обеспечивать весь спектр национальных интересов. Современное производство, системы национальной безопасности, повсед-

невная жизнь государства все более основываются на достижениях науки и техники, которые используются для повышения его совокупной мощи.

Первыми, кто осознал перспективность использования научно-технической силы в качестве инструмента внешней политики, стали США. Именно за счет мощного импульса в развитии фундаментальной науки Америка смогла в 1970–1980-е годы ответить на экономический вызов Японии и Западной Европы и снова вырваться вперед в последующее десятилетие. Определенную роль в этом сыграли и огромные вложения государства в научно-исследовательские разработки по линии НАСА и Пентагона (Интернет, по сути, был создан именно под эгидой министерства обороны США). Начиная с 1970-х годов в США активно внедрялась концепция «научного империализма» («технотронного века»), основанная на лидирующей роли Соединенных Штатов в сфере научно-технической революции, их научном отрыве от других государств. В результате остальной мир объективно должен был во все большей степени зависеть от гигантского «мозга» — Соединенных Штатов. Это и произошло уже в конце XX века.

Стремительно возрастает роль информационной силы. Человечество вступило в век информации и информационных систем (в связке с коммуникационными), и многие эксперты полагают, что XXI век будет веком информационным. Информация является крайне выгодным капиталом в самом широком понимании, ибо она часто служит основой принятия решений на любом, в том числе самом высоком, уровне. Огромное значение информация и сетевые технологии имеют для функционирования экономики, финансовой и банковской систем, военной сферы. Не меньшее значение имеют и каналы передачи информации, ибо тот, кто владеет ими, может регулировать (дозировать) поступление информации для других и использовать наиболее важную информацию в своих интересах. Контроль над международными коммуникациями создает новые формы зависимости между государствами. СМИ XXI века становятся мощным внешнеполитическим инструментом, ведь с их помощью можно не только формировать мировоззрение социумов конкретных стран, но даже организовывать проведение переворотов и революций в других странах.

Сегодня в мире количество работающих мобильных телефонов превышает численность 7,5-миллиардного населения

Земли, более 4 миллиардов человек пользуются Интернетом. Лидером этой «четвертой информационной революции» (письменность; рукописная книга; печатный станок; компьютеры и Интернет) являются США. Значительная часть провайдерских сетей Интернета (равно как и используемых ими программ) возникла в США; ключевые аппаратные и программные компании также американские. Лишь несколько крупных компаний в этой сфере расположены в Японии, Южной Корее, Канаде и Франции. Девять из десяти самых посещаемых сайтов так или иначе связаны с американскими компаниями, при том что пользователи находятся за пределами США. Америке принадлежат тридцать шесть из пятидесяти самых популярных мировых сайтов.

Информация создает силу, и сегодня гораздо большая часть населения планеты имеет к ней доступ. Поэтому сила данного ресурса заключается не в информации самой по себе, а в способности различать, умении выявлять ценную информацию и игнорировать фоновые помехи. В этой связи большой вес начинают приобретать «толкователи информации», то есть глобальные СМИ, авторитетные эксперты, популярные сравнительные рейтинги, академические институты, — и это потенциальный источник силы тех, кто обладает социальным капиталом доверия и способен указывать аудитории, на что следует обращать внимание.

Развитие и значение «мягкосиловых» технологий в мировой политике во многом обусловлено научно-техническим прогрессом, в том числе возможностью государств влиять на мировое киберпространство. Киберсила представляет собой способность достигать желаемых результатов посредством использования связанных с электроникой информационных ресурсов виртуальной сферы киберобмена. Киберсила может быть использована для достижения желаемых результатов внутри киберпространства либо в других сферах за его пределами — с помощью соответствующих инструментов. **Важнейшим компонентом киберсилы являются социальные сети, ставшие новыми глобальными политическими акторами.** Способность государств влиять на сетевые структуры или внедрять в них свои технологические решения становится важнейшим инструментом «мягкой силы», позволяющим оказывать влияние на формирование новых идей, смыслов и целей у различных групп населения в разных странах, манипулируя их поведением. Неудивительно, что ресурсы киберсилы часто используются не только как ин-

струмент «мягкой силы», но и для поддержания военных операций и организации «цветных революций».

Существенной частью внешнеполитического капитала государства, безусловно, является его культурно-историческое наследие, накопленный культурный потенциал, способность транслировать за рубеж свою культуру и ценности, популяризировать в мире родной язык. Огромное значение сегодня имеет и распространение продукции массовой культуры. Все это культурная сила. Культура страны, во всяком случае та ее часть, которую легче всего экспортировать, включает в себя язык, искусство, шоу-бизнес, гастрономию, а внутренние социокультурные факторы могут быть представлены такими параметрами, как стиль, качество и уровень жизни, менталитет, креативный потенциал и творческая сила нации.

Идеологическая сила отражает привлекательность господствующих в обществе ценностей и идеалов, этических и моральных норм, уровня жизни населения. Успешную пропаганду собственной модели развития облегчает сегодня наличие Интернета, социальных медиа, спутникового телевидения. Идеологическую силу в своей внутренней и внешней политике активно использовали и используют как авторитарные, так и демократические страны и даже террористические группировки. Наглядно масштабы использования идеологической силы показывает стремительное проникновение американской массовой культуры, образа жизни, ценностей во все страны мира — то, что С. Хантингтон назвал «кока-колонизацией».

Все большую роль в мировой политике играет сила идей и образов. Нет никакого сомнения в том, что соблюдение прав человека и гражданских свобод в демократических странах, высокий и стабильно возрастающий уровень их благосостояния, а также активная пропагандистская работа неправительственных организаций на этом поприще оказались той силой, которая способствовала размыванию «реального социализма» в Советском Союзе и странах Восточной Европы и в итоге привела к распаду социалистического лагеря и самого СССР. Точно такие же приемы использовались и используются Западом в начале XXI века, что хорошо видно на примере «цветных революций», «арабской весны», «Евромайдана» и т. д. Такая политика основывается не столько на убеждении, уговаривании или способности воздействовать на людей с помощью аргументов, сколько на «активах»,

продуцирующих ее привлекательность, на создании информации и образов, когда образ («обертка», «фантик») становится важнее самого содержания («конфеты»).

С идеологической силой тесно связана сила образования, или научно-образовательная сила. Образовательные и академические программы осуществляются не только с целью формирования позитивного облика собственного государства, но и для установления контактов с будущей интеллектуальной элитой других стран.

Государства, обладающие авторитетными и привлекательными образовательными системами, практикуют программы студенческого обмена, стипендиальные и грантовые программы, предоставляют льготы иностранным студентам для приобретения гражданства и т. п. Система образования, подкрепленная широким спектром программ академического обмена, является долгоиграющим инструментом «мягкой силы», продолжающим свое воздействие даже после возвращения студентов на родину. Преимущества таких образовательных программ очевидны, поскольку, обучаясь в вузе другого государства, студенты получают образование, основанное на американских (европейских, азиатских, российских и т. п.) социальных и политических ценностях, и многие из них возвращаются домой сторонниками Вашингтонского консенсуса, Пекинского консенсуса либо иных ценностей, характерных для страны обучения. У себя дома некоторые из них занимают влиятельные позиции в общественных, экономических, военных и политических структурах, нередко становясь проводниками влияния инкорпорированной идеологии. Подобные образовательные стратегии позволяют сформировать в долгосрочной перспективе лояльное отношение у иностранцев к принимающей стране и даже нередко особое мировоззрение, отражающее ценностные ориентации приглашающего государства.

Данный процесс относительно легко происходит именно в молодежной среде. По остроумному замечанию Ф. Закарии, «высшее образование — лучшая промышленность Америки». А основатель концепта «мягкой силы» Дж. Най высказывает мнение, что «решающую роль в демонтаже СССР сыграли вовсе не “звездные войны”, истощившие советский бюджет, а диалог американских и советских ученых в рамках Пагуошской конференции». Лидеры в области обучения иностранных студентов — США (семьсот пятьдесят тысяч), Великобритания (пятьсот тысяч), Гер-

мания и Китай (по триста тысяч). Стоит отметить, что важной составляющей образовательной силы сегодня является статус образовательных учреждений, научных изданий и ведущих ученых, отражающийся также в их позициях в ведущих академических и наукометрических рейтингах.

Религиозная сила также имеет большой внешнеполитический потенциал. Особенно это касается мировых религий: христианства, ислама и буддизма. Некоторые страны вообще обладают исключительно религиозным внешнеполитическим ресурсом, другие его умело используют в комбинации с остальными компонентами национальной мощи.

Немаловажную роль в последнее время стала играть и спортивная сила государства. Спорт является инструментом политического воздействия с мощнейшим потенциалом и возможностями. История знает немало примеров того, как разные страны использовали спортивную дипломатию для реализации геополитических целей и задач. Сегодня благодаря новым коммуникационным технологиям, росту влияния социальных медиа, доступности и открытости информации роль и значение спорта в контексте международных отношений выросли многократно. **Распространенность и популярность спортивного движения во всем мире превращают его в эффективный инструментарий для популяризации политического и экономического строя, господствующих ценностей, обоснования внешнеполитического курса государства.** Великие державы ведут ожесточенное соперничество на спортивных площадках, особенно это заметно в ходе глобальных турниров, таких как Олимпийские игры. Количество выигранных золотых медалей становится важным критерием международного престижа страны, причем порой в ход идут далеко не спортивные методы. Национальные виды спорта трансформируются в популярные бренды, которые способствуют формированию и продвижению положительного образа государства на мировой арене. Для бразильцев национальным видом спорта и брендом является футбол, для канадцев — хоккей, японцев — дзюдо, корейцев — тхэквондо. Для России таким видом спорта может выступать борьба самбо.

Особый вид силы — нормативная сила. Обычно данное понятие используется в отношении Европейского союза, опирающегося в своей внешней политике не столько на материальные, сколько на нормативные стимулы и официально пред-

ставляющего себя как сила, которая придерживается норм международного права и принципов прав человека и распространяет их по всему миру. Нормативная сила ЕС проявляется в его самопозиционировании как «поставщика мировоззренческих парадигм и политических дискурсов» и «дистрибьютора универсального миропонимания». Нормативная сила ЕС означает универсальность норм и правил, лежащих в основе успеха союза европейских государств и притяжение к этой орбите успеха все новых членов, готовых разделить с европейцами их нормы.

Наконец, сегодня существует и рейтинговая сила. В последние несколько десятилетий в мире произошла «рейтинговая революция», инициированная западными странами (прежде всего США и Великобританией). Происходит популяризация, легитимизация и превращение в реальную форму власти целого ряда межстрановых индексов, оценивающих и сравнивающих разные государства по разнообразным критериям и на основе различных методологических принципов (суверенные кредитные рейтинги, индексы политического риска и стабильности, качества государственного управления, государственной «состоятельности», развития демократии, свободы слова, привлекательности национальных культур, академические рейтинги и др.). Несмотря на то что рейтинговые проекты, как правило, дистанцируются от политики, в реальности они часто используются в качестве перспективных инструментов «мягкой силы» государств и глобальных институтов, а суверенные рейтинги и индексы политического риска могут рассматриваться как эффективный инструмент внешнеэкономического влияния. Сегодня понижение национального суверенного кредитного рейтинга одним из ведущих агентств даже на один пункт может повлечь за собой для государства экономические потери в миллиарды долларов, а ухудшение качественных оценок уровня политической стабильности способно оказывать негативное влияние на активность внешних инвесторов. Развитие национальных сфер науки и образования, в свою очередь, все в большей степени определяется популярными академическими и наукометрическими индексами. Разрабатываемые в ведущих западных странах и популяризуемые глобальными СМИ сравнительные рейтинги оказывают все большее воздействие (как фактическое, так и потенциальное) на принятие политических решений, ориентиры государственной политики, на мотивацию и поведение элит, науч-

ный прогресс, институциональное развитие, экспертное сообщество, СМИ и общественное мнение, внешнеполитический имидж стран и даже на экономическую и политическую стабильность и, в частности, на уровень протестных настроений в различных обществах. **Использование рейтинговой силы позволяет воздействовать на экономику стран, их образовательную и научную системы, внешнеполитический имидж и даже делегитимизировать политические режимы.**

Сегодня структурной единицей международной системы остается государство, несмотря на многочисленные пророчества о его отмирании и стирании национальных границ под давлением глобализации. Иерархия государств по-прежнему определяется соотношением сил, однако сила теперь гораздо более сложный, многокомпонентный феномен, чем прежде. Недостаток одного вида «жесткой силы» (например, традиционной, военной или экономической) может компенсироваться «мягкой силой» — силой образов и представлений. Нельзя сказать, что какой-то из видов силы важнее, а другой, напротив, утрачивает значение. Вся картина очень подвижна: в каждом конкретном случае тот или иной компонент может «весить» по-разному. И задача всякого государства, будь то великая держава или небольшая страна, — развивать и совершенствовать все составляющие («на всякий случай», так как понадобится может любой из них). Воздействие различных видов силы неоднозначно во времени и пространстве: применение того или иного вида силы может быть эффективно только с учетом конкретной ситуации и специфики момента.

Дальнейшее развитие международных отношений выявит новые виды силы на международной арене. Кто 15–20 лет назад мог говорить об огромном значении, например, информационной силы? Кто мог предполагать, что терроризм, бывший инструментом одиночек и маргинальных экстремистских группировок, будет принят на вооружение целыми государствами (квазигосударствами) и использован для привлечения в свои ряды все новых сторонников? Наконец, кто мог представить, что единственный человек, например Дж. Ассандж или Э. Сноуден, может также стать отдельным, пускай и весьма своеобразным, источником силы?

Так или иначе, **из наличия разных видов силы следуют четыре важных вывода.**

Во-первых, силой (влиянием) на международной арене могут обладать не только государства, имеющие обширную территорию, значительное население, мощную военную машину и экономическую базу, но и страны среднего размера и даже негосударственные акторы. Например, нейтральные Швеция и Швейцария обретали силу в результате неучастия в противоборствующих союзах и коалициях. Их нейтралитет устраивал противостоящие группировки стран, он был необходим им (хотя бы для того, чтобы поддерживать тайные контакты друг с другом). Из этой необходимости, востребованности их позиции и проистекает их политический вес (сила), позволяющий им воздействовать как на поведение отдельных стран, так и на состояние международной системы в целом. Или крошечный Катар, который за счет своих энергетических ресурсов, а также информационных (в частности, спутникового канала «Аль-Джазира») играет важнейшую роль в регионе Большого Ближнего Востока. А некоторые неправительственные организации и транснациональные корпорации оказывают большее влияние на ход мировых процессов, чем половина стран — членов ООН. В начале XXI века основоположник теории «мягкой силы» Джозеф Най писал: «Общепринятые взгляды всегда сводились к тому, что доминирует государство, у которого самая крупная военная структура. Тем не менее в век информации это может быть государство (или негосударственная структура), у которого лучшая победная история. Сегодня совсем не ясно, как измерять баланс сил и тем более как разрабатывать успешные стратегии выживания в этом новом мире».

Во-вторых, государство может обладать несколькими видами силы, отчего его воздействие на мир расширяется. В то же время страна, обладающая лишь каким-то одним видом силы, более уязвима в условиях непредвиденных изменений в международной системе. Однoboкие внешнеполитические стратегии, основанные на обладании силовым ресурсом определенного типа и его непрерывном наращивании, утрачивают свою эффективность в условиях поливариантного развития мировых политических процессов. Советский Союз в 1980-е годы воздействовал на окружающее его пространство, прежде всего, благодаря тому, что он был военной державой, готовой противоборствовать всему миру. Его боялись и потому уважали. Соединенные Штаты обладали военной силой, сопоставимой с советской, и их тоже

боялись. Но американцы обладали и другими видами силы, в том числе и «мягкими», воздействие которых на мир было очень конструктивным. Это обстоятельство в итоге и позволило США одержать победу в холодной войне.

В-третьих, следует различать относительную мощь государства, связанную с возможностью непосредственного воздействия на других, и структурную мощь — способность создавать нормы и правила, по которым действуют остальные акторы системы международных отношений.

Наконец, в-четвертых, современном глобальном мире стремительно возрастает роль «мягкой силы». Сегодня решать геополитические задачи проще, удобнее и экономичнее именно с помощью несилowych, «мягких» внешнеполитических инструментов. И хотя военная сила и экономическая сила сохраняют значение, достижение целей на международной арене просто невозможно без применения «мягких» параметров силы, то есть стратегии «мягкой силы».

В свое время Джозеф Най сформулировал следующий тезис в отношении силы применительно к сфере международных отношений: «Сила — это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Основных способов для этого имеется три: принуждение («кнут»), плата («пряник») и притягательность («мягкая сила»)». «Жесткая сила» действует путем вознаграждения и принуждения (метод кнута и пряника), тогда как «мягкая сила» — путем обольщения, завлечения, притяжения, кооптирования и соблазна.

Рекомендуемая литература:

1. Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. — 2002. — № 1(4). — С. 69–80.
2. Лики силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики / под ред. С. А. Караганова, Т. В. Бордачева. — М.: Международные отношения, 2013.
3. Фененко А. В. Традиционные и новые факторы силы в международных отношениях // Современная наука о международных отношениях за рубежом : хрестоматия. В 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова. — М.: НП РСМД, 2015. — С. 348–358.

Лекция 2

«Мягкая сила»: теоретический обзор

В последнюю четверть века в политологическом дискурсе принято проводить достаточно четкую грань между «жесткой силой» (hard power) и «мягкой силой» (soft power).

Концепция «мягкой силы» была разработана профессором Гарвардского университета, общепризнанным специалистом по проблемам международных отношений Джозефом Наем-младшим. Дж. Най известен как один из наиболее авторитетных представителей современной американской неолиберальной традиции. В последние годы он работал деканом Школы управления имени Дж. Кеннеди в Гарвардском университете, а в прошлом был председателем Национального совета по разведке, заместителем министра обороны США в администрации Б. Клинтона, занимал еще ряд высоких постов. Впервые термин «мягкая сила» был использован в статье, опубликованной в журнале «Foreign Policy» в 1990 году, которая так и называлась — «Мягкая сила». «Мягкую силу» ученый определил как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек». Дальнейшее развитие концепция «мягкой силы» получила в монографии «Обязанный лидировать: меняющийся характер американской мощи». Но главная работа Дж. Найа на эту тему была издана в 2004 году и в русском переводе получила название «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике» («Soft Power: The Means to Success in World Politics»), хотя лучше было бы, наверное, перевести ее как «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике». Наконец, спустя семь лет Най написал еще одну фундаментальную работу — «Будущее власти» («The Future of Power»).

Стоит отметить, что на момент своего появления теория «мягкой силы» была частью американского глобального дискурса, призванного закрепить победу США в холодной войне и доминирование единственной сверхдержавы на мировой арене. Изначально этот концепт создавался западными экспертами не как научная дисциплина, а скорее как прикладной инструмен-

тарий для реализации целей американской внешней политики с опорой на тот экономический, культурный, научный и финансовый потенциал, которым располагали именно США. Не случайно Дж. Най использовал не только результаты своих теоретических исследований, но и опыт, обретенный за годы работы в Пентагоне, Госдепартаменте и ООН. Однако этот опыт был ориентирован строго на внешнеполитические интересы США и, по крайней мере изначально, не учитывал особенности использования «мягкой силы» другими государствами.

Помимо вполне конкретных внешнеполитических обстоятельств, причинами появления вопросов, связанных с «мягкой силой», стали усилившаяся взаимозависимость государств мира, глобализация и стремительное развитие информационных технологий (особенно спутникового телевидения и Интернета). В своей первой статье на эту тему Най особое внимание обращал на то, что в эпоху информационной революции фактор привлекательности той или другой страны имеет гораздо большее значение, чем раньше. Актуализированный Наем концепт «мягкой силы» учитывал все эти изменения. Более того, он основывался на реальных достижениях Соединенных Штатов Америки и на том факте, что во многом именно широкое использование во внешней политике возможностей «мягкой силы» привело Вашингтон к победе в холодной войне.

Конечно, идея обретения силы и власти через привлечение симпатий не нова, однако впервые эта идея на уровне полноценной политологической концепции была четко осмыслена и сформулирована только в 1990 году Дж. Наем. Благодаря американскому исследователю концепт «мягкой силы» стал популярен и прочно вошел в научный лексикон, а также нашел свое отражение в законодательных актах различных стран, политических доктринах и иных программных документах.

Именно Най предложил делить ресурсы государства на те, которые служат принуждению («жесткая сила»), и те, которые опираются на убеждение («мягкая сила»). Это был новаторский подход, так как принудительные меры часто сопровождаются насилием и сопротивлением этому насилию, что ведет к конфликтам и войнам. Более того, в современных условиях взаимозависимости политических и экономических процессов принуждение с большой долей вероятности может обернуться против того, кто его применяет. Поэтому актуальным вопросом мировой полити-

ки является проблема оказания влияния без принуждения, с использованием иных, «мягких» методов воздействия. Как правило, использование «жесткой силы» более оправдано в краткосрочной перспективе, тем более в условиях дефицита времени. Вместе с тем эффект от применения «жесткой силы» обычно оказывается недолговечным и нередко сопряжен со значительными издержками. «Мягкая сила», напротив, ориентирована на постепенное и долговременное вовлечение объекта в зону своего влияния. Ее инструменты не могут быть применены оперативно, однако она позволяет достигать результатов, сохраняющихся в течение длительного времени, без постоянного внешнего давления. Более того, использование механизмов «мягкой силы» обходится гораздо дешевле применения «жесткосиловых» ресурсов.

Дж. Най рассматривает «мягкую силу» в качестве косвенного способа осуществления власти. С его точки зрения, страна способна достичь своих целей на международной арене, если остальные захотят следовать ее примеру не по принуждению, а добровольно, в результате восхищения уровнем ее открытости и процветания. В целом под «мягкой силой» Най понимает **«способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание, насилие, принуждение), что характерно для “жесткой силы”»**.

Согласно Дж. Наю, ресурсами «мягкой силы» в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата. «Мягкая сила» — это способность соблазнять и привлекать; она может основываться и на призыве к другому государству следовать разуму, логике, при этом решение спорной проблемы представляется так, чтобы оно было приемлемо для другой стороны и не выглядело как ее поражение.

Следует заметить, что в некоторых случаях формировать предпочтения других можно с помощью не только акцентированных Наем «мягкосиловых» ресурсов, но и ресурсов, обычно относимых к «жесткой силе». Так, сам факт наличия у государства могущественных вооруженных сил может служить причиной восхищения, способствовать развитию сотрудничества других с обладателем этого ресурса. Успешная модель экономического развития влияет на формирование желания других взаимодей-

ствовать с процветающей державой, поскольку это может означать прямые финансовые выгоды. Более того, в роли ресурса «мягкой силы» могут выступать не только фактическое состояние экономики той или иной страны, но даже прогностические оценки перспектив ее развития.

И все же **традиционно экономическую и военную мощь относят к «жесткой силе» государств.** «Жесткая сила» базируется на таких ресурсах, как военно-промышленный потенциал государства, эффективность специальных служб, возможности установления экономических санкций. Важнейший посыл «жесткой силы» состоит в принуждении объектов воздействия к определенным действиям. **В основе же «мягкой силы» лежат культура, идеи, символы, мифы и ценности.** Внедрение определенных ценностей и стандартов, правил и норм поведения, которыми руководствуются государства при реализации как внутренней, так и внешней политики, придание им статуса общепринятых и универсальных, а также создание соответствующих глобальных институтов имеет ключевое значение для формирования могущественной «мягкой силы». Основой и «жесткой силы», и «мягкой силы» субъекта международных отношений выступает способность достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разница между ними заключается в инструментах: проецирование «жесткой силы» происходит через принуждение и навязывание своей воли, тогда как эффективное действие «мягкой силы» формируется через механизмы согласования внешнеполитических акций и вовлечение в более широкое сотрудничество на базе единых ценностей, благоприятствующих такому сотрудничеству.

Согласно Наю, «**мягкая сила**» характеризуется **тремя основными компонентами.** Во-первых, **культурой государства** — достижениями в области высокой и массовой культуры. Во-вторых, **политической идеологией** — набором значимых для общества ценностей, которых государство придерживается как внутри страны, так и за ее пределами, причем не только декларативно. В-третьих, **внешней политикой**, если она рассматривается остальными участниками международных отношений как легитимная и авторитетная с моральной точки зрения. Первые два компонента — исторически сложившееся наследие нации, третий — субъективный фактор, привносимый находящимися в данное время у власти политиками.

Ключевые ресурсы «мягкой силы» государства, по мнению Дж. Найа, находятся в сферах политики, экономики и культуры. Другими словами, **структура «мягкой силы» имеет три грани, три измерения своего влияния: политическое, экономическое и культурное.**

Политическое влияние — это характер отношений с другими странами, участие в институтах глобального управления и международных организациях, наконец, **международный имидж государства.** При этом не стоит путать понятия «мягкая сила» и «международный имидж». Многие государства обладают международным имиджем, но не располагают «мягкой силой». Важная характеристика государства, обладающего «мягкой силой», — это создание и культивирование собственной оригинальной модели развития, которая вызывает симпатии за пределами национальных границ. В качестве примера Дж. Най неоднократно приводил Великобританию XIX века и США второй половины XX века, сформировавшие международные правила и институты в духе либерализма, которые отвечали интересам британского и американского капитализма, и определявшие геополитическую повестку дня на большей части территории планеты. Великобритания предложила миру свободную торговлю и золотой стандарт, а США — глобальные финансово-экономические организации (МВФ, ВТО и др.). Эффективным способом повышения «мягкой силы» государства является и реализация такого внешнеполитического курса, который будет легитимен с точки зрения международного права и привлекателен для остальных игроков мировой политики. Большое значение для увеличения капитала «мягкой силы» может также иметь участие страны в урегулировании различных кризисных ситуаций, международных и локальных конфликтов.

Экономическое влияние основывается на успешной экономической модели, инвестиционной привлекательности, программах помощи развитию. Экономическая мощь может быть задействована государством посредством реализации крупных инфраструктурных проектов за рубежом, активного финансирования международных институтов, оказания экономической помощи нуждающимся государствам. Подобная «дипломатия развития» способствует не только налаживанию отношений между государством-реципиентом и государством-донором, формированию позитивного имиджа последнего в общественном

сознании граждан государства — получателя помощи, но и повышению его авторитета в международном сообществе и решению собственных геополитических задач. США активно используют предоставление помощи для стимулирования демократических процессов в странах-реципиентах, превращая другие страны в своих союзников, а порой и вассалов, насаждая собственные политические ценности. Запущенный в 1948 году по инициативе Вашингтона «план Маршалла», например, стал важнейшим инструментом поддержания послевоенной политико-экономической гегемонии США в Западной Европе.

Культурное влияние — это привлекательность образа жизни, ценностей, культуры как таковой. В XXI веке культурно-ценностная привлекательность в качестве ресурса «мягкой силы» базируется на популяризации достижений высокой культуры и распространении продуктов массовой культуры. Продвижение собственной поп-культуры, кино- и музыкальной продукции, создание торговых сетей фастфуд с национальной кухней на территории других государств, победы в крупных международных спортивных турнирах и т. п. — это инструменты, связанные с массовой культурой. Знакомство с отечественными шедеврами литературы и искусства, достижениями в науке и технике, распространение во вне национального языка относятся уже к элементам высокой культуры. Носителями культурной составляющей «мягкой силы» являются известные торговые марки, бренды и даже мода. Так, в сознании обычного человека высокие технологии ассоциируются с Японией, высокая мода — с Францией или Италией, автопром — с Германией и т. д. Сюда же следует отнести и наследие прошлого, что особенно заметно в сфере туризма, когда величественные монументы древности служат имиджу сегодняшних стран.

Основным объектом воздействия «мягкой силы» во внешнеполитической сфере являются государства (развитые или развивающиеся, демократические и недемократические). Качественные характеристики государства-объекта — уровень экономического развития, особенности культурного кода, этнический и конфессиональный состав, существующий политический режим и др. — определяют структурные составляющие этой силы. Например, при осуществлении влияния на развивающиеся государства, как правило, приоритетным и наиболее эффективным выступает такой ресурс «мягкой силы», как успешная

модель экономического развития. Иные ресурсы, особенно, связанные с ценностными ориентациями, не так эффективны. Так, Дж. Най справедливо замечает, что не для всех государств мира может быть привлекательна американская культура, а некоторые ее проявления даже вызывают резкую неприязнь в отдельных обществах (например, мусульманских). Вместе с тем пропагандируемые Вашингтоном политические ценности он априори относит к универсальным, полагая, что важность свободы, индивидуализма, равенства и верховенства закона принимается во всем мире. А раз это так, то они и должны везде продвигаться носителями этих ценностей. Но два десятилетия наступившего века отчетливо показали, что политические ценности США разделяют и готовы принять далеко не все государства. У многих иные предпочтения — например, ценности «Пекинского консенсуса», то есть сочетание принципов рыночной экономики и контролируемой политической системы.

Внешняя политика государства может усиливать или ослаблять действенность «мягкой силы». Война в Ираке в 2003 году, по мнению Дж. Найа, пошатнула веру в привлекательность всего американского в большей части мира; аналогично подавление антикоммунистического мятежа в Венгрии в 1956 году и особенно интервенция войск ОВД в Чехословакию в 1968 году негативно повлияли на восприятие СССР даже в странах соцлагеря. В то же время запуск первого спутника и последовавший за ним в 1961 году полет Юрия Гагарина в космос имели обратное действие. Нужно заметить, что каким бы привлекательным государство ни выглядело в глазах других акторов международных отношений, одно неправомерное и нелегитимное решение нивелирует все старания и меняет образ на диаметрально противоположный. Силовые методы, непосредственное вмешательство во внутренние дела, насаждение своих ценностей приводят в итоге к существенному уменьшению «мягкой силы». При этом Най подчеркивает, что далеко не всегда «мягкосиловое» воздействие оказывается достаточно эффективным, и приводит пример Ким Чен Ира, который любил смотреть голливудские фильмы, однако это никак не отражалось на воинствующем антиамериканизме северокорейского лидера. Следует еще раз подчеркнуть, что **степень влияния «мягкой силы» государства определяется его реальной, комплексной национальной мощью.** Эта степень, в свою очередь, может либо снижаться из-за неверных внутри- и внеш-

неполитических действий, либо увеличиваться благодаря интенсивным действиям страны, ведущим к повышению ее имиджевых характеристик.

Различными типами «мягкой силы» могут обладать не только государства, но и транснациональные корпорации, глобальные неправительственные организации, международные террористические сети и даже отдельные харизматичные личности. Существовая в «другом измерении» международных отношений, негосударственные субъекты оказывают непосредственное влияние на мировые процессы, зачастую пользуясь исключительно ресурсами «мягкой силы». Заметно усилили эффективность воздействия «мягкой силы» негосударственных игроков возникновение сетевых субъектов и информационная революция. «Мягкая сила» нетрадиционных акторов может входить в прямое столкновение с политикой и идеологией государственных субъектов. Современный пример — замалчиваемый и плохо осознаваемый рост привлекательности терроризма, вольная или полусознательная популяризация которого в СМИ увеличивает угрозы национальной и международной безопасности. Тот же Най признал еще в 2009 году, что, в частности, идеи Бен Ладена многим людям в определенном регионе мира кажутся весьма привлекательными: «Его умение обращаться с “мягкой силой” не вызывает сомнений. Именно ею он воспользовался, чтобы обрушить башни-близнецы Всемирного торгового центра. Никому из пилотов-смертников он не держал пистолет у виска, не сулил денег. Они решились на это лишь потому, что он увлек их своей харизмой и взглядом на мир».

В работе 2004 года Дж. Най дает весьма интересную оценку ресурсной базе «мягкой силы» основных центров мирового развития. Так, применительно к США первый ее «столп» — это **привлекательность американской культуры и образа жизни.** Автор указывает на лидерство США по таким показателям, как численность принимаемых эмигрантов, объем выпускаемой телепродукции, количество иностранных студентов в США и число американцев среди нобелевских лауреатов в области физики, химии и экономики. Приведенные цифры показывают, что еще в первой половине 2000-х годов почти 80% респондентов из сорока трех стран мира восхищались достижениями США в области науки и технологии, а около 60% любили американскую музыку и телевидение.

Второй «столп» «мягкой силы» США — американская политическая идеология: полностью или частично ей симпатизировали половина опрошенных. До сих пор ученые считают США кузницей нобелевских лауреатов, женщины — оплотом феминизма, болельщики поклоняются американскому спорту, киноманьяки — Голливуду, дети — Диснейленду, айтишники — родине Интернета и глобальных социальных сетей.

Европейские страны с точки зрения «мягкой силы» Дж. Най считает единым центром глобального значения. Несмотря на отставание в военной и экономической областях Европа выступает серьезным конкурентом США в борьбе за умы и сердца. Европейские языки, восприятие Европы как оазиса процветания (в условиях 2004 года), самые высокие в мире показатели социально-экономического развития (опять же до кризиса 2007–2009 годов), а также французское вино, итальянская мода, немецкий автопром, европейские курорты и швейцарская надежность — все это образы, относящиеся к культурной привлекательности Европы и европейцев. Политические ценности, их «мягкая привлекательность» и (что выгодно отличает Европу от США) ориентация европейских политиков на сотрудничество при решении международных вопросов с привлечением многосторонних институтов, акцент на невоенном решении конфликтов — устойчивые черты европейского имиджа в международном сообществе и важные солидные ресурсы «мягкой силы» ЕС.

Среди азиатских стран автор особо выделяет Японию, которая, по его мнению, обладает большим потенциалом «мягкой силы». Одно из лидирующих мест в мире по количеству зарегистрированных патентов, первое место по оказанию помощи зарубежным странам, наибольшая продолжительность жизни — таков выигрышный образ Японии в глазах мира. Отличительной чертой японской «мягкой силы», особенно в развивающемся мире, является ее успешный опыт модернизации, достижение сопоставимого с американским и европейским уровня экономического развития без ущерба для самобытной японской культуры. Любопытна корреляция между «мягкой силой» и «жесткой силой» Японии. Несмотря на экономический спад на рубеже веков, привлекательность страны в целом выросла даже больше, чем в условиях экономического бума 1980-х годов. Еще популярнее стали японская бытовая техника, архитектура, мода, еда, искусство мультипликации. Явно улучшилось общее воспри-

ятия Японии. При этом главным ограничителем «мягкой силы» этой страны Най считает внутреннюю ориентацию ее культуры на сохранение, консервирование особенностей ее деловой этики и образа жизни. Именно такая внутренняя установка мешает Японии претендовать на более широкое распространение своего влияния.

Конечно, оценки Най несколько устарели. Так, например, Дж. Най отмечает, что главным фактором, сдерживающим влияние «мягкой силы» Китая, является внутренняя политика Коммунистической партии Китая, а дополнительным ограничителем — нарастающие опасения США, что КНР станет потенциальным соперником Америки. Однако сегодня именно Китай является наиболее динамично развивающимся государством в сфере приращения «мягкой силы».

Вообще вывести некий математический индекс уровня «мягкой силы» государства крайне сложно. Часто такие оценки отражают субъективную идеологизированную и политизированную позицию исследователей. Более целесообразно сравнивать «мягкую силу» различных акторов в глобальном и региональных измерениях на основании анализа ряда направлений, то есть производить оценку экономического, политического и культурного влияния рассматриваемого государства в мире или регионе. Так, США — крупнейший экспортер в мире по объему культуры: киноиндустрия, музыка и др. Кроме того, весомым вкладом в фактор «мягкой силы» является качество высшего образования, привлекающее иностранных студентов, а также тот факт, что университеты США доминируют в рейтинге Times Higher Education Top 200 и более семидеяти нынешних и бывших глав государств обучались в университетах США. Великобритания и Франция имеют огромное культурное наследие, исторические связи со многими странами, в том числе и с бывшими колониями, членство в различных международных организациях и поэтому обладают солидной «мягкой силой». Германия вкладывает огромные бюджетные средства в публичную дипломатию, например в обеспечение деятельности Международной телерадиокомпании «Немецкая волна» или «Института Гете», проводя тем самым работу по продвижению немецкого языка и культуры за рубежом. И так далее.

Для Найя понятие «мягкая сила» включает и «привлекательность», и «влияние», то есть и пассивный (образ страны)

и активный (политика) элементы. Это важно для понимания составляющих «мягкой силы», которая не может быть сведена, например, к пропагандистским усилиям или количественному наращиванию информационного присутствия, но и не ограничивается исключительно статичным имиджем государства. **«Мягкую силу» действительно можно условно разделить на две составляющие.** Первая — **пассивная «мягкая сила»** — определенный набор характеристик, органически присущих стране. Пассивная «мягкая сила» характеризует привлекательность государства априори, в ситуации, когда никаких специальных усилий для того, чтобы понравиться другим, страна не предпринимает. Вторая составляющая «мягкой силы» — это **активная «мягкая сила».** Она проявляется, когда государство пытается донести до объекта воздействия свои преимущества и сформировать в его обществе и политической элите выгодную для себя ценностную позицию или позицию по тому или иному международному вопросу.

При проявлении «мягкой силы» особенно важно то, о чем думает объект воздействия, и объекты сами по себе значат не меньше, чем субъекты. ««Мягкая сила», — пишет Най, — суть танец, для которого нужны партнеры». Вообще любое общество неоднородно. Для одной социальной группы привлекательно одно, в то время как для другой — другое. Поэтому не может быть универсальной привлекательности, или, иными словами, универсальной «мягкой силы». При использовании «мягкой силы», а также при ее изучении и оценке эффективности влияния важно определить, насколько адекватно выбран адресат именно для данного типа воздействия при помощи «мягкой силы».

«Мягкая сила» — совокупность гуманитарных ресурсов страны, которые можно реализовать при помощи набора определенных технологий. Данный ресурс можно приобретать, накапливать и расширять. Исследователи выделяют два пути увеличения потенциала «мягкой силы»: «естественный» и «искусственный».

«Естественный» путь предполагает проведение такой внешней и внутренней политики, которая сама по себе вызывает одобрение и симпатию мирового сообщества. Это может быть улучшение качества жизни граждан страны, создание перспективной экономической модели, активное участие в решении глобальных проблем. В этом случае авторитет государства на мировой арене неуклонно повышается, его система ценностей,

внутри- и внешнеполитическая деятельность начинают восприниматься как удачная модель, одобрение и адаптация которой не вызывает недовольства других участников международных отношений. Однако на практике следование лишь по пути «естественного» наращивания «мягкой силы» не всегда дает ожидаемый результат. В первую очередь, это происходит потому, что у некоторых государств на порядок больше возможностей оказывать влияние на общественное мнение, чем у других. В современных условиях такое лидирующее положение занимают США и их союзники, что позволяет им формировать «стандарты поведения», основанные на собственной системе ценностей, — соответственно, действия других государств оцениваются именно в рамках американской системы координат. Коллективные возможности Запада в информационной сфере позволяют как акцентировать, так и ограничивать освещение определенных событий или явлений, что серьезно лимитирует возможность других стран формировать реальный, неискаженный образ своего государства. В такой ситуации у остальных стран есть два выхода: подстраиваться под существующие стандарты или усиливать свою мощь, чтобы трансформировать их.

«Искусственный» путь наращивания «мягкой силы» как раз предполагает целенаправленное проведение мероприятий по информированию иностранных аудиторий: подробное разъяснение политики собственного государства, активное приобщение к отечественным культурным ценностям, отслеживание и реагирование на негативные оценки, проведение мероприятий по расширению информационного влияния на другие страны. Следовательно, «искусственный» путь, в отличие от «естественного», является более активным и позволяет государству контролировать процесс наращивания «мягкой силы», при необходимости направляя и корректируя его.

Стратегия «мягкой силы» государств может классифицироваться как ориентированная на лидерство или на гегемонию. Дж. Най определял эти различия в понятиях «власть совместно с другими» и «власть над другими». **Гегемонизм** предполагает отрицание чужих ценностей и альтернативных моделей развития, стремление к односторонним действиям. В то же время **лидерство** предполагает активную внешнеполитическую деятельность, нацеленную на поиск оптимальной модели сочетания собственных национальных интересов и интересов своих

партнеров для достижения мира и совместных политических целей. В отличие от гегемонизма, лидерство не характеризуется склонностью к мессианству, постулированием собственного превосходства, исключительности своей страны, переоценкой своих и недооценкой чужих успехов и достижений, выдвиганием «неоспоримых» истин, каковыми признаются лишь собственные идеи и взгляды.

Можно достаточно четко выделить два уровня, на которых действует «мягкая сила». «Высокий уровень» призван воздействовать на элиту различных стран с целью изменения ее установок или привлечения на свою сторону. **«Низкий уровень»** ориентирован на все мировое сообщество, население интересующих субъекта «мягкой силы» стран и регионов. Основной целью здесь является воздействие на массовое сознание.

Саму практику применения «мягкой силы» в зависимости от ее целеполагания, содержания и направленности применяемых технологий целесообразно разделить на два вида.

В первом случае «мягкую силу» следует рассматривать как позитивную технологию, позволяющую улучшать взаимопонимание между государствами и народами, как средство, способствующее культурному взаимообогащению, как политику продвижения национальных интересов без сопряжения с агрессивными разрушительными действиями в отношении других акторов и навязывания собственных ценностей в качестве универсальных. В этом случае внешнеполитический курс государства можно охарактеризовать как миролюбивую политику, которая уважает ценностные различия между странами, старается учитывать не только свои узконациональные интересы, но и интересы других участников мирового сообщества.

Но существует и другой вариант, когда «мягкая сила» применяется для дестабилизации государственного управления и государства в целом, неконституционной смены власти, нанесения необратимого фатального ущерба социальному порядку страны, разрушения государства или превращения его в несостоятельное. В данном случае государства — объекты воздействия такой «мягкой силы» вполне справедливо воспринимают ее в качестве «жесткой силы», мало чем отличающейся от вооруженной интервенции или экономической войны. По сути, речь идет об использовании технологий «мягкой силы» для подрыва государственного и социального устройства другой страны с помощью

скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы, навязывания определенных стереотипов в общественном сознании для достижения конкретных корыстных целей и задач. В таком случае стратегия «мягкой силы» заключается в том, чтобы разрушить системы государственного и военно-политического управления «страны-жертвы», парализовать экономическую активность, дестабилизировать ее социальную и духовную жизнь. Характерно, что в своей работе Дж. Най также подчеркивает, что, как и любая другая форма власти, «мягкая сила» может как обращаться во благо, так и использоваться с деструктивными целями. «Выкручивание мозгов, — пишет Най, — отнюдь не лучше выкручивания рук».

«Мягкая сила» имеет и оборотную сторону. Далеко не всегда просчитывается, какие последствия может повлечь за собой привлекательный образ государства. Ярким свидетельством тому является «мягкая сила» Германии и ряда других западноевропейских стран, обусловившая наплыв беженцев в Европу в середине 2010-х годов. Не вызывает сомнения, что подавляющее большинство мигрантов были не очарованы политическим устройством, культурой, историей и традициями европейских стран, а всего лишь стремились заполучить социальные пособия и другие блага, порой откровенно презирая собственно ресурсы «мягкой силы» государств Европейского союза.

Пути использования «мягкой силы» могут быть различными. Ключевым инструментом, который позволяет сделать наращивание «мягкой силы» контролируемым, продуманным процессом, направленным на достижение конкретных целей, является публичная дипломатия. Она включает в себя культурные, образовательные, спортивные, медийные, научные и иные проекты, ориентированные на взаимодействие с элитой и обществом других государств и нацеленные на создание привлекательного образа своей страны. В самом широком смысле публичная дипломатия — это комплекс мер, нацеленных на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определенного государства. Акторами публичной дипломатии могут быть правительства и органы государственной власти, неправительственные организации, средства массовой информации, бизнес-структуры, частные группы и даже отдельные лица. Каналы публичной дипломатии включают коммуникацию, в том числе информацион-

ные технологии и особенно Интернет, культурные, научные и образовательные центры, организации языкового сотрудничества, крупномасштабные спортивные мероприятия и т. д.

Как известно, первоначально в своих работах Дж. Най разделял мощь государства на две ключевые составляющие: «жесткую силу» (hard power) и «мягкую силу» (soft power). В дальнейшем ученым был выделен концепт «умной силы» (smart power), совмещающей в себе инструменты первых двух ее видов, но изначально близкой по смыслу к «мягкой силе». В вышедшей в 2004 году книге «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике» в последнем абзаце Дж. Най указывал, что США во внешней политике следует найти разумный баланс между «мягкой» и «жесткой» силой. «Это и будет “умная сила”», — писал американский политолог. **Во внешнеполитической плоскости эта концепция была сформулирована в 2007 году в докладе двухпартийной группы экспертов американского Центра стратегических и международных исследований во главе с Дж. Наем и Р. Армитаджем (заместителем госсекретаря США в 2001–2005 годах). «Умная сила» представлялась как умение использовать полный набор инструментов, имеющихся в распоряжении государства, — дипломатических, экономических, политических, правовых и культурных, — выбирая правильное средство или их комбинацию для каждой конкретной ситуации.** Другими словами, «умная сила» — это синоним правильной, эффективной политики, своеобразная комплексная модель современного мирового лидерства США, включающая в себя информационно-интеллектуальное влияние, многосторонность подходов, способность решать глобальные проблемы в американских интересах.

Согласно Дж. Наю, «умная сила» — это сочетание «жесткой силы» для понуждения и возмездия с «мягкой силой» в виде убеждения и притяжения, поскольку «мягкая сила» не есть решение всех проблем. Най признает, что в историческом плане государства уже давно применяли и использовали «умную силу» как сочетание прямых военных действий и дипломатического сотрудничества, успешной стратегии, в частности посредством альянсов, пропаганды и т. п. Най приводит примеры Римской империи, Пруссии времен Отто фон Бисмарка или Китая при Мао Цзэдуна. Таким образом, «мягкая сила» государства, по мнению американского политолога, может рассматриваться также в рамках стратегии его «умной силы».

Недавно в американском общественно-политическом дискурсе появилось новое понятие — *sharp power*, что можно перевести как «острая сила». Понятие было использовано сотрудниками Национального фонда в поддержку демократии для обозначения якобы имевшего место вмешательства России в президентские выборы в США в 2016 году. Предлагалось переосмыслить термин «мягкая сила», так как «концептуальный словарь, который применялся после завершения холодной войны, перестал выглядеть адекватным для современной ситуации». «Острая сила» определялась как сила, опирающаяся на «диверсии, запугивание и давление, которые совместно стимулируют самооценку». Если «мягкая сила» использует привлекательность культуры и ценностей страны для расширения ее могущества, то «острая сила» помогает авторитарным режимам контролировать поведение внутри государства и манипулировать мнением за рубежом. Авторы данной концепции предлагали в качестве ответных мер против России обратиться к инструментам «острой силы». На эту публикацию обратил внимание Дж. Най, призвавший реагировать на подобные вызовы с помощью инструментов и технологий «мягкой силы». «Острую силу» Най предложил рассматривать как аналог термина «информационная война», вариант не «мягкой силы», а «жесткой силы». Безусловно, как писал Най, «мягкая сила» манипулирует нематериальной информацией, но нематериальность не является ее отличительным свойством, так как словесные угрозы нематериальны, но это насилие. «Когда на Вас направили оружие, потребовали деньги и забрали кошелек, все, что Вы думаете или хотите, не важно. Это “жесткая сила”. Если же некто убедил Вас отдать ему деньги, тогда он изменил ваши мысли и желания. Это “мягкая сила”», — заключал основатель данной концепции.

Определенного интереса в этой связи также заслуживает концепция «разумной силы» (*intelligent power*). Данный концепт был впервые озвучен в 2010 году на политологическом семинаре в университете Карачи в Пакистане, однако дальнейшее развитие получил в трудах российских авторов. Разумная сила» понимается как альтернатива стратегиям «умной силы», становящимся все более неадекватными в условиях нарастания кризисных явлений современного мира, и предполагает отход от гегемонизма в международных отношениях в пользу глобального коллективного лидерства, способного решать проблемы и проти-

воречия в глобальной политике XXI века на основе новых форм дипломатии.

В заключение следует сделать пять выводов.

Во-первых, идея обретения силы и власти через привлекательность не нова, однако впервые эта идея на уровне полноценной политологической концепции была четко осмыслена и сформулирована только в 1990 году. Авторство концепции «мягкой силы» принадлежит американскому ученому и политику Дж. Наю-младшему. Именно Най предложил делить ресурсы государства на те, в основе которых лежит принуждение и/или подкуп («жесткая сила»), и те, которые опираются на убеждение («мягкая сила»).

Во-вторых, «мягкая сила» — это возможность достигать целей на внешнеполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов, способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью подачек или принуждения. Это особая форма силового влияния, отличительной чертой которой становится направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путем косвенного, неявного воздействия на объект. «Мягкая сила» — сила привлекательности высокой культуры, образования, талантливой дипломатии, логической убедительности аргументов в ходе переговоров, научно-технических достижений, спортивных успехов и т. д. В основе же «жесткой силы» лежит, в первую очередь, военная сила и экономическая мощь.

В-третьих, основой и «жесткой силы», и «мягкой силы» субъекта международных отношений выступает способность достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разница между ними заключается в инструментах: «жесткая сила» использует «кнут» и «пряник», а «мягкая сила» — соблазн. «Жесткая сила» важна, порой критически, но без «мягкой силы» невозможно добиться реальных результатов на международной арене для любой суверенной державы.

В-четвертых, практику применения «мягкой силы» в зависимости от ее целеполагания, содержания и направленности применяемых технологий целесообразно разделить на два вида. Позитивная «мягкая сила» нацелена на социокультурное и гуманитарное взаимодействие и сотрудничество. Реализация же механизмов и технологий «мягкой силы» деструктивного ха-

рактера ведет к подрыву духовных, культурных, социально-экономических и политических основ государства. Такая «мягкая сила» направлена на разрушение реального суверенитета государства — объекта воздействия.

Наконец, в пятых, ключевым инструментом реализации стратегии «мягкой силы» государства является публичная дипломатия, в задачи которой входит оказание влияния на общественное мнение зарубежных стран посредством различных каналов коммуникации и путем популяризации отечественных продуктов высокой и массовой культуры, включая искусство, литературу, спорт, музыку, кино- и телеиндустрию, туризм, высокую моду, национальную кухню и даже молодежные субкультуры. Публичная дипломатия — это комплекс внешнеполитических мер, направленных на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении страны — субъекта воздействия.

На современном этапе «мягкая сила» становится одним из ключевых факторов влияния государств на международной арене. Как справедливо заметил экс-глава Россотрудничества, а ныне председатель Комитета Совета Федерации по международным делам К. И. Косачев, «XXI век — эпоха инструментария “мягкой силы”, и в выигрыше будет тот, кто им овладел раньше и лучше других». Особую актуальность использование ресурсов «мягкой силы» приобретает на фоне изобретения новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, мировые элиты, национальные правительства и целые общества. «Мягкая сила» уже оказала существенное влияние на развитие международных процессов и ход мировой истории, особенно в последнюю четверть века. Она сыграла важнейшую роль в крушении СССР, а затем породила концепции «демократических интервенций», «ответственности по защите» и «человеческой безопасности», стала ядром сценария «цветных революций» и «арабской весны». Целый ряд государств активно использует «мягкую силу» в интересах собственной внешней политики, усиливая геополитические позиции на международной арене. «Мягкая сила» может быть действительно эффективной только в руках сильного государства. Любой державе, претендующей на определенный статус в международных делах, необходимо обладать стратегией «мягкой силы», постоянно совершенствовать систему примене-

ния «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности на этом направлении, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику.

Рекомендуемая литература:

1. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В. И. Супруна. — Новосибирск : ФСПИ «Тренды», 2006.

2. Най С. Дж. (младший). Будущее власти / С. Дж. Най-младший ; пер. с англ. В. Н. Верченко. — М. : АСТ, 2014.

3. Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. — М. : АРГАМАК-МЕДИА, 2017.

4. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. — Екатеринбург : Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.

Лекция 3

Публичная дипломатия: история и современность

Дипломатия существует столько же, сколько и институт государства. На протяжении тысячелетий она сводилась к контактам между главами государств или их внешнеполитическими представителями. Однако сегодня классическая модель дипломатии, предполагающая взаимодействие исключительно государств, становится лишь одним из аспектов современной дипломатической деятельности. В XXI веке дипломатия многогранна; особое место в новейшем внешнеполитическом инструментарии государств занимает публичная дипломатия. В самом широком смысле **публичная дипломатия — это комплекс внешнеполитических мер, направленных на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определенного государства.**

Главными причинами появления и развития такого феномена, как публичная дипломатия, стали процессы глобализации и информационно-коммуникационная революция. Возможность обмена информацией в режиме реального времени, значительное повышение роли личности в процессах политической коммуникации, нарастающая взаимозависимость участников международных отношений ощутимы во всех областях общественной жизни, включая экономику, политику, международные отношения, социальную сферу, экологию, право. Перенасыщенность информацией ведет к дефициту внимания. Когда народ ошеломлен объемом информации, с которой он сталкивается, возникает трудность понимания того, на чем надо сосредоточиться. Отсюда скорее внимание, чем сама информация, становится дефицитным ресурсом, и сила будет у тех, кто может отличать ценную информацию от «фоновых помех». Больше влияние приобретают «толкователи» информации и те, кто может сказать, на чем следует акцентировать внимание.

Все это резко повышает значение и роль публичной дипломатии в современной мировой политике. Дж. Най в своей последней крупной работе пишет, что общепринятые взгляды всег-

да сводились к тому, что доминирует государство, обладающее самой крупной военной структурой. Однако в век информации это может быть государство (или негосударственный игрок), у которого не мощнее армия, а лучше победная история. То есть в сегодняшнем информационном веке в политике важна победа той или иной «истории». Мифотворчество становится валютой «мягкой силы», а создает данную «историю» во многом именно публичная дипломатия.

Современный институт публичной дипломатии занял заметное и прочное место в системе международных отношений и внешней политики государств сравнительно недавно. Как и его прототип — аппарат внешнеполитической пропаганды государства, — он представляет собой продукт длительного эволюционного процесса. Еще на рубеже V–IV веков до н. э. древнегреческий философ Платон рассказывал легенду о людях, которые живут в пещере, но не имеют возможности выглянуть из нее и поэтому получают представление о внешнем мире лишь по теням и образам, отражающимся на самой дальней от входа в пещеру стене. Точно так же и сегодня, особенно в эпоху информационно-коммуникативной революции, игроки на международной арене погружены в мир образов и стереотипов.

Этапы развития института публичной дипломатии можно условно разделить на шесть периодов. **Начальный период относится к эпохе Древнего мира.** В великих государствах древности — Шумере, Ассирии, Вавилоне, Египте — зарождались методы и формы коммуникаций между государствами. **Основным методом древней публичной дипломатии была пропаганда среди соседних народов (сегодня это называется «апелляция к зарубежной общественности»).** Государства уже тогда активно использовали искусство подачи информации и искусство слова с целью создать благоприятный имидж своей державы. Каждое племя или государственное образование применяло средства коммуникативного воздействия для позиционирования себя, используя для этого маски, ритуальные танцы и др., — все это и было древними инструментами внешней пропаганды, рекламы, имиджа, то есть прообразом публичной дипломатии.

Второй период развития публичной дипломатии относится к античной эпохе (началом периода Античности принято считать дату учреждения древних Олимпийских игр — 776 год до н. э.). Во времена Древней Греции на публичных выступле-

ниях и переговорах перед иностранными государями или народным собранием произносились заранее подготовленные речи, использовался «вес слова». Знаменитый древнегреческий оратор и политический деятель IV века до н. э. Демосфен в знаменитой речи «О преступном посольстве» говорил, что послы не имеют в своем распоряжении ни боевых кораблей, ни тяжелой пехоты, ни крепостей; напротив, их оружие — слова и благоприятные возможности. Успехи греческого, а затем и римского посла и оратора обуславливались не только тем, что за его спиной было государство, обладавшее непревзойденной экономической и военно-политической мощью, но и его личными качествами. Таким образом, уже в эпоху Античности важным качеством посла или оратора, представлявшего свое государство на международной арене, была способность коммуникативного воздействия с целью достижения максимальной выгоды для своей державы.

К третьему этапу развития института публичной дипломатии относится период Средневековья и Раннего Нового времени (V–XVIII века), отличительной чертой которого стало то, что публичная дипломатия, проявлявшая себя как внешнеполитическая пропаганда государств, приобрела религиозный характер. В Западном мире, например, в это время очень большое значение имело папство, которое внесло свой вклад в развитие института публичной дипломатии. В 1662 году при Папе Римском внутри католической церкви была образована особая конгрегация, целью которой было распространение веры с помощью миссионерской деятельности, — тогда, собственно, и был введен термин «пропаганда».

Четвертый период развития публичной дипломатии относится к XIX веку, который начался с Наполеоновских войн. Наполеон Бонапарт одним из первых прибегнул к активному использованию прессы во внешнеполитических целях. Парижские газеты того времени, публикуя официальные сообщения, умышленно преувеличивали успехи и замалчивали неудачи на войне, зачастую использовали дезинформацию, печатая ложные сведения о передвижениях и планах французской армии. Известны случаи, когда в этих целях специально издавались фальшивые номера газет, которые подбрасывались противнику. Знаменитая фраза «кто владеет информацией, тот владеет миром» также появилась в эпоху Наполеоновских войн. Она при-

писывается Н. Ротшильду, сделавшему целое состояние на спекуляции информацией о битве при Ватерлоо в июне 1815 года.

Ближе к концу XIX века получила распространение идея о том, что формирование благоприятного имиджа страны является важным подспорьем в проведении внешней политики. Так, поражение во франко-прусской войне 1870–1871 годов заставило Францию искать пути восстановления своего пошатнувшегося международного престижа. **В качестве инструмента формирования положительного образа страны была избрана национальная культура.** Считалось, что преподавание французского языка и литературы за рубежом (в том числе в колониях) будет способствовать взаимопониманию и созданию позитивного имиджа Франции за ее пределами. Можно сказать, что в 1883 году, когда была создана ассоциация «Альянс Франсез», начало публичной дипломатии было положено в практическом смысле.

На рубеже XIX–XX веков начался пятый этап в развитии публичной дипломатии. Наступил расцвет внешнеполитической пропаганды, который во многом был ускорен революционными изменениями в сфере информационного обеспечения (изобретение телеграфа — «Интернета XIX века» — в первой половине столетия, печатной машинки в 1867 году, телефона в 1876 году, радио в 1895 году, телевидения в 1931 году). На самом деле всего за одно столетие, с середины XIX до середины XX века, была создана техническая база для всех современных средств массовой информации, и, как следствие, произошел переворот в образе мыслей и действий людей.

Именно в начале XX века внешнеполитическая пропаганда впервые приобрела международный размах. Двадцатое столетие в целом оказалось эпохой пропаганды, которая стала неотъемлемым элементом внешней политики, направленной на раздел мира, взяла на себя функции идеологического оправдания планируемых войн. Но она и самым активным образом служила орудием для мобилизации масс на борьбу с иноземными захватчиками.

В ходе начавшийся в 1914 году Первой мировой войны государства начали с размахом применять технологии не прямой дипломатии с целью воздействия на общественность других стран. Американское правительство, например, организовывало специальные туры и убеждало Голливуд снимать фильмы,

в которых США представлялись бы в позитивном свете. Первая мировая война ознаменовалась и активным процессом формирования официального правительственного аппарата публичной пропаганды в западных странах с целью усилить влияние на международные процессы через механизмы информационного обеспечения.

В конце 1920–1930-х годов с приходом радиовещания внешнеполитическое информационное влияние перешел в новое измерение. Постепенно эфир становится основным плацдармом пропагандистской борьбы. В 1922 году в Великобритании была создана Британская радиовещательная корпорация «Би-Би-Си» (BBC — British Broadcasting Corporation), при ней спустя десять лет была образована заграничная служба радиовещания. Нельзя не отметить очень большой вклад, который внесла в идею использования публичной пропаганды в качестве внутри- и внешнеполитического оружия нацистская Германия. Созданная министром пропаганды Й. Геббельсом машина «тотальной пропаганды», в ценах того времени обходившаяся Германии в пятьсот миллионов долларов в год, беспрецедентно широко использовалась для массовой обработки населения в нацистском духе и идеологической подготовки новой мировой войны.

Шестой этап развития публичной дипломатии связан с эпохой холодной войны между СССР и США. Помимо военно-политического и экономического противостояния, одной из самых ярких составляющих частей холодной войны было противостояние сверхдержав в области культуры, искусства, спорта и т. д. Более того, холодная война характеризовалась ведением массовой психологической войны, целью которой была пропаганда собственной идеологии и образа жизни, а также дискредитация в глазах населения других стран официальной идеологии противоположного блока. Создавались радиостанции, вещавшие на территории стран противника, финансировался выпуск специальной литературы и периодических изданий на иностранных языках, активно использовалось нагнетание классовых, расовых, национальных противоречий, проводились другие операции по воздействию на зарубежное общественное мнение и политику иностранных государств.

Но в этот же период, в период яростной идеологической и пропагандистской борьбы двух сверхдержав, произошло окончательное отмежевание публичной дипломатии от пропаган-

ды. В одной из сверхдержав (США) в 1960-х годах была создана полноценная концепция публичной дипломатии в современном понимании данного термина. Тогда это был лишь хитрый геополитический ход с целью придумать более привлекательный синоним (эвфемизм) для слова «пропаганда», но очень скоро термин «публичная дипломатия» зажил своей жизнью.

Итак, публичная дипломатия в форме пропаганды для улучшения имиджа государства и достижения определенных внешнеполитических целей стара как мир. Инструментарий публичной дипломатии существовал и развивался на протяжении многих веков, но только во второй половине XX века она начала выкристаллизовываться в осознанную государственную политику, подкрепленную соответствующими законодательными актами и институциональной базой.

Классическую современную концепцию публичной дипломатии представил декан Школы права и дипломатии имени Флетчера при университете Тафтса (основанный в 1852 году частный исследовательский университет в Массачусетсе) Эдмунд Галлион в 1965 году.

Галлион писал: **«Публичная дипломатия имеет дело с влиянием общественных отношений на формирование и осуществление внешнеполитической деятельности. Эта деятельность охватывает те аспекты международных отношений, которые находятся за рамками традиционной дипломатии».** Другими словами, ученый понимал под публичной дипломатией межгосударственные отношения, в которых не задействованы традиционные правительственные связи.

Впервые в истории политического дискурса термин «публичная дипломатия» был употреблен в 1977 году в Конгрессе США в докладе Комиссии Мэрфи об организации внешнеполитического аппарата. «Понятие “публичная дипломатия” присутствовало в международных отношениях во все времена, мы только дали этому явлению новое имя из-за недостатка лучшего описания», — отмечал на слушаниях в Конгрессе в 1986 году председатель Комитета по иностранным делам Палаты представителей Д. Фессел.

Галлион считал публичную дипломатию эвфемизмом понятия «пропаганда». В русском языке слово «пропаганда» не имеет негативного оттенка, тогда как в английском у него довольно жесткая негативная коннотация, подразумевающая ложь

и нечестную коммуникацию. Публичная дипломатия — это такой же термин по отношению к пропаганде, как разведка по отношению к шпионажу: наши — разведчики, другие — шпионы. Фактически речь шла о подборе замены для вызывавшего негативные ассоциации слова «пропаганда». В условиях холодной войны, с одной стороны, необходимо было, чтобы выбранный на замену термин описывал уже существующую практику коммуникации с обществами других стран, а с другой, он должен был явно обозначить границу между тем, что делают Соединенные Штаты и их союзники, и аналогичной работой, проводимой государствами коммунистического лагеря. Пропаганда понималась как введение в заблуждение путем дезинформации и искажения фактов, публичная же дипломатия — как распространение позитивной и правдивой информации, основанной на реальных фактах и достижениях, что считалось более действенным, чем дезинформация. Это положение еще в 1963 году хорошо сформулировал выдающийся американский журналист, директор Информационного агентства США Э. Марроу: **«Правда — это лучшая пропаганда, а ложь — худшая. Чтобы выглядеть убедительно, наши слова должны звучать правдоподобно; чтобы звучать правдоподобно, они должны исходить из уст людей, внушающих доверие; чтобы внушать доверие, мы должны быть правдивыми. Все очень просто».**

Отметим, что наряду с повышением достоверности от пропаганды публичную дипломатию отличает и еще один важный момент — обязательное наличие обратной связи.

На этапе своего становления публичная дипломатия включила в себя измерения международных отношений, которые выходили за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой, межкультурные коммуникации и т. д. Центральным моментом для публичной дипломатии был и остается транснациональный поток информации и идей. Галлион писал: «Под публичной дипломатией мы понимаем средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения».

Новый подход к пониманию публичной дипломатии в начале XXI века озвучил Дж. Най. Публичную дипломатию автор

предложил считать в первую очередь эффективным инструментом наращивания «мягкой силы». «Мягкая сила» как способность государства сформировать предпочтения других стран опирается на три важнейших компонента: культуру государства, политические ценности и внешнюю политику. Публичная дипломатия призвана передать (транслировать или продать) три этих компонента другим странам», — писал Най. **Согласно Наю, существуют три концентрические окружности, или стадии публичной дипломатии.** Первый, самый ближний круг, — это повседневная связь, в которую входит объяснение обстоятельств принятия решений в области внутренней и внешней политики. Вторая стадия — это стратегическая связь, результатом развития которой является набор простейших тем, почти таких же, какие дает политическая и рекламная кампания. Третий, самый широкий круг включает развитие длительных взаимоотношений с ключевыми личностями на протяжении многих лет или даже десятилетий, используя стипендии, обмены, учебу, семинары, конференции и доступ к медийным каналам. Каждая из этих трех стадий публичной дипломатии, по мнению Наю, играет важную роль, помогая правительствам создавать привлекательный образ страны, который может сделать более реальными перспективы достижения желаемых результатов.

Понятие «публичная дипломатия» сегодня действительно тесно связано с концепцией «мягкой силы». Причем, если культура, ценности и политика страны привлекательны для зарубежного населения, публичная дипломатия создает благоприятные условия для увеличения «мягкой власти». В противном случае попытка лучше раскрыться миру может привести к прямо противоположному результату.

Большинство стран мира пытается развивать четыре базовых направления работы в области «мягкой силы» через систему публичной дипломатии: международную информационную политику, в том числе цифровую дипломатию; образовательные программы и программы академического обмена; программы широкого гуманитарного сотрудничества, особенно в области языка и культуры; экспертную дипломатию.

Среди ключевых задач публичной дипломатии следует выделить:

- изучение настроений иностранного общественного мнения;

- строительство долгосрочных и доверительных отношений с зарубежной аудиторией, достижение лучшего понимания ценностей и институтов собственного государства за рубежом, расширение диалога между гражданами своей страны и зарубежными партнерами;
- формирование у зарубежной аудитории положительных взглядов на цели и ход реализации проводимой государством внешней и внутренней политики, добровольное принятие этой аудиторией соответствующих установок;
- создание благоприятных условий и обеспечение поддержки общественного мнения зарубежных стран конкретным акциям данного государства на международной арене.

Программы публичной дипломатии можно разделить на четыре крупные группы.

♦ **Аналитические программы** включают в себя сбор информации, касающейся мнения зарубежной аудитории о государстве. В рамках этого направления происходит определение лояльных групп населения, выявление категорий, наиболее отрицательно относящихся к политике заинтересованного государства.

♦ **Информационные программы** подразумевают сопровождение внешнеполитического курса и информирование зарубежной аудитории посредством СМИ, Интернета и других источников.

♦ **Образовательные программы** включают в себя научно-образовательные и студенческие обмены, а также целевое обучение определенных социально-профессиональных групп. Эти программы нацелены в первую очередь на формирование в зарубежных странах элиты, которая бы проводила политику, дружественную по отношению к заинтересованному государству.

♦ **Программы в области культуры** — это культурные обмены, туристические проекты, выставки, конгрессы творческой интеллигенции, деятельность религиозных организаций, издательская деятельность и межкультурная коммуникация. В этом контексте можно говорить и о религиозной, гуманитарной, научной, молодежной, экологической, спортивной, наконец, цифровой дипломатии как о специфических направлениях публичной дипломатии, находящихся на стыке основных направлений ее деятельности.

Сегодня термин «публичная дипломатия» включает в себя широкий диапазон средств коммуникации, осуществляемой как

силами государственных акторов, так и с привлечением негосударственных игроков, которые благодаря более свободному доступу к косвенным механизмам воздействия на зарубежную аудиторию в состоянии оказывать влияние на общественное мнение, положительное восприятие государственного курса за рубежом, принятие внешнеполитических решений. Субъектами публичной дипломатии, таким образом, могут быть не только правительства и органы государственной власти, но и другие участники межкультурных коммуникаций: международные межправительственные организации, НПО, СМИ, ТНК, частные группы интересов и даже отдельные лица. Именно поэтому **публичная дипломатия осуществляется сразу по нескольким каналам: правительство одной страны — общество другой страны; общество одной страны — общество другой страны; общество одной страны — правительство другой страны.**

В качестве примеров успешных «операций» в области публичной дипломатии можно привести победу евроинтеграционных настроений в послевоенный период и крах социализма в Восточной Европе в конце 1980-х годов. Окончание холодной войны ознаменовалось стремительной переориентацией стран Восточной Европы на сближение с Западом, и вчерашние союзники СССР по Варшавскому договору по собственной инициативе один за другим стали вступать в Европейский союз и НАТО. При этом завершение холодной войны привело к снижению внимания западных государств к публичной дипломатии. Это выразилось как в понижении статуса (или даже расформировании) соответствующих ведомств, так и в значительном сокращении их финансирования. Очевидно, в США и ЕС посчитали, что публичная дипломатия как внешнеполитический институт успешно справилась со всеми возложенными на нее задачами, однако это была лишь иллюзия.

Резкий рост популярности публичной дипломатии начался после событий 11 сентября 2001 года. Террористическая атака, осуществленная несколькими десятками людей, за которыми не стояли великие державы, положила начало дискуссии о том, как предотвратить подобные трагедии в будущем. В результате вновь оказались востребованными технологии публичной дипломатии. Сначала активное распространение получила теория «битвы за сердца и умы людей» и различные развернутые ее

производные. Они подразумевали, что цель публичной дипломатии — заменить некие существующие в умах людей идеи на другие. Последующая эволюция теоретических оснований привела специалистов к мысли о необходимости совершенствования системы двусторонней связи между субъектом и объектом публичной дипломатии. Затем пришло понимание, что для широкого диалога с зарубежными обществами необходимо вовлечение максимального количества участников с обеих сторон и, конечно, использование передовых информационно-коммуникационных технологий. Так на свет появились две взаимосвязанные концепции — публичная дипломатия 2.0 и новая публичная дипломатия.

Впервые термин «публичная дипломатия 2.0» употребил заместитель госсекретаря США по публичной дипломатии и общественным вопросам Джеймс Глассман в 2008 году. Таким образом, он обозначил новый подход в рамках публичной дипломатии, предусматривавший использование социальных сетей, блогов, игровых мобильных приложений для реализации внешнеполитических целей США, прежде всего, для борьбы с международным терроризмом. Однако в наибольшей степени содержание концепта раскрывают работы известного американского исследователя Николаса Кулла, который предложил разделить всю внешнеполитическую деятельность США в Интернете на публичную дипломатию 1.0 и публичную дипломатию 2.0, исходя из используемых при ее реализации технологий Web 1.0 или Web 2.0.

Как известно, характерной особенностью распространенных в 1990-х годах технологий Web 1.0 являлось отсутствие интерактивности. Пользователи сайтов того времени могли лишь просматривать выкладываемую на них информацию, не имея возможности выразить свое отношение к содержанию контента. Для дипломатов же Интернет был, по сути, еще одним инструментом наряду с традиционными СМИ для размещения пресс-релизов. Деятельность в сфере публичной дипломатии 1.0 довольно сильно напоминала пропагандистскую работу посредством теле- и радиовещания в период холодной войны, поскольку также была построена на монологической форме передачи информации, исключавшей обратную связь с зарубежной аудиторией. В то время основной целью дипломатов и репортеров была демонстрация зарубежной элите (журналистам, общественным деятелям,

политикам) преимущества политической идеологии собственной страны, в том числе за счет критики политического устройства других государств. К идее диалога с аудиторией никто из акторов публичной дипломатии серьезно не относился, поскольку данный вид деятельности воспринимался не как обмен идеями или ценностями, а как усилия, призванные убедить зарубежную публику в истинности своих взглядов и установок.

С середины 2000-х годов началась новая эпоха в развитии информационно-коммуникационных технологий, связанная с появлением понятия Web 2.0. Пользователи Интернета получили возможность не только читать информацию, выкладываемую на сайты, но и выражать свое отношение к ее содержанию (в виде комментариев или посредством использования специальных кнопок «мне нравится» или «рекомендую»). Кроме того, рядовые граждане теперь могли сами формировать и размещать контент в Интернете, что в эпоху Web 1.0 было прерогативой профессионалов. С этого времени стали стремительно развиваться социальные сети, блоги, фото- и видеохостинги, вики-сайты, и в итоге в США появилось такое направление, как публичная дипломатия 2.0. Интерактивность социальных сетей уже сама по себе предполагает взаимодействие между отправителем и получателем информации, а их открытость и способность охватить огромное число пользователей ставят под сомнение возможность сегментировать зарубежную аудиторию.

Воздействие на зарубежную аудиторию в рамках публичной дипломатии 2.0 оказывается по трем основным направлениям:

- размещение информации в социальных сетях (Facebook, «ВКонтакте» и др.);
- использование сервисов микроблогинга (Twitter, Sina Weibo и др.);
- создание контента на различного рода хостингах (YouTube, Instagram и др.).

Самыми популярными инструментами внешнеполитической деятельности ведущих мировых держав (и не только) в рамках публичной дипломатии 2.0 сегодня, безусловно, являются созданные в США новые медиа — Facebook, Twitter и YouTube. Тем не менее ряд стран стремится использовать и другие программы Web 2.0 для воздействия на зарубежную аудиторию. Так, российские внешнеполитические структуры имеют аккаунты в китай-

ском сервисе микроблогов Sina Weibo, испаноязычной социальной сети Tuenti и, конечно, «ВКонтакте».

Основными акторами публичной дипломатии 2.0 являются как внешнеполитические ведомства, связанные с ними учреждения и сами политические лидеры (имеющие собственные аккаунты), так и ориентированные на зарубежную аудиторию масс-медиа. Последние включают телеканалы, радиовещательные компании, информационные агентства, печатные издания, которые ведут активную деятельность в Интернете, зачастую дополняя работу официальных госструктур. Всемирно известные телекомпании — BBC, CNN, RT и др. — уже достаточно давно обзавелись аккаунтами на различных языках в самых массовых социальных сетях, сервисах микроблогинга и на видеохостингах. Среди радиовещательных компаний, участвующих в программах публичной дипломатии 2.0, особо выделяется американская радиостанция «Голос Америки». Из информационных агентств в социальных медиа достаточно заметны такие компании, как «Синьхуа», «Франс Пресс», «Рейтерс». Деятельность в Интернете всемирно признанных печатных СМИ — американской «The New York Times», английской «The Guardian», французской «Le Figaro» и многих других — также косвенно влияет на продвижение внешнеполитических интересов государств, которые они представляют. Их подписчиками в социальных сетях являются десятки миллионов пользователей, и с каждым днем это число увеличивается.

Стоит отметить, что для данного направления публичной дипломатии весьма существенным является вопрос доверия аудитории к передаваемой информации. Дезинформация (или весьма субъективная трактовка тех или иных событий мировой политики) способна в значительной степени подорвать авторитет акторов, вовлеченных в реализацию программ публичной дипломатии 2.0, поскольку в интернет-пространстве с его плюрализмом мнений всегда существует возможность проверки тех или иных данных. Вообще воздействовать на формирование общественного мнения за рубежом с помощью технологий Web 2.0 достаточно сложно. Тем не менее такой способ может быть весьма продуктивным в решении вопроса создания положительного образа государства за границей, так как публичная дипломатия 2.0 дает правительствам возможность напрямую обращаться к многочисленной аудитории, в первую очередь молодежной. Кроме того,

работа через Интернет не требует больших затрат, что позволяет вести такую деятельность в поистине глобальном масштабе.

Говоря о новой публичной дипломатии, стоит отметить, что главным отличием от традиционной публичной дипломатии стало изменение в иерархии участвующих в ней акторов. Именно увеличение количества игроков мировой политики, рост влияния негосударственных акторов (НГА) в сочетании с изменением международной коммуникационной системы и привели к появлению концепции новой публичной дипломатии.

В современных условиях государства все активнее вовлекают НГА в свою публичную дипломатию. В работе «Будущее власти» Дж. Най отмечал, что сегодня правительства вынуждены учитывать тот факт, что в информационную эпоху сила стала менее иерархична, а общественные сети — гораздо важнее, чем когда-либо ранее. Достижение успеха в мире, созданном Сетями, требует от руководителей мышления, при котором превалируют привлекательность и сотрудничество, а не приказной стиль. Руководителям, по словам Найа, необходимо представлять себе, будто они находятся в кругу, а не на вершине горы. Именно поэтому на выработку «мягкой силы» влияет (как позитивным, так и негативным образом) множество негосударственных игроков внутри и за пределами страны, которые оказывают воздействие как на широкие массы, так и на правящие элиты в других государствах.

Особую роль в новой публичной дипломатии играют социальные сети, микроблоги и видеохостинги, СМИ, НПО, ТНК, индивиды. (Про новые медиа — социальные сети, микроблоги и видеохостинги — было сказано выше.)

Традиционные средства массовой информации — газеты, журналы, а затем радио- и телекомпании — не одно десятилетие являлись активными участниками публичной дипломатии. Долгое время их работа сильно напоминала деятельность государственных ведомств в сфере информирования общественности, но в начале XXI века многое изменилось: все крупные СМИ де-факто стали международными. Их главное преимущество заключается в доступности и возможности генерировать общественную повестку дня. Реакцией на это явление стало то, что государства, ранее не участвовавшие в борьбе за глобальный телеэфир, вышли на мировой информационный рынок, только усилив таким образом конкуренцию и создав совершенно новую

ситуацию. Теперь правительства вынуждены вступать во взаимодействие с максимальным количеством как отечественных, так и зарубежных СМИ. Так сформировался особый механизм сотрудничества и/или соперничества государств с традиционными медиа в рамках новой публичной дипломатии.

Другим важным актором новой публичной дипломатии являются неправительственные организации. НПО, как и СМИ, принимали участие в публичной дипломатии задолго до появления термина, обозначившего этот вид деятельности. Тогда это были структуры, создаваемые и финансируемые государством. Сначала они работали в сфере популяризации языка и культуры, но затем стали заниматься гуманитарными вопросами, проблемами экологии, правами человека и т. д. По мере роста влияния НПО в мировой политике менялись и механизмы их взаимодействия с государствами в сфере публичной дипломатии. Если изначально неправительственные организации были только своего рода агентами влияния правительств, то сегодня они зачастую выступают выразителями интересов национальной или международной общественности, формируют широкие многоакторные коалиции, и уже государства присоединяются к начатым НПО кампаниям, а не наоборот.

Полноправным участником новой публичной дипломатии является и деловое сообщество. По мере глобализации крупные транснациональные корпорации оказались плотно вовлечены в международные коммуникационные процессы, и отношение зарубежных аудиторий к государству происхождения компании неминуемо стало отражаться на ее коммерческой успешности. Несмотря на то что структура собственности ТНК и вообще делового взаимодействия становится все более международной, общественность все равно нередко воспринимает компании как связанные с определенной страной. С целью популяризации бренда собственного государства глобальные бизнес-структуры работают совместно с правительствами. Например, крупные киностудии создают привлекательный продукт, оказывающий влияние на восприятие того или иного государства за рубежом. В рамках программ социальной ответственности корпорации (нередко вместе с зарубежными НПО) организуют проекты, которые направлены на улучшение имиджа как самой компании, так и страны ее происхождения. Все это создает множество предпосылок для сотрудничества государств и бизнеса в новой

публичной дипломатии на самых разных уровнях, и державы с развитой системой публичной дипломатии давно и успешно взаимодействуют с ТНК на этом направлении.

Наконец, в наши дни **значительно увеличилась роль индивида в процессе международной коммуникации**. Благодаря Интернету сила отдельных людей, сплоченных через Всемирную сеть, стала велика как никогда в истории. Отдельные современные блогеры не менее популярны, чем многотиражные газеты и ведущие телеканалы. Важную роль в новой публичной дипломатии играют знаменитости, принимающие участие в общественной деятельности и формально или неформально представляющие свою страну. Разумеется, человек всегда был важнейшим звеном публичной дипломатии, но теперь он выступает не только как аудитория, но и как актер, играющий самостоятельную и порой весьма существенную роль в процессе информационного взаимодействия.

В целом можно выделить три основные особенности новой публичной дипломатии:

- она реализуется не только государствами, но и НГА, причем их взаимоотношения могут быть как партнерскими, так и конкурентными;
- новая публичная дипломатия основана не только на концепции «мягкой силы», но и на концепциях стратегической коммуникации, брендинге государств и т. п.;
- она по определению ориентирована на многосторонний и всеобъемлющий диалог с зарубежной аудиторией.

Сегодня государства вынуждены переходить к сотрудничеству с самым широким кругом негосударственных субъектов, все более ориентируясь на взаимодействие по принципу сети. Подобный принцип образования сетевых сообществ ярко иллюстрируется такими примерами, как крупнейшая в истории библиотека — созданная пользователями «Википедия», крупнейший в истории видеоархив — наполняемый пользователями сайт YouTube, создаваемая коллективно и распространяемая бесплатно операционная система с открытым кодом Linux и т. д. Достижение целей в этом новом информационном контексте путем формирования широких коалиций между различными государственными и негосударственными участниками ради доминирования в информационном пространстве сегодня даже получило особое название — «ноополитика».

В заключение можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, теоретические обоснования публичной дипломатии прошли значительный эволюционный путь. В современном понимании этот термин был введен в научный оборот в 1960-е годы, хотя прототип публичной дипломатии в виде внешнеполитической пропаганды существовал на протяжении многих столетий.

Во-вторых, в отличие от пропаганды публичная дипломатия характеризуется достоверностью и подразумевает двустороннюю связь с респондентами, причем на долгосрочной основе.

В-третьих, публичная дипломатия — это не набор одно-разовых акций, осуществляемых в порядке реакции на внешние вызовы. Это постоянно действующая система институтов и информационных каналов, которая непрерывно работает в рутинном режиме и при необходимости может мгновенно мобилизоваться и провести полномасштабную кампанию в любой точке мира или на глобальном уровне.

В-четвертых, огромное значение в современной мировой политике приобретает публичная дипломатия 2.0 и новая публичная дипломатия. Это происходит в связи с ростом количества пользователей Всемирной паутины, падением популярности традиционных СМИ, стремительным распространением новых медиа, превращением интернет-пространства в площадку для активных политических интеракций, появлением все новых игроков на этом поле. В век Интернета и недорогих авиапутешествий, с развитием межправительственных и неправительственных транснациональных организаций происходит утеkanie силы от государств к другим акторам, что делает публичную дипломатию гораздо сложнее. Линии связи уже не представляются в виде прямых линий, связывающих два правительства, они больше похожи на звезду, включающую линии между правительствами, общественностью, неправительственными организациями, бизнес-сообществом.

Наконец, при умелом использовании публичная дипломатия является эффективным инструментом внешней политики, действенным способом отстаивания национальных интересов государства на международной арене. Данная деятельность законна и открыта и обычно вызывает слабое противодействие со стороны «принимающих» стран, в отличие от шпионажа или

иной подрывной деятельности. Однако нельзя забывать, что даже самая лучшая реклама не поможет продавать плохой товар долгое время. Публичная дипломатия, которая оказывается не более чем ширмой для «жесткой силы» или прикрытием для аморальной внутренней и внешней политики, вряд ли сможет иметь успех.

Не вызывает сомнения, что с развитием международной мобильности населения и особенно с усилением роли информационных технологий роль публичной дипломатии в мирополитических процессах будет неуклонно возрастать. И то государство окажется в выигрыше, которое быстрее и лучше приспособится к новым условиям и овладеет наиболее передовыми приемами этого ключевого инструмента «мягкой силы».

Рекомендуемая литература:

1. Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. — Январь–апрель 2011. — Т. 9. — № 1 (25). — С. 63–73.
2. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 4 «История». — 2014. — № 4 (28). — С. 104–113.
3. Публичная дипломатия: Теория и практика : научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017.
4. Публичная дипломатия зарубежных стран : учеб. пособие / под ред. А. Н. Панова и О. В. Лебедевой. — М. : Издательство «Аспект Пресс», 2018.

Лекция 4

«Мягкая сила» и публичная дипломатия США и Канады

США

Наибольшим совокупным потенциалом «мягкой силы» в современном мире обладают США. Вашингтон очень эффективно, а порой и весьма эффектно использует технологии и инструменты «мягкой силы» на внешнеполитической арене. При этом исторически Америка не являлась пионером в данной области: можно вспомнить, например, неоспоримое культурное влияние Франции в Европе в XVII–XVIII веках или блистательный XIX век Британской империи. Но XX век (особенно его вторая половина) стал веком доминирования американской «мягкой силы». В этот период культурный экспорт США приобрел гигантский масштаб. **Многие инструменты влияния США на международные процессы и в конце второго десятилетия XXI века связаны именно с «мягкой силой».**

Изначально Вашингтон практически не проявлял интереса к организованной внешней культурной политике и экспорту культуры. В Соединенных Штатах культура (особенно популярная) длительное время рассматривалась скорее в качестве бизнес-проекта или средства развлечения, нежели инструмента внешней политики. Американские политические деятели никогда всерьез не задумывались о создании культурного ведомства в федеральном правительстве. Только в 1938 году в структуре Государственного департамента был создан Отдел культурных связей. Тем не менее уже в начале XX века культурные достижения США, как и их успехи в научно-технической сфере, становились широко известными далеко за пределами самой Америки. После Первой мировой войны программы обмена и распространение американских товаров народного потребления, кинокартин, литературы привели к формированию «международного американского культурного климата».

Современный подход к реализации политики «мягкой силы» США был сформирован по завершении Второй мировой войны

с началом биполярной конфронтации. Американская элита осознала необходимость экспорта американского образа жизни как часть идеологической борьбы против СССР. Общественные деятели наряду с политиками стали призывать власти к масштабному распространению американской культуры за рубежом для усиления влияния Америки в мире. В годы холодной войны появились такие понятия, как «культурный империализм США» и «американизация». Вашингтоном был создан масштабный механизм, состоявший из институтов культуры, информации, образования, с целью осуществления долгосрочного и краткосрочного влияния на политические ориентиры зарубежных обществ. Его предназначение заключалось в распространении в зарубежных обществах американской политической культуры, идеологии, системы ценностей в целях реализации внешнеполитических задач. Таким образом, именно логика холодной войны обусловила политическую необходимость установления идеологического контроля США над определенными государствами для сохранения их ориентации на западный лагерь и ликвидации распространения идей коммунизма.

Нельзя не отметить, что уже на заре холодной войны, **в декабре 1946 года, правительство США дало указание о ведении психологической войны в мирное время.** Для координации действий разрозненных до того структур, работавших в этом направлении, в 1947 году было создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ). 14 декабря 1947 года функция ведения психологической войны была закреплена именно за ЦРУ. Согласно директиве, данные операции определялись следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазивоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями». В ходе холодной войны многие проекты американской «мягкой силы» реализовывались в тесном контакте с американской разведкой. В 1953 году был создан орган внешнеполитической пропаганды США — Информационное агентство США (USIA), которое существовало до октября 1999 года. Указанные структуры внесли неоценимый вклад в итоговую победу Соединенных Штатов над СССР в 1991 году.

Новый этап политики «мягкой силы» США начался после окончания биполярного противостояния и развала социалистического лагеря во главе с СССР. Идеологическое противостояние с коммунизмом ушло в прошлое, однако чисто пропагандистские инструменты внешней политики Соединенных Штатов — популяризация идей демократии, свободы, рыночной экономики — по-прежнему продолжали использоваться Вашингтоном в международной деятельности. Перед Америкой уже не стояла задача борьбы с советской идеологией, но сформированный имидж борца за свободу и справедливость, так же как и образ ведущей военной державы, мирового экономического и технологического лидера, много раз помогал США собирать международные коалиции, укреплять свои позиции в различных регионах мира, формировать международную повестку дня, обосновывать свои претензии на мировое лидерство.

В конце 1990-х годов известный американский политолог З. Бжезинский в работе «Великая шахматная доска» не без надменности писал: «Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной “болтовни” также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединенные Штаты, причем многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте».

В своих работах основоположник концепции «мягкой силы» Дж. Най выделял две основные составляющие ресурсной базы «мягкой силы» современных США. Первый ее столп —

привлекательность американской культуры и образа жизни. Сюда же политолог относил такие показатели, как количество принимаемых иммигрантов, объем выпускаемой телепродукции, численность иностранных студентов в США и количество американцев среди нобелевских лауреатов в области физики, химии и экономики. Вторая основа — американская политическая идеология, которая пользуется поддержкой среди большинства населения зарубежных стран. В основе «мягкого» могущества США, по мнению политолога, лежат демократические ценности (в западном понимании), мобильность, открытость и динамичность общества, личная свобода, признаваемое во всем мире высшее образование, массовая культура, проникшая в той или иной степени в большинство стран мира, а также институты, предложенные США миру в XX веке и ставшие основой мировой экономической и финансовой системы, — МВФ и ВТО.

В конце прошлого — начале нынешнего столетия «мягкая сила» США действительно была огромной. Во многом благодаря ей американцы одержали победу в холодной войне и стали единственной сверхдержавой на планете. Интересно, что в этих условиях США не посчитали нужным активизировать внешнюю политику в контексте «мягкой силы». Более того, несмотря на предупреждения Ная и его коллег об опасности односторонней политики «жесткой силы» в новой, постбиполярной международной среде, руководство США отдавало предпочтение именно «жестким» инструментам при решении ключевых вопросов международного характера.

Ситуация начала постепенно меняться после террористических атак 11 сентября 2001 года и объявленной Вашингтоном войны с терроризмом, которая вылилась в военное вторжение в Афганистан и Ирак. В первые годы после этих событий американские власти все еще придерживались мнения, что именно «жесткая сила» является наиболее эффективным средством решения международных проблем. Так, отвечая весной 2006 года на вопрос журналиста о «мягкой силе», министр обороны США Д. Рамсфелд заявил, что понятия не имеет, что это значит. Однако уже во время второго срока президента Дж. Буша-младшего (2005–2009 годы) в Белом доме стали публично поддерживать идею «мягкой силы» как важного элемента внешней политики страны. Правда, она понималась администрацией США достаточно узко: в основу ставились идеи распространения демократии

и свободы, на практике реализованные в ходе «цветных революций» в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. В то же время трудности, с которыми столкнулись американцы в Афганистане и Ираке, побудили политический истеблишмент Соединенных Штатов к пересмотру внешнеполитической тактики.

Еще в марте 2004 года был создан Консультативный комитет по культурной дипломатии, в задачи которого входила разработка предложений для госсекретаря США по развитию механизмов использования «мягкой силы» как эффективного инструмента внешней политики. Администрация Буша-младшего кардинально изменила и подход к качественным характеристикам непосредственного руководителя публичной дипломатии Соединенных Штатов — заместителя госсекретаря по публичной дипломатии. Для реализации политики по продвижению положительного имиджа США в мире, который неуклонно снижался (особенно стремительно — в мусульманских странах), на эту должность стали подбираться специалисты из области бизнеса, маркетинга и делового администрирования, а не карьерные дипломаты или представители элитных университетов, как было ранее.

Не потеряла свою актуальность концепция «мягкой силы» и в годы президентства Б. Обамы (2009–2017 годы). Одним из первых шагов новой администрации в этой области стало обращение президента 4 июня 2009 года с трибуны Каирского университета ко всему исламскому миру. Стратегия Обамы изначально получила одобрение как в политических, так и в академических кругах США. Так, в его поддержку выступил Дж. Най, который совместно с бывшим первым заместителем госсекретаря США Р. Армитаджем подготовил доклад, предложив в качестве наиболее эффективной внешнеполитической стратегии США использовать концепцию «умной силы» (smart power), выстраиваемой на балансе между «мягкой силой» и «жесткой силой».

Сегодня США реализуют политику «мягкой силы» на всех возможных направлениях. Основной акцент делается:

- на сотрудничестве в области образования, научно-технической и инновационной сферах;
- продвижении языка, культуры и демократии (в ее американской трактовке);
- содействии международному развитию;
- информационной деятельности и реализации программ публичной дипломатии.

Отличительной особенностью (и безусловным преимуществом) «мягкой силы» США является то, что институционально эта политика осуществляется на двух уровнях. Первый уровень — это «мягкая сила» официального Вашингтона, второй — «мягкая сила» негосударственных акторов США, которые работают примерно на тех же направлениях и в тесной взаимосвязи и координации с государственными структурами.

В рамках официального направления политики «мягкой силы» США работают как органы в структуре Государственного департамента (отделы по образованию и культуре, по информационным программам, по изучению зарубежной блогосферы, другие отделы, занимающиеся публичной дипломатией, заместитель госсекретаря по публичной дипломатии как отдельная штатная единица), так и различные формально независимые федеральные агентства (работавшее до 1999 года Информационное агентство США, Агентство США по международному развитию, «Корпус мира», Совет управляющих вещанием и др.).

В качестве своей основной миссии Государственный департамент Соединенных Штатов Америки видит «обеспечение свободы во благо американского народа и международного сообщества через создание и развитие более демократического, безопасного и процветающего мира, состоящего из грамотно управляемых государств, которые отвечают потребностям своих граждан, способствуют сокращению широко распространеннейшей бедности и проводят ответственную политику в рамках международной системы». Миссия сформулирована во многом как миссия «мягкой силы», и из приведенной цитаты видно, что «мягкая сила» США имеет своим краеугольным камнем идею защиты ценностей демократии и свободы. Именно на ее реализацию направлены многочисленные образовательные, аналитические, информационные, культурные и другие программы «мягкой силы» и публичной дипломатии официального Вашингтона.

Одним из ключевых направлений «мягкосиловой» политики США являются образовательные и научные программы, в первую очередь программы обменов. Образовательные программы подразумевают, с одной стороны, совокупность правительственных программ обучения интеллигенции, молодежи, государственных чиновников, политиков, бизнесменов, представителей вооруженных сил зарубежных государств; а с дру-

гой — действия, направленные на создание или реформирование систем образования в различных странах мира.

Этим направлением в Госдепартаменте в основном занимается созданный в 1961 году Отдел (Бюро) по делам образования и культуры, который отвечает за развитие взаимоотношений между США и другими государствами посредством разработки и осуществления международных образовательных программ и семинаров. Учреждение обеспечивает развитие связей на личном, профессиональном и институциональном уровнях, между частными лицами и организациями как в США, так и за рубежом. Помимо этого ведомство занимается распространением информации об американской истории, искусстве и культуре, современном обществе Америки. Финансирование программ Отдела по делам образования и культуры осуществляется не только за счет государственных средств, но и с участием частных структур, например программы Фулбрайта, программы Хьюберта Хамфри, программы стипендий Эдмунда Маски, программы Летнего института имени Бенджамина Франклина и многих других.

Надо сказать, что это направление «мягкой силы» США уходит корнями в начало XX века и даже дальше — в колониальную традицию Великобритании, в рамках которой англичане создавали множество образовательных учреждений в колониях, превращавших местную элиту в приверженцев британских ценностей либерализма и свободной торговли. Родоначальником американской образовательной политики, по сути, стал двадцать шестой президент США Теодор Рузвельт (1901–1909 годы), при котором учиться в американские вузы приехало несколько тысяч студентов из Китая. А уже в 1936 году на Панамериканской конференции в Буэнос-Айресе по инициативе делегации Соединенных Штатов была принята Конвенция по развитию межамериканских культурных связей, подтвердившая намерение правительства США поддерживать и стимулировать программы по обмену для студентов и деятелей искусства. Эта Конвенция стала прототипом и образцом для многочисленных культурно-образовательных программ периода холодной войны.

С 1960-х годов американские программы образовательного и культурного обмена стали одним из главных механизмов «мягкой силы» США. Деколонизация, сместившая акценты в реализации международных образовательных программ на страны тре-

тьего мира, побудила американские власти приступить к реформированию систем образования в странах Азии и Африки, кадры для которых готовились в университетах Соединенных Штатов. С начала 1970-х годов США начали внедрять программы международного образования для правящей элиты и молодежи уже во всех странах, где только было возможно их беспрепятственное продвижение. В октябре 1992 года в США был принят «Акт в поддержку свободы», который создал основу для масштабных программ обучения в странах бывшего социалистического лагеря. Это событие можно считать логическим завершением американской международной образовательной политики периода холодной войны.

Данная политика оказалась очень успешной и принесла значительные внешнеполитические дивиденды Америке. Обучение иностранных студентов в США и их возвращение на родину (за редким исключением) способствовало распространению американской культуры и ценностей, формировало лояльные по отношению к Соединенным Штатам элиты и общественное мнение и, как следствие, проамериканскую внешнеполитическую ориентацию государства. За десятилетия подобной работы США создали сотни, если не тысячи, подконтрольных им влиятельных фигур мировой политики — президентов, членов правительств, парламентариев, военных деятелей, руководителей крупнейших ТНК и международных организаций, владельцев СМИ, журналистов, ведущих экспертов, директоров «мозговых центров», которые оказывали и продолжают оказывать громадное влияние на ход международных процессов. **В разное время почти две сотни крупных политических лидеров участвовали в различных образовательных программах США,** в том числе бывшие канцлеры Германии Г. Шмидт и Г. Шредер, премьер-министры Великобритании М. Тэтчер и Т. Блэр, Генеральный секретарь ООН К. Аннан, Верховный представитель по внешней политике и безопасности Европейского союза Х. Солана, премьер-министр Индии И. Ганди, президент Египта А. Садат, президент Афганистана Х. Карзай, президент Грузии М. Саакашвили и многие другие. Благодаря своему планетарному охвату образовательная политика Соединенных Штатов превратилась в действенный метод «мягкой силы», позволяющий формировать мировую политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, верную догмам либеральной демократии и рыночной экономики, своеобразную

«давосскую культуру», безоговорочно принимающую глобальное лидерство США.

Стоит упомянуть и еще об одной специфической черте образовательной составляющей политики «мягкой силы» США. Большое внимание уделяется подготовке лидеров и активистов оппозиционных движений в недемократических, по оценке официального Вашингтона, странах. В их задачи при необходимости может входить и участие в протестных движениях и технологиях смены политических режимов в государствах, являющихся геополитическими противниками Америки.

Важное направление «мягкой силы», на котором делают акцент в Госдепартаменте США, — продвижение демократии за рубежом, которое зачастую официально преподносится как благотворительность — другими словами, помощь развитию. В этой области официально работают различные агентства и программы по развитию гражданского общества едва ли не во всех уголках мира. На практике их деятельность зачастую сводится к подготовке почвы для смены политических режимов в неудобных Вашингтону государствах с помощью механизмов «мягкой силы». **Здесь в тесной взаимосвязи с Госдепартаментом продвижением демократии и оказанием помощи развитию занимаются различные федеральные агентства и неправительственные организации: Агентство США по международному развитию, Национальный фонд в поддержку демократии, «Корпус мира» и др.**

Наиболее заметное среди них — Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development — USAID). Агентство было образовано в 1961 году, оно объединило существовавшие на тот момент различные американские внешнеполитические программы социально-гуманитарного характера. Незадолго до этого в США был принят Закон о зарубежной помощи, в котором были предусмотрены программы по развитию образования и продвижению демократии в зарубежных странах. Один из главных параграфов Закона предусматривал обучение специалистов и представителей вооруженных сил, которые занимали ведущие посты в развивающихся государствах Латинской Америки, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. В рамках Закона о зарубежной помощи и было создано Агентство США по международному развитию.

Вплоть до сегодняшнего дня USAID играет важнейшую роль в процессе демократизации зарубежных государств в том смысле, как этот процесс понимает американская администрация. Официально USAID курирует невоенную помощь США другим странам и при этом находится в тесном контакте с государственным секретарем, хотя формально и остается независимым от Госдепартамента институтом и не находится в его прямом подчинении. Ключевыми целями Агентства США по международному развитию, согласно официальному сайту, являются содействие экономическому процветанию, укрепление демократии и надлежащего управления, защита прав человека и т. д. В действительности главная цель USAID, которая особо и не скрывается, — это реализация геостратегических интересов США в тех странах, где Агентство функционирует.

Агентство США по международному развитию администрирует все программы, призванные повлиять на политическую и экономическую жизнь других стран: демократизацию зарубежных государств, проведение выборов, финансирование деятельности политических партий, общественных движений и неправительственных организаций, обучение политических лидеров, бизнесменов, журналистов и диссидентов, модернизацию учебных программ в университетах и многое другое. Агентство открыто поддерживает различные оппозиционные движения и группы в странах, являющихся геополитическими противниками США. При этом получение финансовой помощи от американского правительства, поступающей по каналам USAID, возможно лишь при исполнении особых регистрационных правил: реципиенты обязаны пройти регистрацию в Агентстве США по международному развитию, а также предоставить материал о планируемых программах. Таким образом, зарубежные партнеры становятся частью механизма реализации внешней политики США ввиду того факта, что USAID не поддерживает планы зарубежных получателей помощи, идущие вразрез с внешнеполитическим курсом Вашингтона. Об этом свидетельствует и параграф Закона об ассигнованиях на осуществление внешней политики, в соответствии с которым на американскую помощь могут рассчитывать только те организации, которые «способствуют реализации интересов США». С самого начала работы программы в развивающихся странах способствовали решению ряда геополитических задач, стоявших перед США: расширению рынков сбыта продукции аме-

риканских компаний, усилению экономического и, как следствие, политического влияния Америки в странах третьего мира.

Особое место в деятельности Агентства США по международному развитию занимают программы, связанные с системой образования и политическими процессами в зарубежных странах. Еще в 1973 году Конгресс США принял поправку к Закону о зарубежной помощи, касающуюся развития зарубежных систем образования и обучения специалистов этой области из развивающихся стран. Программы были направлены на ликвидацию безграмотности, расширение общего образования, подготовку преподавателей. Сотрудники USAID, работавшие за рубежом, модифицировали учебные курсы, методы преподавания в местных школах, предоставляли иностранным вузам американские учебники, материалы и оборудование, содействуя тем самым созданию позитивного образа США.

После окончания холодной войны Агентство США по международному развитию переживало не лучшие времена ввиду сокращения финансирования, оттока специалистов и даже угрозы ликвидации ведомства. Дело в том, что логика холодной войны требовала использовать программы международного развития для реализации политических интересов, но в условиях отсутствия реального геополитического противника USAID столкнулось с «кризисом идентичности». Выход был найден в переориентации работы Агентства на построение демократии в странах распавшегося социалистического лагеря. В течение 1990-х годов Агентство сумело создать не только институты демократии в большинстве государств Восточной Европы, но и, по сути, новых союзников для США. В бывших социалистических странах были успешно реализованы программы по проведению свободных выборов, созданию партий и формированию гражданского общества. Для каждого государства был разработан многолетний стратегический план развития, определявший сферы, в которых партнеры Агентства (в первую очередь Национальный демократический институт и Международный республиканский институт) осуществляли реформы. В начале 2000-х годов правительство США отчиталось о том, что программы Агентства по международному развитию выполнили поставленные задачи в Восточной Европе, и большинство программ было закрыто.

Чуть ранее, с середины 1990-х годов, приоритетным регионом для проектов Агентства стало постсоветское пространство,

в первую очередь такие страны, как Молдова, Азербайджан, Армения, Казахстан, Грузия и Украина, причем две последние получали самое солидное грантовое финансирование для проведения демократических реформ. Основными направлениями деятельности USAID в постсоветских республиках стали поддержка СМИ, формирование сети НПО, повышение уровня эффективности работы избирательных комиссий, создание и развитие политических партий и молодежных структур. Основными формами деятельности были тренинги, конференции, семинары, круглые столы для наблюдателей, представителей НПО, СМИ, политических партий, депутатов парламента. Кроме того, Агентство публиковало брошюры и листовки, привлекало молодежь к организации различных мероприятий, в том числе уличных демонстраций. Как правило, реализация программ происходила через американские организации и фонды. Агентство только разрабатывало программы и следило за их исполнением, а выполнение проектов осуществляли его основные партнеры — американские фонды и университеты. Университеты стали временными базами для переобучения политиков, экономистов, преподавателей, которые участвовали в программах американской помощи развитию, каналами политического взаимодействия США с неправительственными организациями, политиками и правящей элитой.

Отличительной чертой Агентства являлось и является использование методов удаленного доступа, своеобразного аутсорсинга. USAID действует через обширную сеть неправительственных организаций и разрабатывает программы, передавая финансовые средства на их проведение различным неправительственным структурам, официально самостоятельно не занимаясь реализацией своих программ, а лишь следя за их исполнением «на местах». Более того, как правило, Агентство не поддерживает напрямую местные НПО, а предоставляет гранты американским (в первую очередь) и европейским благотворительным фондам, а они уже распределяют их среди местных неправительственных организаций и молодежных движений, причем последние могут даже не подозревать, что источником финансирования их деятельности является официальный Вашингтон. В числе наиболее крупных американских неправительственных структур, участвующих в этом процессе, можно назвать Национальный фонд в поддержку демократии и его филиалы — Международный республиканский институт и Национальный демокра-

тический институт по международным делам, «Фридом Хаус», Фонд Сороса. Все эти и многие другие структуры тесно взаимосвязаны как между собой, так и с USAID.

Наиболее влиятельным среди данных организаций, пожалуй, является Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy — NED). Фонд был создан в 1983 году республиканской администрацией Р. Рейгана и с самого начала позиционировался именно как инструмент осуществления внешней политики США. «Секретом Полишинеля» являлась и его связь с американским разведывательным сообществом: первые лица Фонда никогда не скрывали, что их детище во многом дублирует функции ЦРУ. В 1986 году первый (и единственный на данный момент) директор Фонда К. Гершман заявлял: «Нам нужно делать такого рода работу тайно. Для демократических групп во всем мире было бы ужасно выглядеть получателями денег ЦРУ. Мы наблюдали это в шестидесятые, и именно поэтому подобная практика была прекращена. У нас уже не было возможностей действовать таким образом, вот почему и был создан этот фонд». А в 1991 году идейный вдохновитель создания Фонда А. Вайнштейн заметил: «Многое из того, что мы делаем сегодня, тайно осуществлялось ЦРУ на протяжении предшествовавших двадцати пяти лет». **Ключевая декларируемая цель Фонда — укрепление демократии за рубежом. Согласно своему официальному сайту, Национальный фонд в поддержку демократии является «частной некоммерческой организацией, деятельность которой направлена на развитие и укрепление демократических институтов по всему миру».**

Стоит заметить, что данный неправительственный статус значительно облегчает Фонду его взаимодействие с зарубежными НПО (например, в ситуациях, когда между правительствами США и страны — получателя помощи нет никаких отношений). При этом, несмотря на статус неправительственной организации, на 95% Фонд финансируется из государственного бюджета США. Используя выделяемое финансирование, NED выдает каждый год сотни грантов для поддержки продемократических и проамериканских групп в Африке, Азии, Центральной и Восточной Европе, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве.

В уставе NED особо подчеркивается, что он не принадлежит какой-либо определенной партии или группе, что дает ему возможность не менять свои принципы при смене президента-ре-

спубликанца на президента-демократа и наоборот. Формально Национальный фонд в поддержку демократии действительно является частной некоммерческой организацией, но по факту вместе с Агентством США по международному развитию является монополистом в распределении средств Государственного департамента и Конгресса США на программы по продвижению демократии в мире.

Деятельность Фонда подотчетна Конгрессу, на заседаниях которого его работа регулярно обсуждается и оценивается. Руководство Фондом осуществляет Совет директоров — неправительственный, «непартийный» орган, состоящий из двадцати пяти человек, назначаемых Конгрессом США, среди которых действующие и бывшие конгрессмены, отставные генералы, крупные бизнесмены, известные политологи-международники. Некоторые члены Совета директоров при этом входят в руководство Совета по международным отношениям — влиятельнейшего «мозгового центра», занимающегося формированием стратегии американской внешней политики. В то же время формальная «независимость» NED от государственных институтов позволяет ему принимать пожертвования от частных лиц и корпораций, а главное, дает легальную возможность выступать на международной арене как частное юридическое лицо, частный американский фонд.

Основной задачей Национального фонда в поддержку демократии является содействие свободным и демократическим институтам во всем мире через частные инициативы; развитие контактов между демократическими группами за рубежом и американскими неправительственными группами (особенно с обеими главными партиями, профсоюзами и бизнесом); участие американских неправительственных организаций в строительстве демократических институтов и в программах обучения демократии за рубежом; улучшению демократической системы выборов за рубежом посредством своевременных акций в кооперации с истинно демократическими силами. Важно отметить, что решение основных задач Фонда — «формирование и развитие демократии» — должно осуществляться исключительно «в таком направлении, чтобы соответствовать национальным интересам США». Именно поэтому гранты Фонда выдаются только на те проекты, которые способствуют развитию «свободы и демократии» исключительно в американском понимании.

В целом, Национальный фонд в поддержку демократии — мощный инструмент «мягкой силы» США для продвижения собственных интересов на международной арене. Его влияние обуславливается не только солидным финансированием, но и тем обстоятельством, что он продуктивно использует свои особенности, отличающие его от других организаций, оперирующих в сфере содействия демократии. Как неправительственная организация, NED может обеспечить политическую помощь проамериканским силам в щекотливых политических ситуациях, когда прямая поддержка правительством США расценивается как открытое вмешательство во внутренние дела суверенных стран. Стоит также отметить, что именно под патронажем Фонда действуют две мощные дочерние структуры — Национальный демократический институт международных отношений и Международный республиканский институт (которые сыграли очень важную роль в осуществлении «цветных революций» в начале XXI века).

Подобные фонды и некоммерческие организации совместно с различными спонсорскими учреждениями стали своеобразным фундаментом разветвленной сети, которая включает независимые научно-исследовательские и общественные организации и оказывает серьезное влияние на формирование внешнеполитического курса США на мировой арене. НПО играют очень большую роль в реализации политики «мягкой силы» Соединенных Штатов. Тысячи неправительственных структур ежедневно работают над популяризацией позитивного образа Соединенных Штатов и продвижением американских ценностей в мире. По некоторым данным, только во внешнеполитической деятельности США участвует около пятнадцати тысяч НПО, всего же в Америке их около миллиона.

Возвращаясь к официальным структурам, проецирующим «мягкую силу» США за рубеж, следует сказать о «Корпусе мира». «Корпус мира» — это федеральное независимое агентство, созданное, как и USAID, в 1961 году. Декларируемая цель «Корпуса мира» — способствовать лучшему пониманию американского народа народами других стран, с одной стороны, и лучшему пониманию американцами народов мира — с другой. По сути, посредством гуманитарной деятельности данная организация занимается формированием положительного имиджа США и продвижением американской культуры, ценностей и языка.

От других структур «мягкой силы» США «Корпус мира» с момента его создания отличала работа на низовом уровне, в отдаленных местах, куда американские дипломаты и представители культурных центров не имели доступа. Апогей активности «Корпуса мира» пришелся на годы холодной войны. В эпоху расцвета, в конце 1960-х годов, в нем работали около пятнадцати тысяч добровольцев (90% из них в возрасте моложе тридцати лет), действовавших в семидесяти странах Азии, Африки и Латинской Америки. В начале XXI века в нескольких десятках государств Европы, Азии, Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Средиземноморья находится около семи тысяч волонтеров «Корпуса мира».

За годы своей деятельности участники «Корпуса мира» взаимодействовали с правительствами, образовательными учреждениями и некоммерческими организациями; боролись с голодом в развивающихся странах; готовили профессиональные кадры; преподавали и консультировали по вопросам экономики, сельского хозяйства, медицины, экологии, архитектуры и т. д., в целом выполняя почти двести видов работ. За сорок лет своего существования через «Корпус мира» прошли более ста семидесяти тысяч американцев, работавших в качестве волонтеров в ста тридцати шести странах мира.

Однако неафишируемой, негласной (и, с большой долей вероятности, основной) задачей этого агентства являлось противодействие распространению коммунистической идеологии в странах третьего мира. Деятельность граждан США, которые добровольно отправлялись в государства Африки, Азии, Латинской Америки, а после окончания холодной войны — и страны постсоветского пространства, активно использовалась и используется ЦРУ. Не случайно «Корпус мира» нередко обвиняют в деятельности, несовместимой с заявленными организацией гуманитарными целями. В 2002 году, например, работа «Корпуса мира» была прекращена в России, так как, по словам занимавшего тогда пост директора ФСБ России Н. П. Патрушева, было установлено, что американские волонтеры «занимались сбором информации о социально-политической и экономической обстановке в российских регионах, сотрудниках органов власти и управления, ходе выборов и так далее» (USAID прекратила работу в России спустя ровно десять лет).

Многие бывшие сотрудники «Корпуса мира» по завершении своей волонтерской деятельности продолжают активную работу

в государственных и негосударственных проектах, направленных на реализацию внешнеполитических задач США «мягкими» методами. В качестве примера можно привести бывшего президента компании «Lucasfilm» Г. Рэдди, президента радиостанции «Свободная Европа/Радио Свобода» Т. Дайна, послов США в Польше, ЮАР и Таиланде, нескольких ректоров крупных американских университетов.

Огромную роль в политике «мягкой силы» США играет информационная составляющая. Пожалуй, именно на этом направлении наиболее эффективно и эффектно проявляется взаимосвязь и координация деятельности официальных и неофициальных акторов «мягкой силы» и публичной дипломатии США.

Со стороны официального Вашингтона за все информационные программы отвечает Совет управляющих по вопросам вещания — Broadcasting Board of Governors — BBG). Эта структура была создана в 1994 году как отдел в Информационном агентстве США. После закрытия и реорганизации Агентства в 1999 году Совет получил статус независимого федерального агентства и возглавил все программы радио-, теле- и интернет-вещания США, став одним из наиболее крупных информационных объединений в мире. Совет управляющих по вопросам вещания определяет стратегическое направление информационных программ официального Вашингтона.

Заявленная миссия данного медиагиганта заключается в развитии и поддержке свободы и демократии путем передачи точных и объективных новостей и информации о Соединенных Штатах Америки и мире для зарубежной аудитории. В структуру Совета входит Бюро международного вещания, а также целая сеть радиостанций и телеканалов: «Голос Америки», радио «Свободная Европа/Радио Свобода», радио «Свободная Азия», «Офис Кубинского вещания», «Сава» и радио «Фарда» (вещающее на Иран), арабоязычный телеканал «Аль Хурра». Указанные структуры действуют весьма успешно во многом благодаря многолетнему опыту работы. Так, радиостанция «Голос Америки» была образована еще в 1942 году; долгое время она являлась самым деятельным инструментом американской информационной политики. Чуть позже, в 1949 году, на базе Национального комитета за свободную Европу начала работу радиовещательная корпорация «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”», находившаяся под контролем ЦРУ и занимавшаяся контрпропаган-

дой против коммунистических идей. С 2015 года Совет управляющих по вопросам вещания начал активно заниматься цифровыми проектами, в том числе работой в социальных сетях.

Ключевыми негосударственными акторами в информационной сфере преломления «мягкой силы» США являются частные (формально независимые, но почти всегда отражающие точку зрения официального Вашингтона по ключевым внешнеполитическим вопросам и действующие в его интересах) американские телеканалы, печатные и электронные СМИ. Крупнейшие американские телеканалы, такие как NBC, HBO, Fox News Channel, ABC и, конечно, CNN, играют колоссальную роль в продвижении американской культуры и ценностей, а также создании глобальной картинки происходящего в мире, на которую ориентируются миллионы людей.

Именно созданный в 1980 году Т. Тернером телеканал CNN первым в мире предложил концепцию 24-часового вещания новостей. Сама способность глобальных телевизионных сетей оказывать влияние на процесс принятия важных политических решений и изменять ход геополитических процессов получила в начале 1990-х годов название «эффект CNN». И сегодня канал транслирует американскую точку зрения на мировые события, продвигает западные ценности на огромную аудиторию в несколько сотен миллионов человек, формирует международную повестку дня.

Немаловажным является и психологическое воздействие генерируемых американскими СМИ телеобразов на зарубежные социумы. Американское телевидение, став глобальным, предоставляет неограниченные возможности для ведения пропагандистской работы, информационных вбросов и манипуляций общественным мнением. Важной чертой вещания США в других странах с недавних пор стала интерактивность. Сайты радиостанций и телеканалов публикуют новости и рекламируют имидж Америки через удобные и красочные разделы на сайтах, что в значительной степени повышает их привлекательность. Не отстают от них и крупнейшие печатные СМИ — «Wall Street Journal», «Washington Post», «New York Times» и др.

Продолжая тему неофициальной стороны американской политики «мягкой силы», нельзя не упомянуть о гигантской роли, которую в этом процессе играет массовая культура США: фильмы, телесериалы, музыка, спорт, продукция фастфуда и т. д.

Массовая культура давно уже стала достоянием не только самих Соединенных Штатов Америки, но глобальным культурным продуктом, основным инструментом и идеологическим орудием для формирования имиджа США на мировой арене. Характерно, что экспорт американской массовой культуры неразрывно связан с интересами крупного бизнеса в лице владельцев крупнейших медиахолдингов, вещательных корпораций и т. д. Заинтересованное в получении максимальных прибылей бизнес-сообщество США принимает непосредственное участие в распространении и популяризации достижений американской культуры.

Основным инструментом «мягкой силы» США в этом направлении выступает, конечно, знаменитый Голливуд. Именно голливудская продукция, несущая мощнейший заряд американских ценностей, американского видения тех или иных явлений и аспектов жизни, пользуется колоссальным спросом по всему миру. Американское кино смотрят сотни миллионов зрителей планеты Земля, формируя таким образом свое представление (в подавляющем большинстве случаев положительное) о США, их культуре и ценностях. Как справедливо отмечает Г. Филмонов, посредством кинематографа американцы действительно сумели опоэтизировать свою страну, создать привлекательный имидж и постарались влюбить в эту картинку население планеты.

Еще одной составляющей неофициальной американской «мягкой силы» является музыка и музыкальный шоу-бизнес. Современная музыкальная индустрия США — неотъемлемая часть американской культуры и один из ее основных продуктов. Она включает в себя огромное количество различных тенденций, стилей, направлений и при этом тесно связана с разнообразными субкультурами и молодежными течениями, популярными во всем мире. На протяжении практически всего XX века (и начала XXI века) американская музыка — джаз, рок-н-ролл, рок, рэп, диско, хип-хоп — была одним из главных компонентов общемирового культурного влияния США. Именно через молодежные субкультуры осуществлялось и осуществляется едва ли не наиболее интенсивное культурное влияние, формирующее притягательный образ США в молодежной среде различных стран мира. То же самое можно сказать в отношении атрибутики и моды на одежду отдельных субкультур, так как определенные течения в моде, ранее присущие исключительно американским субкуль-

турам, уже приобрели международное признание и стали устойчивой тенденцией в мире моды.

Значительным ресурсом «мягкой силы» США является спорт. Именно в Америке сосредоточены сильнейшие лиги по различным видам спорта — хоккею с шайбой, баскетболу, бейсболу и американскому футболу. Тысячи спортсменов со всего мира мечтают попробовать свои силы в проводимых в США чемпионатах, а миллионы поклонников следят за спортивными событиями в США по телевидению.

Наконец, еще один существенный инструмент «мягкой силы» США в современном мире — это социальные сети. Активное распространение социальных сетей пришлось на начало XXI века и было связано с появлением в США сервисов LinkedIn, MySpace, Facebook, YouTube, Twitter и ряда других. Такие сайты, как America.gov, Co.px, являются основными платформами для развития блогов, видеоконференций, распространения политологических статей, которые представляют миру Америку как страну разнообразия, динамизма и жизненной энергии. Эта важная и перспективная черта публичной дипломатии стала применяться с 2008 года благодаря усилиям заместителя государственного секретаря США по публичной дипломатии Дж. Глассмана, который инициировал новую стратегию дипломатии под названием «публичная дипломатия 2.0». Сетевые интернет-ресурсы превратились в реальных акторов мировой политики, которые распространяют данные по всему миру за считанные секунды, а их могущество подкрепляется союзами с крупнейшими глобальными СМИ, родиной которых также являются США или их союзники.

Сила американской массовой культуры заключается в том, что ее популярность формирует в восприятии миллионов людей, особенно в молодежной среде, некий образ «страны мечты», государства, которому хочется подражать и которым хочется восхищаться. Очень важно, что успех политики «мягкой силы» США, проводимой на неофициальном уровне, в целом не зависит от колебаний внешнеполитического курса Белого дома. Так, после вторжения в Ирак в 2003 году произошло резкое падение привлекательности США в глазах мировой общественности, но миллионы людей на планете продолжали потреблять продукцию американской массовой культуры — музыку, кино, телевидение, спорт и т. д.

На протяжении всего XX века, особенно после Второй мировой войны, США обладали почти безграничной «мягкой силой». До сих пор очень многим людям в мире импонируют американская идея личной свободы, равенства возможностей, высокий уровень жизни, качественное образование, массовая культура, впечатляющие достижения в области высоких технологий и многое другое. Результаты политики «мягкой силы» США заметны на большей части планеты, даже если они не воспринимаются повсеместно или вызывают неприязнь. Американская культурно-цивилизационная модель с доминирующим компонентом массовой культуры приобрела поистине глобальный характер и общемировой масштаб.

Правда, в последние годы степень эффективности «мягкой силы» США значительно снизилась — это признают сами американцы. Так, известный в прошлом дипломат и сотрудник Пентагона Ч. Фриман откровенно пишет: «Наше лидерство воспринимается все более скептически и менее почтительно в мире, где множатся вызовы, на которые нельзя дать ответ военными средствами. Пора заново открыть для себя глубокую дипломатию, создающую обстоятельства, при которых другие страны, преследуя собственные интересы, были бы склонны делать выбор, отвечающий нашим интересам, без принуждения их к этому военными средствами. Пора вспомнить инструменты ненасильственного государственного управления («мягкой силы». — А. Н.), чтобы убеждать других, что они могут получить выгоду от работы с нами, а не против нас».

В начале 2000-х годов в связи с новыми глобальными вызовами, в первую очередь, начавшейся войной Америки с международным терроризмом, концепция «мягкой силы» в США стала подвергаться определенной ревизии. Одновременно в научных и экспертных кругах росло критическое отношение к внешнеполитическому курсу администрации Дж. Буша-младшего, сделавшего ставку почти исключительно на использование «жесткой силы», что серьезно ухудшило имидж США на международной арене. Реагируя на эти вызовы, Дж. Най и ряд других американских исследователей разработали новый подход для внешней политики США, который вылился в появление термина «умная сила» — своеобразной комбинации «жесткой силы» и «мягкой силы».

«Умная сила» определялась как «предоставление глобальных благ, к которым стремятся люди и правительства во всем

мире, но не могут достичь без американского глобального лидерства». В этом контексте предлагалось сконцентрировать усилия на пяти критических областях внешней политики США:

- обновление международных союзов и институтов;
- повышение роли инструментов развития во внешней политике США;
- развитие публичной дипломатии;
- экономическая интеграция;
- упор на технологии и инновации, особенно в энергетике и экологии.

Возглавившая в 2009 году американское внешнеполитическое ведомство Х. Клинтон перевела эту концепцию на язык реальной политики и сместила акцент с «мягкой силы» на «умную силу», которая, по ее мнению, стала эквивалентом компетентной внешней политики, не использующей один и тот же набор инструментов для решения различных проблем. Клинтон часто обращалась к проблематике «мягкой/умной силы» в своих официальных заявлениях. Такие принципы внешнеполитического поведения, как «политика вовлечения», «смещение политических барьеров при помощи цифровой дипломатии», обеспечение «прямого диалога с протестными движениями в зарубежных странах», «поддержание лидерства США в мире», смешались в риторике госсекретаря и стали рассматриваться как сопряженные.

В статье, опубликованной летом 2012 года, Х. Клинтон отмечала: «Проверкой нашего лидерства станет в перспективе наша способность мобилизовать разрозненные народы и страны на совместную работу по решению общих проблем и продвижению общих ценностей и ожиданий. Для этого нам необходимо расширить наш внешнеполитический арсенал, объединить все активы и всех партнеров и принципиально изменить способ ведения дел. Я называю такой подход “умной силой”». Клинтон прямо заявила: «Одна из определяющих черт нашего века заключается в том, что полноправной стратегической силой стали рядовые граждане — особенно молодые люди, чьи возможности подкрепляются новыми технологиями связи... И, как мы видели на Ближнем Востоке и в Северной Африке, это имеет глубокие последствия для региональной и глобальной стабильности... Поэтому мы осваиваем новые пути выхода за рамки традиционных межправительственных отношений и напрямую взаимодействуем с рядовыми гражданами по всему миру. Это подразумевает использование таких техно-

логов, как Twitter и SMS, для ведения диалога с самыми разными людьми — от поборников гражданского общества в России до фермеров в Кении и студентов в Колумбии».

Главный упор был сделан на развитие ключевых ресурсов «умной силы» — информационных технологий нового поколения, сетевых ресурсов, блогов и особенно социальных сетей (Facebook, Twitter, видеохостинга YouTube и др.). В период 2010–2012 годов деятельность Госдепартамента на этом направлении получила беспрецедентное развитие: США стали опираться на социальные сети не только как средство транслирования американских ценностей, но и начали использовать их для мобилизации протестной активности зарубежной молодежи. Именно с помощью этих инструментов Вашингтон стремится управлять социальными процессами в иностранных государствах, заниматься геополитической инженерией, осуществлять информационную войну против соперников на международной арене. Характерно, что еще в 2009 году, после официального признания президентом Б. Обамой цифровой инфраструктуры в качестве стратегического достояния Америки, высшие чины Пентагона в лице заместителя министра обороны У. Линна обозначили на доктринальном уровне, что «киберпространство — новая сфера для проведения военных операций, наряду с сушей, морем и воздухом». Как следствие для защиты американских сетей и организации атак на коммуникационную инфраструктуру соперничающих с США государств в 2010 году в структуре министерства обороны было создано Киберкомандование.

Особое значение было отведено инструментам публичной дипломатии 2.0. Данная деятельность подразумевала размещение радио- и телепередач в Интернете, распространение в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блогпространстве, создание персонифицированных страниц членов американского правительства в социальных сетях, рассылку информации через мобильные телефоны и т. д.

В рамках Госдепартамента была образована специальная структура, занимающаяся программами публичной дипломатии 2.0, — Отдел мониторинга зарубежной блогосферы. Еще с 2006 года в Госдепе работает группа специалистов для анализа сообщений и дискуссий, идущих в подавляющем большинстве социальных сетей. Американские специалисты в качестве рядовых пользователей или модераторов принимают деятельное уча-

стие в дискуссиях пользователей, разъясняя на этих платформах поведение США на международной арене и пропагандируя западные стандарты и ценности. Основным адресатом публичной дипломатии 2.0 является молодежь и студенчество. Электронные журналы о США, например, оказывают влияние на молодое поколение зарубежных стран, так как оно особенно чутко воспринимает информацию через визуальные и клиповые образы. Мониторинг социальных сетей позволяет Вашингтону направлять дискуссии блогеров в нужное русло и мобилизовать группы протестной молодежи и диссидентов. Рассылка же SMS-сообщений на мобильные телефоны зарубежных граждан дает возможность правительству США добраться даже до тех, кто не имеет доступа к Сети и т. п.

Приобщение зарубежных обществ к ценностям США и использование Интернета в качестве инструмента координации усилий Вашингтона и целевой иностранной аудитории стало лейтмотивом укрепления «мягкой» и «умной силы» администрации Обамы в 2010–2012 годах. Венцом этой стратегии, по мнению экспертов, стало использование цифровой дипломатии США в ходе «арабской весны» 2011 года (правда, цифровая дипломатия, политика вовлечения и «арабские революции» привели не к демократизации региона, а к хаосу, гражданским войнам и резкому росту террористической угрозы).

С 2013 года получила развитие еще одна тенденция: на публичную дипломатию все большее влияние стали оказывать подходы, связанные с концепцией «стратегической коммуникации». Речь идет о точечном донесении международной позиции США до специфических групп и осуществление контрпропаганды в ответ на выступления оппонентов (в роли таковых в зависимости от ситуации выступают исламистские террористы, Иран, Россия, Китай, КНДР).

В 2017 году Най утверждал: «У нас (США. — А. Н.) благоприятная демография, все более дешевая энергия, ведущие в мире университеты и технологические компании... Ни одна другая страна, включая Китай, не способна сместить Соединенные Штаты с доминирующей позиции. США занимают безоговорочное первое место в мире по количеству посольств, представительств, миссий и дипломатов. К Америке льнут сто из ста пятидесяти крупнейших стран мира, и только двадцать одна выступает против».

В конце второго десятилетия XXI века ресурс американской «мягкой силы» действительно остается очень существенным. Благодаря колоссальному потенциалу в этой области сегодня США все еще могут выдвигать привлекательные идеи, вести за собой другие государства, создавать международные коалиции на основе собственных ценностей (неважно, реальные они или мнимые). Однако мощь «мягкой силы» Вашингтон, в отличие от большинства стран мира, использует почти исключительно в корыстных и порой деструктивных целях. Дело в том, что применение Америкой технологий «мягкой силы» предполагает продвижение ценностей и идей, которые, зачастую являясь фактически спорными, преподносятся для всего остального мира в качестве неоспоримых благ, вследствие чего определенная, подчас влиятельная, часть населения других государств рассматривает США как идеальную, эталонную модель государства, в котором воплощены эти ценности. «Мягкую силу» в контексте ее применения Вашингтоном для достижения целей своей внешней политики иногда называют «оружием массового отвлечения», подразумевая, что американская массовая культура, распространяемая в зарубежных государствах, может отвлекать внимание целевых групп населения или органов государственной власти от фактического применения США «жесткой силы» к этим государствам. А некоторые авторы (причем американские) прямо называют эту политику «оружием массового поражения».

В послевоенный (и особенно в постбиполярный) период американские теоретики и практики довели до совершенства методику основанных на концепции «мягкой силы» и «умной силы» гуманитарных технологий, которые при этом отнюдь не являлись и не являются гуманными по отношению к другим странам и народам. Ярким примером использования США технологий «мягкой силы» стали «цветные революции» в начале XXI века — операции Вашингтона по смене неудобных Америке политических режимов в Сербии, Грузии, Египте, Украине и целом ряде других стран.

Канада

Канада — одна из немногих стран, где «мягкая сила» стала одним из важнейших инструментов внешнеполитической деятельности. Участие в решении гуманитарных проблем современного мира, миротворчество, содействие международному разви-

тию — эти и другие шаги, предпринимаемые Оттавой после Второй мировой войны, позволили стране занять на международной арене уникальную дипломатическую нишу. Подобная «нишевая дипломатия» была направлена на то, чтобы государство заняло определенную позицию, собственное место в международных отношениях. По сути, это стало специфической формой публичной дипломатии, позволяющей державе «среднего ранга», коей является Канада, достигать существенных успехов на мировой арене.

Научной основой для использования «мягкой силы» во внешней политике Канады и концептуальным обоснованием идеи державы «среднего ранга» послужил либеральный интернационализм, который оформился в общественно-политическом и научном дискурсе страны после окончания Второй мировой войны и сохраняет популярность до сих пор. Особую роль в учении либерального интернационализма играет теория мультилатерализма (или многосторонней дипломатии), непосредственно связанная с концептом «мягкой силы». Ее основоположники — известные канадские политики и дипломаты Л. Сен-Лоран, Л. Пирсон и Э. Рейд — видели в многосторонней дипломатии главный инструмент обеспечения мира и экономического процветания страны путем переговоров, компромиссов и достижения консенсуса. Мультилатерализм рассматривался и как способ демонстрации канадской идентичности, отличий в ее позициях от подходов других стран, прежде всего США и Великобритании. Формат многосторонней дипломатии пропагандировался как наилучший для защиты интересов страны «среднего ранга», имеющей сверхдержаву (США) в качестве ближайшего соседа. При этом данный подход был основан на собственных ценностных ориентирах.

Вообще во внешней политике Канады экспорту собственных ценностей всегда придавалось очень большое значение. **Оценивая масштабный поворот в государственной политике к механизмам «мягкой силы», известный канадский философ и общественный деятель Дж. Соул отмечал: «Наша внешняя политика зависит от проецирования ценностей за рубеж. Мы сильнее зависим от этого фактора, чем более влиятельные партнеры и конкуренты Канады, которые другими средствами создают свою репутацию в мире». А в опубликованном в 1995 году правительственном документе «Канада в мире» отмечалось, что «продвижение канадских ценностей и культуры за рубеж является одной из главных международных целей».**

Оригинальная система «канадских ценностей» сегодня включает в себя мультикультурализм, защиту прав меньшинств, гендерное равенство, антимиитаризм и т. п. Одновременно эта идеология позволяет цементировать общественные устои многоэтнического канадского общества, до сих пор принимающего большое количество иммигрантов. **В Канаде представлены более ста различных этносов; из них, по переписи 2006 года, сорок три этнические группы насчитывают более ста тысяч человек.** 96% канадцев — потомки иммигрантов, прибывших за последние четыре века. Тем не менее сегодня самая популярная (и набирающая силу) самоидентификация — канадец: так называют себя 30,9% жителей страны. Далее следуют те, кто называет себя англичанами (20,1%), французами (15,1%), шотландцами (14,5%), ирландцами (13,3%), немцами (9,7%), итальянцами (4,4%), китайцами (4,1%), индейцами (3,8%), украинцами (3,7%), голландцами (3,2%), поляками (3%), австронезийцами (3%), русскими (1,5%). Многоэтнический состав ее населения, высокий уровень толерантности, в целом успешное регулирование сепаратистских тенденций в стране, открытость для беженцев и иммигрантов также являются важными компонентами канадской «мягкой силы».

Особенность концепций и конкретных программ «мягкой силы» Канады заключается в том, что акцент в ее политике делается на решении различного рода гуманитарных проблем, с которыми сталкиваются мировое сообщество и отдельные страны. Достаточно вспомнить, что канадец Дж. Хамфри был одним из основных разработчиков Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году. Предложение о создании первых чрезвычайных Вооруженных сил ООН для урегулирования Суэцкого кризиса 1956 года было выдвинуто знаменитым канадским дипломатом (впоследствии премьер-министром Канады) Л. Пирсоном, получившим в 1957 году Нобелевскую премию мира. В ходе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1973–1975 годах Канаде была выделена при распределении обязанностей в НАТО так называемая «третья корзина»: защита прав человека и обсуждение вопросов воссоединения семей. В рамках влиятельных международных и региональных организаций — ООН, G7, АТЭС — Канада нередко выступала с новаторскими инициативами в гуманитарной области и т. д.

В начале XXI века международный имидж Канады основывается на созданной многолетними усилиями политиков и спе-

циалистов международной репутации миротворца, посредника и борца за права человека. Канада выступает за продвижение институтов многосторонней дипломатии, за отказ от односторонних и силовых действий, уход от милитаристских стереотипов в общественном сознании.

Канада — это и международный донор с многолетним опытом. Страна была одной из создательниц и активных участниц первых программ помощи, в частности «Плана Колombo» в 1950 году. В начале нынешнего века Канада оказывала поддержку более чем ста пятидесяти развивающимся государствам и странам с переходной экономикой.

Канадским внешнеполитическим ведомством также было введено в оборот понятие «новая дипломатия» как инструмент поддержания безопасности людей и разработана концепция «безопасности личности». Ее особенность заключается в самом широком сотрудничестве разных участников как внутри страны, так и на международном уровне в рамках многосторонних организаций, неправительственных организаций, бизнеса, экспертного сообщества.

Механизмы «мягкой силы» оставались краеугольным камнем внешней политики Канады с середины XX вплоть до начала XXI века (особенно в период правления Либеральной партии). Однако с приходом к власти в 2006 году Консервативной партии, исповедовавшей экономический прагматизм, эта политика реформировалась, некоторые программы «мягкой силы» были свернуты или урезаны. На встрече с канадскими военнослужащими, участвовавшими в ликвидации последствий землетрясения на Гаити 2010 года, премьер-министр С. Харпер заметил: «Чтобы применять “мягкую силу”, вам нужна и “твердая сила”, вам нужен весь спектр возможностей». Политика «мягкой силы» в Канаде оказалась под огнем критики и потому, что страна, несмотря на гуманитарные цели своей внешней политики, все-таки приняла участие в инспирированных США войнах в Югославии и Афганистане. В ноябре 2015 года Либеральная партия вновь оказалась у власти в Канаде, а ее молодой лидер Дж. Трюдо снова демонстрирует приверженность инструментам и технологиям «мягкой силы».

Сегодня при реализации политики «мягкой силы» Канады в Оттаве руководствуются следующими основными ценностными ориентирами.

♦ **Антимилитаризм.** Он основан на малочисленности канадской армии, низком уровне военного бюджета, отсутствии обязательной воинской повинности, неядерном статусе страны и активном участии в процессе разоружения и успешных миротворческих инициативах.

♦ **Открытость.** Показателями открытости являются облегченная процедура предоставления двойного гражданства, всестороннее проникновение иностранного капитала в экономику Канады, льготный режим иммиграции, широкое участие в международном развитии информационных технологий и культурных обменах.

♦ **Демократические принципы управления.** Добившись значительных успехов в претворении демократических принципов социального развития, Канада пропагандирует свой опыт в этой сфере.

♦ **Многокультурность.** Канада — страна национальных меньшинств, которые считают себя канадцами и одновременно подчеркивают свою принадлежность к конкретной этнической группе, часто не проявляя стремления к ассимиляции с другими.

♦ **Защита прав меньшинств.** На конституционном уровне в Канаде закреплены защита прав человека, толерантность, признание прав сексуальных и этнических меньшинств, поддержка принципов гендерного равенства.

♦ **Забота об охране окружающей среды.** Экологическая безопасность — один из приоритетов политики Канады и признанная ценность для большинства канадцев.

♦ **Глобализм.** Под ним в Канаде понимают осознание собственной уникальности в условиях целостности мира. В формировании этого ценностного ориентира сыграли роль представления о глобальной семье, связанные с участием Канады в британском Содружестве наций и Франкофонии.

♦ **Приверженность международным институтам.** Канада, будучи одним из основателей и активным участником практически всех международных организаций, активно продвигает идею приверженности международным институтам.

♦ **Консенсус при принятии важных общественных решений.** Он основан на успешном национальном опыте решения задач различного масштаба при участии всех заинтересованных сторон.

Особенность Канады в области использования инструментов «мягкой силы» состоит в том, что все действия на этом направлении носят преимущественно централизованный характер и осуществляются через уполномоченные государственные ведомства. Главную роль в продвижении канадской «мягкой силы» за рубежом играет внешнеполитическое ведомство страны, реализующее программы по оказанию экономической и гуманитарной помощи, развитию торговых и научно-технических связей, работе с академическими кругами в различных странах. Активную роль в этом процессе играют и организации гражданского общества, правда, под государственным контролем. Они занимаются образовательными программами на местах, научными проектами, предоставлением медицинских услуг, волонтерской деятельностью и т. д. Особое место в реализации «мягкой силы» Канады занимают университеты, развивающие свои связи во многих странах, но главным образом привлекающие для обучения значительное число иностранных студентов. Наконец, в Канаде широко используются возможности, которые дают иммигрантская среда и этнические сообщества, поддерживающие непосредственные связи со странами исхода.

В целом структура «мягкой силы» и публичной дипломатии Канады выглядит следующим образом:

- ◆ Министерство иностранных дел и международной торговли — ключевой актор «мягкой силы» Канады. В рамках этого внешнеполитического ведомства функционируют самые разнообразные программы: образовательные, информационные, по работе с иммигрантами и этническими группами, проекты в области помощи развитию. Оператором большинства из них является Управление по развитию (в 1968–2013 годах — Канадское агентство международного развития). Глава нового Управления по развитию имеет должность федерального министра.

- ◆ Канадская вещательная корпорация (СВС). СВС как телесеть на французском и английском языках функционирует с 1952 года, с 1989 года было налажено спутниковое вещание (в этот год был запущен телеканал СВС Newsworld). Юридически данное СМИ является «корпорацией Короны», то есть принадлежит государству. Обладая несколькими десятками теле- и радиоканалов, СВС популяризирует знания о Канаде и канадских ценностях. Вещание осуществляется как на зарубежную аудиторию, так и на внутреннюю, причем на языках диаспор. Особое внима-

ние уделяется бесплатному времени для сбора пожертвований на гуманитарные нужды народам иностранных государств.

♦ Университеты и неправительственные организации. В первую очередь стоит отметить Ассоциацию канадских университетов и колледжей. Формально это неправительственная организация, но созданная по специальному закону парламента страны. Она занимается расширением научно-образовательных связей за рубежом и привлечением иностранных студентов в канадские вузы. Вообще НПО занимают особое место в структуре канадской «мягкой силы». Они финансируются из государственного бюджета и действуют преимущественно в развивающихся странах. Среди них есть как международные, так и национальные структуры (Canada World Youth, Engineers Without Borders (Canada), Crossroads International, Youth Challenge International и целый ряд других). В фокусе их деятельности, как правило, находятся волонтерство, образовательные и медицинские услуги, проекты в области сельского хозяйства, отработка профессиональных навыков и т. д.

Основные направления «мягкой силы» Канады можно условно поделить на несколько сфер: культурно-образовательная политика; иммиграционная политика; информационная политика; дипломатия развития (гуманитарная политика).

В сфере образования главным оператором применения «мягкой силы» являются канадские университеты. В настоящее время в университетах страны обучается около двухсот тысяч иностранных студентов, что в расчете на душу населения гораздо больше, чем даже в соседних США. Высшее образование стало своеобразным «экспортным товаром» Канады. При этом, в отличие от Америки, подавляющее число университетов являются государственными учреждениями. В стране существует развернутая система грантов для иностранных, а также канадских выпускников и молодых ученых, имеющая целью привлечение талантливой молодежи с университетским образованием к исследованиям внутри и за пределами Канады. Такие гранты обеспечивает правительство, действуя через дипломатические представительства, и другие структуры, например Национальный исследовательский совет. Основная деятельность правительственных органов в этой сфере сводится к поддержке и участию во всех культурных мероприятиях, проводимых за рубежом в рамках Содружества наций и Франкофонии; содействию проведения этнических фе-

стивалей, праздников и культурных мероприятий внутри страны с участием зарубежных гостей; организации поездок за рубеж выдающихся деятелей культуры и искусства Канады; поддержке канадских культурно-информационных центров и информационных центров по канадскому образованию за рубежом. Особого внимания заслуживает работа канадского внешнеполитического ведомства с академическими кругами за рубежом, поощряющая изучение Канады.

Что касается иммиграционной политики Канады, ее основная задача состоит в отборе высококвалифицированных и адаптивных переселенцев для улучшения демографической и квалификационной структуры населения страны. Сегодня Канада принимает более двухсот пятидесяти тысяч иммигрантов ежегодно, а каждый пятый канадец родился за рубежом. При этом многочисленные иммигранты, поддерживающие непосредственные связи со своими бывшими странами, являются проводниками канадской политики «мягкой силы». Огромное значение уделяется ценностям мультикультурализма. Работа в иммигрантской среде осуществляется в самых разных формах — от изучения языков до проведения масштабных этнических праздников и фестивалей с участием зарубежных соотечественников. Канадское правительство финансирует и ряд других программ социокультурной адаптации: Программу семейного приема (Host Program), по которой волонтеры из канадских семей принимают на определенный период переселенцев; Программу обучения языкам (Language Instruction for Newcomers to Canada), включающую не только языковую подготовку, но и ознакомление с культурой, традициями и устройством страны, и т. д. Наряду с государственными организациями в стране работают сотни неправительственных организаций, задачей которых является социальная и культурная адаптация иммигрантов, в основном за счет государственных средств.

В рамках информационной политики большую роль играет государственное вещание на иностранных языках внутри страны, имеющее целью не только ознакомление с культурой различных этносов, представители которых проживают в Канаде, но и (главным образом) популяризацию канадского образа жизни. Так, на телевидении, как правило, показываются успешные истории осуществления «мечты иммигранта». Нет сомнения, что эта информация доходит и до определенной части населения в стра-

нах — донорах иммиграции. Активно идет вещание Канадской вещательной корпорации и на зарубежную аудиторию. Каналами распространения знаний о Канаде за рубежом являются также иммиграционные службы и представительства страны, которые обязаны не только разъяснять иммиграционные процедуры, но и давать общие сведения о стране, ее особенностях и образе жизни.

Одно из ключевых мест в системе «мягкосиловых» приоритетов Канады занимает решение международных гуманитарных и иных проблем. Программы содействия международному развитию активно реализуются с конца 1960-х годов. В 2011 году Канада присоединилась к Соглашению по прозрачности в оказании международной помощи. Эти программы всегда рассматривались Оттавой в контексте решения разнообразных и многосторонних задач, в том числе получения экономических дивидендов (особенно в продвижении канадского бизнеса за рубежом и поисках особой ниши для Канады в международном разделении труда), повышения политического влияния, противодействия глобальным угрозам. Особое значение имеет возможность использования контактов с развивающимися странами для улучшения канадско-американских отношений, так как Вашингтон ценит помощь Канады в демократизации режимов авторитарных государств. Содействие международному развитию осуществляется Канадой и через международные организации ООН, а также в рамках Содружества наций и Франкофонии. В целом гуманитарное направление «мягкой силы» Канады развивается в рамках мультилатералистской традиции и глобального вектора внешней политики Канады, что, однако, не ставит под вопрос приоритетность канадско-американских отношений в ее внешнеполитической повестке дня.

Весьма разнообразны и другие механизмы «мягкой силы» Канады, например продвижение собственных спортивных достижений в области хоккея. Пожалуй, наиболее успешной для повышения международного имиджа страны стоит считать активную работу с этническими диаспорами Канады и иммигрантами, включая систему отбора, приема и предоставления гражданства переселенцам.

Как отмечал бывший премьер-министр Канады Джо Кларк (самый молодой премьер в истории страны), Канада должна «мобилизовать свои возможности в “мягкой силе”, чтобы быть

равным партнером с теми, кто обладает “жесткой силой”. И действительно, акцент во внешней политике Канады на инструменты «мягкой силы» обеспечивает этой стране, относящейся к державам «среднего ранга», международный авторитет и место среди ведущих развитых стран.

Рекомендуемая литература:

1. Исраелян Е. В., Соколов В. И. Канада: «мягкая сила» как основа внешней политики державы «среднего ранга» // Вестник международных организаций. — 2014. — Т. 9. — № 2. — С. 72–94.

2. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США : учеб. пособие для вузов / А. И. Кубышкин, Н. А. Цветкова. — М. : Аспект Пресс, 2013.

3. «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США. Ч. 1 // Стратегия России. — 2016. — № 1. — С. 57–64.

4. «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США. Ч. 2 // Стратегия России. — 2016. — № 2. — С. 65–76.

5. Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США : монография. — М. : РУДН, 2010.

Лекция 5

«Мягкая сила» и публичная дипломатия Великобритании и Германии

Великобритания

По выражению семьдесят пятого премьер-министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Дэвида Кэмерона (2010–2016 годы), его страна является «сверхдержавой с точки зрения “мягкой силы”». Действительно, в многочисленных международных рейтингах «мягкой силы» и «брендов стран» Великобритания неизменно занимает лидирующие позиции. Термин «мягкая сила» присутствует в политическом дискурсе страны, употребляется в официальных документах. Палата лордов Великобритании в парламентскую сессию 2013–2014 годов даже создала Комитет по «мягкой силе» и влиянию страны, который провел общественные слушания и подготовил доклад, содержащий рекомендации правительству. В опубликованных в 2015 году Национальной стратегии безопасности и Стратегическом обзоре обороны и безопасности необходимость усиливать британское влияние с помощью «мягкой силы» была обозначена в качестве одного из приоритетов внешней политики страны.

Британские политические элиты с готовностью взяли на вооружение разработанную за океаном концепцию «мягкой силы», а эксперты высоко оценивают достижения Великобритании в этой области. Официальный Лондон охотно использует данную внешнеполитическую стратегию, применяя технологии «мягкой силы» для усиления своего международного влияния. **Можно выявить несколько факторов, которые способствуют активному использованию концепции «мягкой силы» в британской внешней политике и обеспечивают определенные преимущества по сравнению с другими странами.** Во-первых, страна накопила большой практический опыт в данной сфере. Современная британская политика «мягкой силы» опирается на институты и механизмы, которые развивались на протяжении многих десятилетий. Во-вторых, «мягкая сила» рассматривается

британскими экспертами и политиками в тесной связи с силой «жесткой», то есть с экономической и военной мощью. «Мягкая сила» анализируется не просто как абстрактная привлекательность или влияние, но и как способ повысить благосостояние и безопасность граждан Великобритании, увеличить совокупную мощь Соединенного Королевства. Наконец, в проектах, реализуемых в рамках британской «мягкой силы», участвуют многочисленные негосударственные акторы: неправительственные организации, средства массовой информации, университеты и школы, коммерческие компании и просто известные персоны. Это придает ей инклюзивность и динамизм, обуславливая успех многих начинаний.

Выступая в 2013 году на слушаниях упомянутого выше специального Комитета британской Палаты лордов, автор термина «мягкая сила» Дж. Най высоко оценивал достижения Великобритании на этом поприще. Он особо отметил ведущую роль английского языка на международной арене, историческое значение британского Содружества наций, внимание мировых СМИ к британской королевской семье, авторитет национальных университетов, а также деятельность таких организаций, как Британский совет и Всемирная служба «Би-Би-Си». В своих работах Най пишет, что Великобритания является одним из лидеров в области «мягкой силы», и подчеркивает, что страна смогла добиться впечатляющих успехов, имея относительно небольшое население и территорию. Причем все перечисленные достижения являются результатом работы, которая велась на протяжении длительного периода времени, а отнюдь не только после появления концепции «мягкой силы» в начале 1990-х годов.

Как же это происходило? Разумеется, **на процесс становления британской политики «мягкой силы» наложило отпечаток колониальное прошлое страны.** Завоевав и покорив полмира, Британская империя взаимодействовала с разнообразными народами, устанавливая свои порядки, создавая административные структуры, распространяя нормы и принципы организации общественных и государственных институтов, образовательных учреждений, наконец, приобщая людей к своей культуре и языку. До сих пор многие страны (более пятидесяти) входят в Содружество наций — международную межправительственную организацию со штаб-квартирой в Лондоне; ее членами сегодня являются почти все бывшие колонии, доминионы и протектора-

ты Великобритании. Британская королева, возглавляющая Содружество, одновременно формально продолжает оставаться главой не только Соединенного Королевства, но еще пятнадцати независимых государств, включая Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Ямайку, Папуа — Новую Гвинею. Институты и механизмы «мягкой силы», созданные еще в период Британской империи, функционируют и сейчас.

Эволюция современной британской системы «мягкой силы» насчитывает почти столетие.

С 1926 по 1933 год действовало уникальное правительственное агентство «Имперский маркетинговый совет», работа которого была направлена на продвижение товаров Британской империи и включала создание постеров, фильмов, проведение выставок, а также организацию разного рода исследований. Формирование такого совета свидетельствовало о смене приоритетов. Лондон пытался модернизировать собственную империю, основанную на военном превосходстве, в направлении единого активного экономического и культурного сообщества, нацеленного на процветание как метрополии, так и колоний.

В 1922 году на свет появилась британская радиовещательная корпорация «Би-Би-Си», которая была призвана служить «соединяющим и координирующим звеном между разбросанными частями Британской империи». В 1936 году она начала вести телепередачи. К концу 1945 года ее вещание осуществлялось уже на сорока пяти языках, что превратило организацию в крупнейшую телерадиовещательную корпорацию в мире.

В 1934 году при поддержке Министерства иностранных дел был основан Британский комитет по связям с другими странами, вскоре получивший другое название — Британский совет. В 1938 году открылись первые отделения этой структуры за рубежом.

Система, созданная в 30-х годах прошлого века, оказалась удивительно стабильной. Началась и закончилась Вторая мировая война, затем холодная война, однако организации, которые возникли около восьмидесяти лет назад, приспосабливались и менялись в соответствии с требованиями времени, продолжая активную работу в области «мягкой силы» на протяжении всего XX века и по сей день.

В послевоенный период развитие британской политики, которую сегодня можно назвать «мягкой силой», продолжилось. Новыми формами работы стали содействие международ-

ному развитию, образование и туризм. В первую очередь такая деятельность была сфокусирована на бывших колониях, связь с которыми Лондон осуществлял в рамках Содружества наций (в современном виде оно существует с 1949 года). В 1964 году было сформировано новое Министерство зарубежного развития. В 1969 году был принят «Акт о развитии туризма», согласно которому была создана особая структура — Британское управление по туризму (программа VisitBritain). В 1984 году Министерство иностранных дел и по делам Содружества учредило стипендию для обучения в Великобритании потенциальных будущих лидеров из разных стран мира — «Чивнинг» (Chevening).

В конце 1990-х годов, с приходом к власти семьдесят третьего премьер-министра из лейбористской партии Тони Блэра (1997–2007 годы), в Великобритании началась эра имиджевой политики. Можно даже сказать, что началась эра маркетинга, когда имидж страны создавался в результате проведения кампаний с использованием маркетинговых технологий, призванных в кратчайшие сроки улучшить образ страны. Основными кампаниями программы ребрендинга имиджа Великобритании стали кампания «Cool Britannia», проект «Купол тысячелетия», программа GREAT и проведение Олимпийских игр 2012 года в Лондоне.

Начало кампании «Cool Britannia» прошло на волне культурного подъема в Англии конца 1990-х годов. Само название «Cool Britannia» (дословный перевод — «Крутая Британия») на самом деле является игрой слов, вызывающих ассоциации с названием знаменитой патриотической песни «Rule, Britannia» — «Правь, Британия». Кампания была призвана транслировать образ Великобритании как обновленной и креативной страны. Необходимость ее проведения обосновывалась в докладе исследовательского центра «Демос», в котором были сформулированы факторы, негативно влиявшие на имидж Туманного Альбиона за рубежом: восприятие Великобритании как старомодной страны, низкий уровень инновационности, неблагоприятный бизнесклимат, слабая конкурентоспособность британской продукции, доминирование стереотипов (плохая погода, скудная еда и т. д.). Автор доклада, известный западный специалист в области публичной дипломатии М. Леонард предложил несколько нарративов, конституирующих бренд «Великобритания». По мнению эксперта, всем им свойственно то, что они подчеркивают роль Соединенного Королевства как центра развития, импортера

и экспортера идей, товаров и услуг, как нации-гибрида, вобравшей в себя разнообразие различных народов, страны нонконформистов с развитым творческим потенциалом, в которой при этом основными максимумами являются честная игра (fair play) и дух волонтерства. **Всего было выделено шесть таких нарративов.**

♦ **Нарратив № 1: Великобритания — центр пересечения всех дорог.** Несмотря на то что Великобритания — островное государство, она никогда не была изолированной от мира. Напротив, страна связана с миром, как никакая другая на континенте. Это место, где пересекаются люди, идеи пути, — это мост между Европой и Америкой.

♦ **Нарратив № 2: Великобритания — творческий остров.** Креативность, творческий потенциал — это постоянный поиск новых решений. Иногда они являются нонконформистскими и нестандартными, всегда отличаются новизной и оригинальностью. Британцы обладают огромным творческим потенциалом, который проявился не только в классической культуре, но и продолжает быть основой современного искусства — кинематографии, музыки, моды, мира компьютерных игр и т. д.

♦ **Нарратив № 3: объединенные цвета Британии.** Великобританию можно смело назвать культурным гибридом. Здесь сосуществуют разные культуры и цивилизации. При этом они не смешиваются, они автономны — это дань историческим реалиям, результат имперского прошлого Великобритании.

♦ **Нарратив № 4: страна, открытая для бизнеса.** Великобритания располагает прекрасными возможностями для иностранных инвестиций, так как существующая бизнес-культура им благоприятствует. При этом дорога открыта не только для крупного, но и для мелкого и среднего бизнеса.

♦ **Нарратив № 5: Великобритания — «тихий революционер».** В консервативной Великобритании нет места насильственным революционным действиям, однако это не означает, что народ не стремится к различным изменениям. Огромный творческий потенциал нации помогает преобразовывать ключевые сферы жизни без применения насилия, а с помощью тактики «тихого революционера».

♦ **Нарратив № 6: государство, где играют по-честному.** Честная игра — неотъемлемое правило британского общества, будь то бизнес или политика. В общественном плане результатив-

ность данного правила проявляется в хорошей работе социальных лифтов, так как государство всем дает шанс проявить себя.

Проект «Купол тысячелетия» (The Millenium Dome) стартовал 1 января 1999 года и был приурочен к празднованию тысячелетней веки. Миллениум стал лучшим поводом показать, чего добилась страна за время своего многовекового существования. По сути, «Купол тысячелетия» — это тематическая выставка, где можно было осуществить путешествие во времени по британской истории; в «научной зоне» — узнать о будущем образования и профессиональной деятельности; познать тайны возникновения мировых религий; в «зоне фантазий» — помечтать и пофантазировать; в «зоне живых существ» — задуматься о проблемах окружающей среды и т. д. Общая идея выставки — продемонстрировать всему миру Великобританию как страну, в которой рождаются идеи, как усовершенствовать ключевые стороны жизни государства: здравоохранение, образование, науку, экологию, искусство; главный слоган — «Время перемен пришло». Выставка прекратила работать в конце 2000 года, но здание продолжает эксплуатироваться и сегодня; во время проведения Олимпиады 2012 года «Купол тысячелетия» использовался в качестве олимпийского объекта.

Программа GREAT (или GREAT Britain) была запущена в преддверии летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 году. После того как в 2005 году заявка города на проведение Олимпиады была одобрена МОК, правительство лейбористов начало подготовку к этому грандиозному спортивному событию. В начале 2011 года, уже после прихода к власти коалиционного правительства Д. Кэмерона — Н. Клегга, в правительственных структурах было запущено обсуждение нового бренда, призванного увеличить экономический эффект от проведения Игр и использовать все их преимущества. В результате и была учреждена программа GREAT. Ее отличительной чертой стала координация деятельности различных ведомств и организаций: Министерства иностранных дел и по делам Содружества, Министерства культуры, СМИ и спорта, Британского совета, департамента по торговле и инвестициям, Британского управления по туризму (VisitBritain) и др. Кампанию поддержали представители британского бизнеса, в том числе авиакомпания «British Airways», телекоммуникационная корпорация «British Telecom», производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии класса «люкс» «Burberry», автомобиль-

ные компании «McLaren» и «Land Rover Jaguar». Присоединились к программе и известные люди: модельеры Пол Смит и Вивьен Вествуд, основатель «Virgin Group» Ричард Брэнсон, актриса Джуди Денч и др.

Слово GREAT объединило различные направления в рамках кампании. Была выпущена линейка коммуникационных материалов (постеров, интернет-баннеров, билбордов и т. п.) с лозунгами, которые можно прочесть двояко: «Education is GREAT»/«Education is GREAT Britain» («Образование — это здорово»/«Образование — это Великобритания»), «Innovation is GREAT»/«Innovation is GREAT Britain», («Инновации — это здорово»/«Инновации — это Великобритания»), «Heritage is GREAT»/«Heritage is GREAT Britain» («Наследие — это здорово»/«Наследие — это Великобритания») и т. д. При этом, запуская программу GREAT, правительство консерваторов и либеральных демократов стремилось дистанцироваться от кампании «Cool Britannia», начатой лейбористами, сознательно стараясь сделать новую программу непохожей на нее не только потому, что последняя слишком сильно ассоциировалась с правительством Т. Блэра, но и с целью подчеркнуть сильные стороны британского наследия. В отличие от инициативы лейбористов, кампания GREAT получилась гораздо более широкой и всеобъемлющей: вместо акцента исключительно на модное и технологичное она сочетала традиционное представление о Британии и более современный и динамичный образ страны.

Название программы можно рассматривать и в более широком контексте. В значении «великий, великая» слово GREAT используется в качестве связующего звена между прошлым и настоящим Великобритании. Однако в данном случае величие переосмысливалось и связывалось с новыми атрибутами: не армией, территорией или экономической мощью, а с такими явлениями, как образование, культурное наследие, туризм, инновации, шоппинг, креативность и т. п.

Финансирование программы в 2012–2015 годах составило сто тринадцать с половиной миллионов фунтов стерлингов; дополнительное финансирование со стороны частного сектора составило еще шестьдесят восемь миллионов. В итоге программа GREAT оказалась весьма успешной, о чем говорит решение продолжить кампанию, первоначально задумывавшуюся как дополнение к Олимпийским играм в Лондоне, и после завершения Олимпиады-2012. В документе, который британское правитель-

ство составило в ответ на парламентский доклад Комитета по «мягкой силе» и влиянию, сообщалось, что благодаря инициативе GREAT экономика страны получила более пятисот миллионов фунтов стерлингов.

Наконец, одним из самых успешных проектов, реализованных Великобританией для улучшения собственного имиджа, стало проведение Олимпийских игр 2012 года в Лондоне. Власти Туманного Альбиона совместно с лондонской администрацией сформулировали ряд задач, решение которых позволило улучшить внешнеполитический имидж государства, повысить привлекательность Лондона и Англии и тем самым стимулировать приток туристов в Великобританию. Олимпийские игры действительно заставили иностранную аудиторию по-новому взглянуть на уже «приевшуюся» английскую столицу — туристы смогли открыть для себя новый Лондон, который объединял в себе культуру, традиции, спорт, инновации, особый ритм жизни. Люди, посетившие Игры 2012 года, **позитивно отзывались о стране-хозяйке, рассказывали о гостеприимстве англичан, культурных достопримечательностях страны, отличной организации Игр, сплоченности нации и духе волонтерства, который подвигнул тысячи британцев безвозмездно работать во время подготовки и проведения Олимпийских игр.**

В целом анализ реализованных кампаний — «Cool Britain», «Купол тысячелетия», программы GREAT и Олимпийских игр в Лондоне — позволяет сделать вывод о том, что правительство Великобритании осознало необходимость оптимизации и ребрендинга имиджа страны с целью избавления от «консервативно-закостенелого» компонента в восприятии образа Великобритании. Причем из четырех кампаний самой успешной оказалась инициатива с Олимпиадой 2012 года.

Сегодня Великобритания продолжает наращивать потенциал собственной «мягкой силы». Основными акторами на этом направлении выступают:

- ◆ Министерства и различные правительственные департаменты и структуры, особенно Министерство иностранных дел и по делам Содружества (Форин-офис), а также функционирующий с 2002 года под эгидой Министерства Совет по стратегии публичной дипломатии.

- Институт монархии.
- Британские университеты.

- Неправительственные и некоммерческие организации.
- Средства массовой информации.

Все они работают в тесной связи и координации друг с другом по четырем основным направлениям:

- продвижение национальной культуры и английского языка;
- сотрудничество в области образования;
- научно-техническое и инновационное сотрудничество;
- содействие международному развитию.

Особенно следует сказать о первом направлении. Английский язык превратился в язык международного общения и распространен по всему миру. Он является мощнейшим ресурсом и инструментом «мягкой силы» Великобритании. Его доминирование — это одновременно и наследие Британской империи, и следствие экономического, технологического и военно-политического лидерства США (в прошлом также одной из британских колоний). По разным данным, на английском языке говорит от одного до двух миллиардов человек (для более чем трехсот миллионов английский является родным, а для шестисот миллионов — вторым языком). Английский язык находится на третьем месте после китайского и испанского по числу носителей языка, но на первом месте — в качестве второго языка. Английский — наиболее используемый язык в Интернете.

Английский язык является одним из официальных языков почти в шестидесяти странах мира, одним из шести официальных языков ООН и многих других международных организаций (Европейского союза, НАТО, Совета Европы, МВФ, ВТО и др.). На практике во многих организациях системы ООН и других международных структурах сегодня преимущественно используется английский, несмотря на то что формально он является лишь одним из рабочих языков. В бизнес-среде английский также доминирует: многие транснациональные компании из неанглоязычных стран (в том числе финская «Nokia», нидерландская «Heineken», корейская «Samsung» и французская «Renault») используют его как основной рабочий язык. Использование английского в качестве языка международного общения и бизнеса создает значительные конкурентные преимущества для экспорта британского образования; повышает интерес к британской культуре и искусству; снижает барьеры для работы британского бизнеса за рубежом; упрощает продвижение и популяризацию британ-

ской науки; усиливает привлекательность страны для туристов и инвесторов; способствует расширению аудитории англоязычных СМИ. Многие термины и понятия, в том числе и рассматриваемое в данном курсе словосочетание «мягкая сила», пришли в другие языки именно из английского.

Конечно, Соединенному Королевству не принадлежит исключительная монополия на использование английского языка для увеличения своей «мягкой силы»; помимо Великобритании, этим инструментом активно пользуются США, Австралия и Канада. В одних вопросах они являются партнерами, а в других — конкурентами. Так, система тестирования на знание английского языка IELTS принадлежит британским и австралийским организациям, а ее конкурент TOEFL администрируется в США. Таким образом, иногда бывает сложно определить вклад Великобритании в распространение английского языка и отделить его от вклада других стран. Более того, сегодня существует множество вариантов и диалектов английского языка; зачастую различные его варианты не просто сосуществуют, а соперничают между собой (в частности, существует определенная конкуренция между американским и британским вариантами английского). И все же роль Великобритании в распространении английского языка, и, в свою очередь, значение английского языка для увеличения британской «мягкой силы» очень значительны. Британский совет обоснованно называет английский язык «самым большим достоянием “мягкой силы” страны».

Основная роль в реализации британской политики «мягкой силы» принадлежит Министерству иностранных дел и по делам Содружества (то есть МИД, или Форин-офис). В плане работы министерства на период с 2015 по 2020 год увеличение воздействия «мягкой силы» страны прямо выделено в качестве одной из трех ключевых задач внешней политики государства (документ называется «Проецирование нашего глобального влияния»; две другие задачи — это «защита граждан» и «увеличение благосостояния»). В целом Форин-офис выступает связующим звеном, координатором и исполнителем основных направлений политики «мягкой силы» Великобритании.

Так, именно Министерство иностранных дел и по делам Содружества является ключевым ведомством в сфере сотрудничества в области образования, научно-технического и инновационного сотрудничества. Британский МИД напрямую участвует в ре-

ализации стипендиальных программ, направленных на привлечение иностранных студентов для получения высшего образования в Великобритании. Крупнейшей стипендиальной программой является «Чивнинг», финансируемая совместно Министерством иностранных дел и по делам Содружества и частными спонсорами. Программа распространяется на сто восемнадцать государств, за исключением США и стран — членов Европейского союза. Как указывается на официальном сайте, программа должна способствовать реализации «целей внешней политики и задач МИД Великобритании за счет установления долгосрочных отношений с будущими лидерами». Весомый вклад в реализацию большинства стипендиальных программ и программ академического обмена вносят сами принимающие университеты, которые, таким образом, также являются субъектами британской «мягкой силы». При этом, как известно, британские вузы традиционно занимают высокие позиции в международных образовательных рейтингах, ежегодно привлекая тысячи иностранных студентов и внося тем самым весомый вклад в наращивание «мягкосилового» потенциала Соединенного Королевства.

Важную роль в политике «мягкой силы» Великобритании играет работа в сфере содействия международному развитию, которая официально направлена на искоренение бедности в мире и решение основных проблем развивающихся стран. Ключевым ведомством, отвечающим за политику в этой области, является Министерство международного развития, но финансирование помощи развитию также осуществляет Министерство иностранных дел и по делам Содружества. Существует большое количество различных программ, различающихся по географическому признаку, объектам и сферам финансирования. В 2015 году, например, Великобритания выделила более двенадцати миллиардов фунтов стерлингов на помощь развивающимся странам, причем большая часть этой суммы была предоставлена на двусторонней основе азиатским и африканским государствам. Нельзя не отметить, что на британскую политику по оказанию помощи большое влияние оказывают экономические интересы: предоставляя помощь другим странам, Лондон руководствуется собственными торговыми выгодами. Благодаря прозрачности, согласованности, четким механизмам целеполагания и отчетности политика Великобритании в сфере содействия международному развитию может считаться одной из наиболее эффектив-

ных в мире. Деятельность Соединенного Королевства в области международного развития опирается на сотрудничество с глобальными неправительственными организациями (Всемирный фонд дикой природы, Международный комитет Красного Креста, «Оксфам» и другие влиятельные НПО), что придает ему дополнительный вес в глазах гражданского общества зарубежных стран.

Вообще дискурс о «мягкой силе» в самой Великобритании имеет ярко выраженную гуманитарную направленность. **В этой связи стоит отметить, что Соединенное Королевство было и остается активным сторонником концепции «ответственности за защиту» (R2P — The responsibility to protect).** Концепция включает в себя три ключевых аспекта: государства несут прямую ответственность за защиту своего населения от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток, а также от подстрекательств к подобным преступлениям; международное сообщество несет ответственность за поддержку и содействие государствам в ходе выполнения ими этой обязанности; международное сообщество несет ответственность за использование соответствующих дипломатических, гуманитарных и других средств для защиты населения от этих преступлений. По мнению официального Лондона, если какое-либо государство оказывается не способно защитить свое население, международное сообщество должно быть готово предпринять коллективные действия для его защиты в соответствии с Уставом ООН. В Великобритании сложился устойчивый межпартийный консенсус, в целом признающий правильность «ответственности за защиту». Тем не менее вопрос об использовании военной силы в рамках «гуманитарных интервенций», что в данной концепции предусматривается в качестве «последнего средства», остается предметом споров внутри страны и обоснованной критики со стороны международного сообщества (в первую очередь незападных стран).

Если продолжить говорить о других акторах «мягкой силы» Великобритании, то невозможно обойти стороной огромное значение института монархии. Британская монархия воспринимается в мире как отличительная и узнаваемая черта Великобритании, привлекает в страну туристов, вызывает значительный интерес со стороны глобальных СМИ. Деятельность

отдельных членов королевской семьи также работает на увеличение «мягкой силы» Туманного Альбиона. Так, за время своего правления королева Елизавета II посетила с официальными визитами более ста стран. Если в 1990-х годах трагическая гибель принцессы Дианы сыграла неоднозначную роль с точки зрения восприятия британской монархии, то к 2010-м годам имидж королевской семьи значительно улучшился. Свадьба принца Уильяма в 2011 году, празднование юбилея правления королевы в 2012 году, рождение в семье герцога и герцогини Кембриджских троих детей, бракосочетание принца Гарри и Меган Маркл в мае 2018 года привлекли огромное внимание за рубежом. Только юбилей правления королевы Елизаветы II был освещен мировыми СМИ с общей аудиторией более миллиарда человек и привлек в страну десятки тысяч гостей. Празднование 90-летнего юбилея Елизаветы в 2016 году также вызвало значительный интерес. Едва ли не в повседневном режиме члены правящей королевской династии Виндзоров активно поддерживают благотворительные программы, участвуют в различных имиджевых проектах, становятся ньюсмейкерами для мировых СМИ, поддерживают различные инициативы правительства, направленные на увеличение потенциала «мягкой силы» страны, тем самым внося свою лепту в развитие этой сферы внешнеполитической деятельности Соединенного Королевства.

Следует также напомнить, что именно британский монарх является главой Содружества наций — своеобразной международной организации, в которой на добровольных началах состоят почти все бывшие колониальные владения Великобритании. Вплоть до сегодняшнего дня официальный Лондон популяризирует идею лояльности Содружества на основе исторической общности судеб входящих в него стран (с этой целью работает созданное еще в 1868 году Королевское общество Содружества); перспективная молодежь из бывших колоний, доминионов и протекторатов Великобритании на основе разветвленной системы стипендий и грантов обучается в британских университетах (Кембридже, Оксфорде, Лондонском университете); проводятся Игры Содружества (с 2002 года официально — Игры Федерации Содружества наций). Впервые подобные состязания состоялись в канадском Гамильтоне в 1930 году. В целом это аналог Олимпиады: они тоже проводятся каждые четыре года, существуют летние и зимние Игры, меняются страны-организаторы. В отли-

чие от Олимпиад, правда, в Играх Федерации Содружества наций более часто варьируется набор соревновательных дисциплин, так как страна-хозяинка может добавлять в регламент один или несколько видов спорта, популярных именно в ней, например нетбол, сквош, боулинг или крикет.

Помимо института монархии значимыми акторами «мягкой силы» Великобритании являются британские университеты и неправительственные организации. Вообще существенная часть работы в рамках британской «мягкой силы» сознательно позиционируется как независимая от государства, хотя де-факто правительство и законодательные органы власти имеют решающий голос в этом отношении. И такая тактика, надо сказать, приносит серьезные дивиденды. **Авторитет и влияние высших учебных заведений Соединенного Королевства хорошо известны; что касается НПО, то здесь ведущей структурой в области реализации политики «мягкой силы» является Британский совет.** Эта неправительственная организация была основана в 1934 году и, хотя она была создана и финансировалась МИД Великобритании, с самого начала управлялась полуавтономно. Сегодня юридический статус Совета уникален: формально он является частью Министерства иностранных дел и по делам Содружества, но в то же время управляется и работает независимо от Форин-офис, хотя и в тесном сотрудничестве с ним. Это позволяет Британскому совету в зависимости от ситуации выступать то в качестве отдела культуры посольства, то как неправительственная организация. На сегодняшний день Британский совет имеет офисы в более чем двухстах городах и ста странах мира, располагая штатом в семь тысяч сотрудников и бюджетом в полмиллиарда фунтов стерлингов. Правительство Великобритании спонсирует организацию на одну треть, остальные средства идут из других источников. **Своими главными задачами Британский совет обозначает:**

- развитие взаимопонимания между народами Великобритании и других стран;
- распространение за рубежом знаний о Соединенном Королевстве;
- содействие изучению иностранцами английского языка;
- стимулирование культурных, научных и технологических аспектов взаимодействия в сфере образования между Великобританией и другими странами.

История международной деятельности Британского совета насчитывает почти восемьдесят лет. Первый его заграничный офис был открыт в 1938 году в Египте, затем начали функционировать центры в Португалии и Румынии. Во время Второй мировой войны часть функций Совета была передана созданному для ведения пропаганды Министерству информации, но организация все же сохранилась. С 1970-х годов начался взрывной рост отделений Британского совета по всему миру, особенно в странах Персидского залива и Западной Европы. В конце 1980-х годов новые офисы и программы Совета появились по всей Европе, Африке, Ближнему Востоку, в Китае и странах Карибского бассейна. Распад социалистического лагеря, окончание холодной войны, крушение биполярной системы привели к огромному спросу в странах Восточной Европы на изучение английского языка, преподавание и подготовку кадров в самых разных областях. Британский совет расширил свою деятельность в этом регионе, и к 1995 году в большинстве стран бывшего СССР и ОВД заработали его новые офисы и учебные центры. С середины 1990-х годов началось активное продвижение деятельности Совета еще дальше на Восток, основным партнером на этом пространстве стала Россия. Одновременно в его работе важное значение стали приобретать информационные технологии, что уже в начале 2000-х годов привело к увеличению числа услуг, доступных в режиме онлайн.

Сегодня проекты Британского совета осуществляются в таких областях, как наука, образование, юриспруденция, права человека, этнические проблемы, социальное развитие, менеджмент, модернизация системы управления, обмен информацией, демократические преобразования, экологическая политика, искусство.

В целом проекты, осуществляемые Британским советом, можно разделить на три основные группы:

- популяризация в мире британской культуры;
- распространение английского языка за рубежом;
- развитие и интернационализация образования.

Мероприятия Британского совета по популяризации британской культуры включают, в первую очередь, организацию и содействие в проведении различных выставок и фестивалей. Еще одной широко распространенной формой деятельности Совета является поддержка экономического развития беднейших

стран за счет сферы культуры и креативных отраслей. Британский совет активно занимается и поддержкой молодежных культурных программ и обменов.

Проекты в области распространения английского языка за рубежом реализуются в четырех основных формах: обучение школьников, студентов и профессиональная подготовка преподавателей сотрудниками Британского совета; обучение тех же групп с использованием информационных технологий удаленного доступа; взаимодействие с государственными органами для совершенствования систем преподавания английского языка; проведение экзаменов по английскому языку.

Основной целью деятельности Британского совета в области образования является его интернационализация, распространение передового опыта и инноваций Великобритании, а также реализация совместных проектов с иностранными партнерами. Действия Британского совета в области образовательного сотрудничества в целом схожи с его деятельностью по направлению продвижения английского языка. Они включают, прежде всего, проведение мероприятий по обмену опытом; распространение в международной среде сведений об образовательных возможностях учебных заведений Великобритании; поддержку академической мобильности; профессиональную подготовку «образовательных агентов» — сотрудников учебных заведений, занятых их продвижением на международном уровне.

Большая часть бюджета организации расходуется на проекты, связанные именно с продвижением английского языка и образовательными программами. В целом, несмотря на ряд скандалов, сопутствовавших деятельности Британского совета в последнее десятилетие, можно отметить, что этот инструмент публичной дипломатии Великобритании является одним из самых влиятельных в мире в своей области.

Важной составной частью системы «мягкой силы» Великобритании и ведущим актором публичной дипломатии Туманного Альбиона наравне с Британским советом является Британская телерадиовещательная корпорация — «Би-Би-Си». Главная задача компании — освещать мировые политические, экономические, спортивные и культурные события таким образом, чтобы четко представлять миру британскую точку зрения на эти вопросы и влиять на формирование мирового общественного мнения.

Медиакорпорация была основана еще в 1922 году, но и сегодня, без сомнения, остается одним из влиятельнейших глобальных СМИ. В корпорацию входит несколько десятков телеканалов в самой Великобритании и целый ряд структур, занимающихся вещанием на зарубежную аудиторию на многих иностранных языках. Среди них Всемирная служба «Би-Би-Си» (BBC World Service) — крупнейшая в мире телерадиовещательная организация, имеющая статус государственной корпорации и ведущая вещание на двадцати восьми языках; BBC World News — международный информационный англоязычный телеканал, благодаря своему охвату являющийся одним из самых популярных в мире; международный информационный арабоязычный телеканал BBC Arabic Television; аналогичная структура, вещающая на фарси, под названием BBC Persian Television и др. Сегодня «Би-Би-Си» является второй в мире по количеству сотрудников медиакорпорацией (более двадцати тысяч человек), ее аудитория насчитывает миллионы человек ежедневно. Стабильный бюджет компании формирует специальный налог, который платят все жители Великобритании, владеющие любыми устройствами, позволяющими просматривать видеосигнал в режиме реального времени. Эта сумма составляет почти три миллиарда фунтов стерлингов (пять с половиной миллиардов долларов) в год; всего же ежегодный бюджет «Би-Би-Си» доходит до четырех миллиардов фунтов стерлингов.

В заключение следует сделать несколько выводов.

Во-первых, деятельность основных акторов «мягкой силы» и публичной дипломатии Великобритании отличается системностью по всем направлениям работы. Подобный стратегический подход к реализации политики «мягкой силы» выражается в том, что акцент делается на долгосрочной и последовательной реализации всего комплекса мер, а не на отдельных краткосрочных проектах и программах. Важнейшими факторами успеха британской политики «мягкой силы» являются определение четких целей по каждому из направлений, учет национальной специфики и уровня экономического развития стран — объектов преломления «мягкосиловой» политики, постоянство присутствия в этих государствах, эффективная координация деятельности соответствующих ведомств, активное вовлечение НПО в процессы сотрудничества, а также прозрачность и развитые инструменты оценки эффективности политики «мягкой

силы». Особенно активную работу Туманный Альбион проводит по обеспечению влияния на будущие элиты других стран через образовательные и научно-технические программы. Установка делается на наиболее эффективное достижение поставленных целей с помощью уже имеющихся конкурентных преимуществ и существующих инструментов и механизмов.

Во-вторых, в ходе реализации политики «мягкой силы» британское правительство отчетливо делает акцент на развитии деловых связей, росте финансового благополучия, а также повышении безопасности жителей Соединенного Королевства. Так, при реализации программ, направленных на распространение английского языка, а также продвижение британского образования и культуры, основное внимание уделяется экономическим аспектам, так как деятельность по наращиванию «мягкой силы» Туманного Альбиона на этих направлениях непосредственно связана с повышением благосостояния государства и его граждан. В то же время программы содействия международному развитию увязываются, в первую очередь, с укреплением национальной безопасности. Данные программы остаются приоритетными для правительства Великобритании, однако финансовые затраты на них и несоразмерные этим расходам результаты подвергаются критике со стороны политических оппонентов действующей власти и средств массовой информации.

Вопросы, связанные с имиджем Великобритании в мире, работой государственных ведомств и финансируемых государством акторов публичной дипломатии за рубежом, неизменно увязываются в выступлениях чиновников с темой повышения благосостояния страны и ее граждан. Показательно, что на слушаниях в парламенте и в дискуссиях в СМИ практически отсутствует критика по поводу целесообразности расходов на долгосрочные программы в сфере продвижения английского языка, образования и культуры. Инициативы, направленные на увеличение «мягкой силы», позиционируются не как исключительно имиджевые, а как экономически оправданные. Как очень четко в свое время подметил руководитель Стратегического планирования Британского совета, «можно называть это “мягкой силой”, но нет ничего “мягкого” в экономической выгоде, которую может принести блестящая репутация за рубежом».

В-третьих, «мягкая сила» Великобритании имеет ярко выраженную гуманитарную направленность. В докладе комитета

Палаты лордов «Убеждение и власть в современном мире», опубликованном весной 2014 года, содержится множество указаний на морально-ценностные аспекты «мягкой силы» Туманного Альбиона. Британские ценности, по мнению самих граждан Великобритании, включают в себя «демократию, верховенство права, индивидуальную свободу, взаимоуважение, а также толерантность по отношению к тем, кто придерживается иных верований и убеждений». В этой работе большая роль отводится негосударственным акторам «мягкой силы», формально независимым от государства.

Наконец, стоит отметить, что в последние годы официальный Лондон продолжает наращивать потенциал своего «мягкого» влияния. Соединенное Королевство проводит политику, направленную на дальнейшую оптимизацию стратегии «мягкой силы», улучшение координации между различными ведомствами в этой области и создание единого и узнаваемого «голоса» Великобритании за рубежом. Анализ британского опыта позволяет рассматривать политику «мягкой силы» этой страны как способ формирования, поддержания и расширения транснациональных политических пространств, объединенных английским языком, культурой, образованием, программами международного развития и другими составляющими «мягкой силы» Туманного Альбиона. Сегодня очевидно стремление Лондона использовать «мягкую силу» для того, чтобы в определенной степени дистанцироваться от более широкой сферы культурного влияния под руководством США и Европейского союза, создавать аутентичный национальный образ страны. Особое значение данное направление «мягкой силы» приобретает в ходе брексита — процедуры выхода Великобритании из Европейского союза, начавшейся после референдума 23 июня 2016 года. Как отмечают британские комментаторы, восприятие Соединенного Королевства в неевропейских государствах вряд ли из-за этого изменится, однако его имидж среди стран — членов ЕС может быть значительно скорректирован не в лучшую для официального Лондона сторону. В этой связи в общественно-политическом дискурсе Великобритании сегодня набирает популярность идея «Глобальной Британии», позиционирующей страну как мирового лидера в области открытости, толерантности и международного сотрудничества.

В целом Великобритания активно использует инструменты «мягкой силы» и публичной дипломатии во внешней политике,

уделяет большое внимание сохранению и приумножению своего «мягкосилового» потенциала. Институты и механизмы, на которые сегодня опирается страна в этой области, формировались со времен Первой мировой войны и связаны с наследием Британской империи. Эффективное распределение функций между ними позволяет проводить гибкую политику и приспосабливаться к новым внутри- и внешнеполитическим условиям и вызовам. При этом правительство в определенной степени стремится дистанцироваться от непосредственной реализации политики «мягкой силы», для чего активно привлекает бизнес, известных людей и неправительственные организации к осуществлению данной деятельности, проводя при этом тщательный мониторинг программ с их участием и внося необходимые коррективы в тактику и стратегию.

Политические элиты Великобритании находятся в постоянном поиске оптимального баланса между проецированием традиционного и более современного, технологичного образа страны, испытывают различные модели организации межведомственного взаимодействия, используют разнообразные подходы для оценки эффективности применения «мягкой силы». Географические приоритеты такой деятельности связаны с внешнеполитической и внешнеэкономической стратегией и регулярно пересматриваются. При этом для разных целевых аудиторий используются различные механизмы в зависимости от уровня социального и экономического развития государств, на которые направлена «мягкая сила», их идеологической, политической и культурной близости Великобритании и соображений безопасности. В качестве приоритетных целевых аудиторий выделяются как высокопоставленные лица, принимающие решения, так и молодые люди — потенциальные будущие лидеры.

Все это позволяет Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии в начале XXI века оставаться действительно сверхдержавой с точки зрения «мягкой силы».

Германия

Германия традиционно отставала от других крупных европейских держав в деле продвижения собственного имиджа в мире. Главной причиной этого была многовековая раздробленность немецких земель. **Однако после их объединения в единое государство и создания Второго рейха в 1871 году Герма-**

ния стала активно наращивать капитал «мягкой силы». Уже к концу XIX века страна, например, заняла ведущие позиции в международном научном сообществе. Идея знаменитого немецкого географа, естествоиспытателя и путешественника Александра фон Гумбольдта о соединении преподавания и исследования, традиционно привилегированное положение немецкого университета и университетского профессора — все это стало ориентиром и примером для других европейских государств. А создание в 1911 году Общества кайзера Вильгельма — системы специализированных научно-исследовательских учреждений с решающей ролью государства при участии крупных промышленников — воспринималось многими современниками как образец оптимальной модели организации науки. Неудивительно, что основными компонентами «мягкой силы» Германии на рубеже XIX–XX веков были именно образование и наука. Официальный Берлин уделял большое внимание развитию немецких школ за рубежом: если в 1870 году в мире насчитывалось девяносто шесть школ с немецким языком преподавания, то к 1900 году этот показатель вырос до четырехсот тридцати восьми, а в 1913 году, накануне Первой мировой войны, достиг семи сотен.

Война 1914–1918 годов и ее итоги нанесли сокрушительный удар по имиджу страны. По Версальскому мирному договору, она полностью лишилась возможности оказывать какое-либо внешнеполитическое влияние. После Первой мировой войны именно культура стала одним из немногих оставшихся в арсенале Германии инструментов коммуникации с внешним миром. Уже в 1925 году в Веймарской республике была основана успешно функционирующая до сих пор Германская служба академических обменов. И все же лидирующие позиции в международном гуманитарном сотрудничестве, которые были достигнуты к началу XX века, оказались безвозвратно потеряны.

Возникший в 1933 году Третий рейх предложил свой, весьма специфический вариант «мягкой силы», который, разумеется, был обречен на неудачу ввиду человеконенавистнической идеологии нацизма. Правда, многие в Европе и мире далеко не сразу поняли истинную суть гитлеровского режима. Более того, нацистская Германия с поразительной быстротой сумела обзавестись солидной «мягкой силой». Развертывание крупномасштабных общественных работ, ликвидация многомиллионной безработицы, выход из кризиса промышленности и сельского хозяй-

ства, активная социальная политика государства, дополняемая системой сотрудничества между рабочими и предпринимателями на производстве и в рамках Немецкого трудового фронта, развитие туризма и спорта и многое другое превратили нацистский рейх в объект для подражания. Огромное впечатление на иностранную аудиторию произвела Олимпиада 1936 года в Берлине. После посещения Германии бывший либеральный премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж назвал Гитлера величайшим политиком, а британский парламент направил в Германию делегацию для ознакомления с возникшей там системой организации свободного времени трудящихся и принял затем по ее рекомендации первый в истории Британии закон о физической подготовке и активном отдыхе населения. Большим уважением, если не восхищением, Гитлер пользовался даже у членов британской королевской семьи Виндзоров. В целом в предвоенные годы нацистскому режиму удалось создать образ Германии как народного и миролюбивого государства, едва ли не главного борца за мир и одновременно бескомпромиссного противника коммунизма, которого так боялись политические элиты западноевропейских государств. Когда же Третий рейх вступил на путь экспансии, его экономическая, промышленная, военная и демографическая мощь оказывала влияние на европейцев уже самим фактом своего существования, порождая согласие многих обществ либо на «протекцию» со стороны рейха, либо даже на оккупацию им своей территории. Таким образом, широко используя «мягкую силу», реализуемую на элитном уровне преимущественно с помощью дипломатии, а на массовом — за счет пропаганды, нацисты сумели создать положительный образ Третьего рейха в умах многих европейцев, что сыграло важную роль в осуществлении экспансионистских планов Гитлера.

Мечты нацистского фюрера о мировом господстве, как и сам «тысячелетний рейх», были уничтожены в мае 1945 года войсками Красной Армии. И вновь, как и четверть века назад, после поражения в мировой войне, в условиях невозможности проецировать «жесткую силу», именно технологии «мягкой силы» стали средством возвращения Германии в разряд влиятельных акторов мировой политики (в первую очередь речь идет о ее западной части — Федеративной Республике Германия). Не случайно, подчеркивая важность участия культуры в реализации внешнеполитических задач, канцлер ФРГ Вилли Брандт (1969–1974 годы) на-

звал ее наравне с экономикой и внутренней политикой «третьим столпом» внешней политики.

После объединения двух Германий в 1990 году ФРГ поставила перед собой амбициозные задачи укрепления позиций в Европе. Если раньше политика по формированию позитивного образа за рубежом служила целям послевоенного восстановления статуса Западной Германии на международной арене и объединения страны, то с поглощением ГДР (осуществленным, между прочим, несильным образом) внешнеполитические задачи страны существенно расширились. Германия стала мощной экономической державой, желавшей по-новому позиционировать себя в мировой политике и занять лидирующее положение на европейском континенте, исключив при этом любые намеки на реваншистские поползновения. Именно поэтому официальный Берлин вплоть до сегодняшнего дня избегает прямого упоминания, что «мягкая сила» является важной составляющей немецкой внешней политики, стремится уходить от каких-либо выражений, указывающих на стремление к возвышению и усилению страны. Концепт «мягкой силы» не признан в Германии на официальном уровне, в правительственных документах сложно найти тезисы о необходимости наращивания «мягкого» могущества страны. Однако, официально не упоминая данный термин, Берлин активно использует технологии «мягкой силы», особый акцент делая на инструментах и механизмах публичной дипломатии.

В 1990 году цели и задачи «мягкосиловой» политики Германии были значительно обновлены и включили в себя три направления.

Во-первых, позиционирование ФРГ как ответственного и полноправного игрока мировой политики. Сегодня Германия имеет репутацию мирного и демократического государства с развитой экономикой и сознательным, располагающим полным объемом прав и свобод гражданским обществом. Но не стоит забывать, что начиная с 1945 года и до сих пор, согласно пункту 2 статьи 53 Устава ООН, Германия считается «вражеским государством», в случае агрессивных действий которого любая из стран-членов имеет право без созыва Совета Безопасности предпринять действия по их пресечению. Стараясь окончательно искоренить связанные с нацистским прошлым негативные ассоциации, с середины 1990-х годов ФРГ стала принимать активное участие в миротворческих операциях ООН (за короткий период времени

немецкие миротворцы приняли участие в шести из восемнадцати миссий на трех континентах), инициировать международные программы, направленные на преодоление глобальных проблем человечества, поддерживать многочисленные гуманитарные, социальные и экологические проекты ООН и т. д. Именно по инициативе Берлина, например, была создана Программа ООН по окружающей среде.

Во-вторых, закрепление лидирующих позиций Германии в Европейском союзе. Дж. Най справедливо отмечал, что институты могут повысить «мягкую силу» страны. Для Германии таким институтом был и остается ЕС, благодаря которому она смогла восстановить суверенитет страны и стать влиятельным игроком системы международных отношений. С объединением Германии европейская политика получила новое измерение, так как с этого времени ФРГ стала не просто активно участвовать в интеграционных процессах в Старом Свете, но и, по сути, их возглавила. При этом Берлин делал и делает все возможное, чтобы развеять опасения в том, что он имеет экспансионистские устремления, пытается навязать остальным европейцам «политический союз, который подозрительно напоминает мягкий, сердечный аншлюс».

В-третьих, создание позитивного имиджа объединенной Германии в мире. Для улучшения международного имиджа и привлечения внимания к немецким достижениям в области культуры, науки и экономики была разработана рассчитанная на длительный период крупная маркетинговая кампания под названием «Германия — страна идей». В 2004 году президент Хорст Келер впервые озвучил эту идею, заявив, что ФРГ должна продемонстрировать свойственные ей изобретательность и творчество, благодаря которым страна смогла дать миру очень многое. Ее достижения в науке и культуре, известные немецкие поэты и мыслители, инновационные продукты были объединены под единым слоганом «Сделано в Германии».

В качестве площадки для проведения кампании первоначально было выбрано масштабное международное событие — Чемпионат мира по футболу. Мундиаль успешно прошел летом 2006 года в двенадцати немецких городах под девизом «Мир в гостях у друзей». Помимо футбольного праздника, в рамках кампании «Германия — страна идей» был разработан еще ряд проектов, рассчитанных на улучшение международного имиджа ФРГ (а также на

повышение конкурентоспособности немецких товаров на мировом рынке). В рамках первого проекта распространялись информационные брошюры о стране. Второй проект предусматривал конкурс на лучшие инновационные идеи среди компаний, исследовательских и культурных институтов. В ходе третьего проекта — «Аллея идей» — были сконструированы шесть композиций, отражавших изобретения и открытия немецкого народа: бутса, созданная основателем компании «Адидас» Ади Дасслером; таблетка «Веги в медицине», символизирующая открытия немецких ученых; автомобиль, подчеркивающий германские успехи в автомобилестроении; скульптура «Современное книгопечатание», напоминающая, что именно в Германии был изобретен первый печатный станок; скульптура «Музыкальные шедевры», подчеркивающая огромный вклад немецких композиторов в создание всемирно известных шедевров музыки; наконец, формула теории относительности Альберта Эйнштейна. Логическим продолжением проекта «Аллея идей» стала выставка, посвященная гражданам ФРГ, добившимся выдающихся результатов в науке, культуре и искусстве. Стоит отметить, что преимущества инвестирования в немецкую экономику, например, описывали плакаты с участием немецкой супермодели Клаудии Шиффер, имевшие ярко выраженный сексуальный подтекст. В целом общая аудитория кампании «Германия — страна идей» составила около трех с половиной миллиардов человек; каждое из событий получало широкое освещение в средствах массовой информации, а сами мероприятия поддерживали ведущие политики и бизнесмены страны.

Сегодня Германия продолжает активно наращивать потенциал «мягкой силы», в основном, как говорилось выше, используя инструменты публичной дипломатии. **Ключевыми акторами на этом направлении являются:**

♦ Министерства, связанные с внешней политикой, образованием, наукой, содействием международному развитию, в первую очередь Министерство иностранных дел, а также Министерство образования и науки и Министерство экономического сотрудничества и развития. В системе МИД ФРГ международное сотрудничество в гуманитарной сфере (то есть политика «мягкой силы») имеет устоявшийся термин «внешняя культурно-образовательная политика». Она является одним из трех приоритетных сегментов германской внешней политики наряду с политическими и экономическими отношениями. При этом, несмотря на то

что основным «заказчиком» в этой области является государство, в роли исполнителей чаще всего выступают негосударственные организации, которые ввиду своей формальной независимости имеют существенно больше возможностей и полномочий, чем сами ведомства.

- ◆ Акторы публичной дипломатии, такие как Институт Гете (ключевая организация, занимающаяся продвижением немецкого языка и культуры за рубежом), «Немецкая волна» (крупнейшая германская иновещательная компания), Германское общество по международному сотрудничеству (лидер в оказании помощи зарубежным государствам).

- ◆ Научно-образовательные структуры: Германская служба академических обменов, Фонд Александра Гумбольдта, Немецкое научно-исследовательское общество и др.

- ◆ Партийные фонды, связанные с ведущими политическими партиями Германии.

При реализации политики «мягкой силы» и публичной дипломатии ФРГ ее акторы опираются на такие ресурсы, как высокая культура и немецкий язык, продвинутая система образования и науки, декларирующая приверженность миру и демократии внешняя политика, развитое гражданское общество. Стоит подчеркнуть, что все сферы преломления «мягкой силы» Германии являются взаимосвязанными и содействуют продвижению друг друга.

Основными направлениями политики «мягкой силы» ФРГ на современном этапе являются:

- популяризация германской культуры и немецкого языка;
- научно-образовательные программы;
- продвижение ценностей демократии и прав человека;
- содействие международному развитию.

Ключевая организация, занимающаяся продвижением немецкого языка и культуры за рубежом, — Институт Гете. Основанный в 1951 году Институт до сих пор активно поддерживается федеральным правительством, которое ежегодно увеличивает его финансирование. Он располагает очень солидным бюджетом (семьсот миллионов евро в год), имеет филиалы в более чем ста пятидесяти городах и почти в ста странах мира (в 2004 году филиал Института Гете был открыт в столице КНДР Пхеньяне — это первое культурное учреждение западного государства в Северной Корее). **Работа Института Гете направлена на:**

- содействие изучению немецкого языка и литературы за рубежом;
- развитие международного сотрудничества в области культуры;
- организацию международного обмена студентами и учеными;
- распространение информации о культурной, общественной и политической жизни ФРГ;
- консультирование германского правительства по вопросам, связанным с внешней политикой в сфере науки и культуры.

Основным видом деятельности Института является проведение различного рода мероприятий, направленных на популяризацию немецкого языка и культуры.

Институт Гете организует курсы по обучению немецкому языку и повышению квалификации преподавателей, конкурсы на лучшие переводческие работы с немецкого языка, выдает гранты на обучение за рубежом, проводит конференции, форумы, ярмарки вакансий, причем с учетом национальной специфики страны пребывания. Работа Института направлена на возвращение «представления о немецком языке не как о языке черно-белой хроники времен Второй мировой войны, а как о языке высокой литературы, поэзии, театра и современного кино». Важно отметить, что распространение немецкого языка служит усилению не только культурной, но и экономической экспансии Германии согласно логике: «Кто учит немецкий язык, тот покупает германские товары». Неудивительно, что в последние годы Институт Гете наращивает свое присутствие в странах АТЕ, находящихся в авангарде мирового экономического развития. Значимым направлением деятельности Института Гете является и распространение демократических ценностей. Именно в этой связи Ангела Меркель — первый канцлер ФРГ, посетившая главный офис Института Гете в Мюнхене, — заявила, что «посредством культуры Германия может продвигать в мире свои ценностные представления о демократии, гражданском обществе и правах человека».

Большую роль в деле популяризации немецкой культуры и языка играет еще один мощный актер публичной дипломатии Германии — «Немецкая волна» (Deutsche Welle). «Немецкая волна» — это международная общественная мультимедийная компания, основанная в 1953 году. Тогда основной целью данного

СМИ было донести до зарубежной аудитории образ новой, избавившейся от национал-социалистического прошлого Германии. До 2003 года штаб-квартира медиакорпорации располагалась в Кельне, затем переместилась в Бонн; телевизионная студия находится в Берлине; кроме того, функционируют зарубежные бюро в Вашингтоне, Брюсселе и Москве. Сегодня «Немецкая волна» щедро финансируется федеральным правительством (ежегодно на эти цели выделяется около трехсот пятидесяти миллионов евро) и вещает на тридцати языках. Еженедельная аудитория в теле- и радиоэфире, а также в Интернете составляет более ста пятидесяти миллионов человек.

Уже с начала 2000-х годов «Немецкая волна» стала применять инструменты публичной дипломатии 2.0, предприняв первые попытки использовать возможности Интернета для международного вещания, запустив несколько сайтов. С 2005 года компания начала осваивать специфику работы с мобильными устройствами, в том числе тестируя возможности мобильного телевидения, а в 2007 году немецкий вещатель создал англоязычные аккаунты в Facebook, Twitter и YouTube. Медийная политика «Немецкой волны» адаптирована к интересам каждой отдельной страны, где есть ее вещание, причем акцент делается на пересечении германской культуры с иностранной, а также на политико-дипломатических сюжетах.

Деятельность компании в медиaprостранстве регулируется специальным федеральным законом. Согласно внесенным в него правительством ФРГ в 2004 году поправкам, «Немецкая волна» должна продвигать образ Германии как государства с развитой культурой, сформированной в европейской традиции (наряду с образом свободного государства, приверженного демократическим ценностям и уважающего Конституцию страны); стать площадкой для обмена мнениями в Европе (и других частях света) с привлечением немецкого и зарубежного экспертного сообщества к обсуждению важных вопросов в сфере политики, культуры и экономики; содействовать распространению немецкого языка в мире.

На продвижение немецкой культуры и языка направлены и многочисленные международные мероприятия, ежегодно собирающие в Германии миллионы туристов со всего мира. В этой связи необходимо подчеркнуть роль немецких регионов — федеральных земель, каждая из которых, по сути, обладает соб-

ственной «мягкой силой». Баварский Мюнхен, например, широко известен фестивалем «Октоберфест», который проходит ежегодно во второй половине сентября и популяризирует немецкие национальные продукты, в первую очередь пиво. Берлин два раза в год становится центром притяжения кинолюбителей со всего мира благодаря масштабному кинофестивалю; Лейпциг славится знаменитой Лейпцигской книжной ярмаркой; Кельн — праздником фейерверков «Кельнские огни» и т. д.

Стоит упомянуть и о проекте «Немецкий язык — язык идей», который был запущен в феврале 2010 года по инициативе Министерства иностранных дел ФРГ. Его основной тезис гласил, что немецкий должен быть языком европейской идентичности, языком творческой молодежи, стремящейся к свободной научной и культурной коммуникации, а для развивающихся стран — ключом к привлекательному рынку и потенциалу экономики Германии.

В целом, говоря о положении немецкого языка (и шире — германской культуры) в мире, следует отметить, что он, конечно, не может на равных соперничать с английским, французским или испанским. Немецкий больше не входит в десятку самых распространенных языков мира, и в дальнейшем его позиции могут еще сильнее пошатнуться. Ключевую роль здесь играет тот факт, что в отличие от своих европейских конкурентов Германия в Новое время так и не стала колониальной империей, но при этом нельзя забывать, что немецкий является официальным языком трех европейских стран — Германии, Австрии и Лихтенштейна, а еще в трех — Швейцарии, Люксембурге и Бельгии — выступает как один из официальных языков.

На базе немецкого языка развивается еще одно направление «мягкой силы» ФРГ — научно-образовательные и технические программы. Германия находится в числе стран-лидеров в области экспорта образовательных услуг, стабильно занимая третье место после США и Великобритании. Университетская система ФРГ в настоящее время остается не только одной из наиболее качественных в мире, но и доступной, так как (в отличие от англо-американской модели) высшее образование в Германии является бесплатным и предусматривает чрезвычайно гибкий подход к организации учебного процесса.

Основная организация, через которую правительство ФРГ поддерживает различные стипендиальные программы, — Германская служба академических обменов. Основанная в далеком

1925 году, сегодня она является крупнейшей в мире организацией, занимающейся студенческими и академическими обменов. Несмотря на то что Служба формально является общественной организацией, она обладает особым дипломатическим статусом, приравненным к государственным учреждениям, и финансируется в основном из федерального бюджета. Основной формой деятельности Службы является поддержка образовательных и научно-исследовательских проектов, а также развитие стипендиальных программ для обучения в Германии. Речь идет о программах международного научного обмена, изучении германистики, немецкого языка и литературы в иностранных вузах, консультировании и оказании помощи зарубежным университетам, поддержке молодой элиты других стран в получении образования по европейским стандартам в ФРГ и т. д.

На сегодняшний день Германская служба академических обменов имеет разветвленную сеть, насчитывающую более ста тридцати представительств по всему миру; участниками ее программ являются свыше тысячи пятисот немецких и зарубежных университетов и институтов. Служба ежегодно выдает десятки тысяч стипендий; всего с момента создания в ее программах приняли участие несколько миллионов человек (в 2017 году это число достигало ста сорока тысяч). При этом следует отметить, что на сегодняшний день Германская служба академических обменов не только выполняет функцию продвижения германского образования, но и выступает посредником в рамках образовательной политики всего Европейского союза.

Одним из ключевых партнеров Германской службы академических обменов и важнейшим органом содействия научным исследованиям выступает Немецкое научно-исследовательское общество (его предшественником было Общество помощи немецкой науке, основанное в 1920 году). В настоящее время именно через данную структуру осуществляется финансирование большинства научно-исследовательских проектов, которые, как правило, предполагают привлечение иностранных участников. Немецкое научно-исследовательское общество почти полностью финансируется за счет государства. Главной задачей организации является конкурентный выбор лучших разработок исследователей из университетов и исследовательских институтов и их финансирование, а также развитие сотрудничества, в особенности международного и междисциплинарного.

В области продвижения науки и образования на международной арене работают и другие немецкие неправительственные организации и фонды. Их деятельность состоит в предоставлении различных грантов на обучение и проведение научных исследований, а также организации экспорта немецкой политической культуры (об этом расскажем далее). Стоит отметить, например, Фонд Александра Гумбольдта, основной целью которого является развитие кооперации в сфере науки между немецкими и иностранными исследователями. Фонд финансирует долгосрочные поездки научных сотрудников в Германию, а также выдает премии за достижения в различных областях науки. Что касается политических фондов, как минимум два (Фонд Конрада Аденауэра и Фонд Фридриха Эберта) напрямую связаны с организацией обучения иностранцев в вузах ФРГ. На предоставление стипендий немецким и иностранным студентам каждый фонд выделяет ежегодно до восьми миллионов евро. В этой же области работают и другие структуры гражданского общества ФРГ: Общество Макса Планка, Германский дом науки и инноваций, Общество Фраунгофера и др.

Наконец, нельзя не сказать, что Германия уделяет значительное внимание выставочной деятельности и традиционно является одним из лидеров в этой области. Основной организацией, которая занимается проведением выставок в Германии, а также помогает немецким компаниям принимать участие в иностранных выставках, является Комитет по выставкам и ярмаркам Германии, образованный еще в 1907 году.

Деятельность немецких акторов «мягкой силы» в образовательной и научно-технических областях активно освещает «Немецкая волна». Медиакорпорация и сама занимается вопросами профессионального обучения молодых журналистов, особенно в развивающихся странах. С этой целью в 1965 году на базе Боннского университета было создано высшее учебное заведение — Академия «Немецкая волна». После объединения Германии был открыт ее филиал в Берлине, который и сегодня предлагает зарубежным журналистам стипендии и учебу в магистратуре. По сути, Академия стала специальной программой по подготовке и переобучению журналистов из развивающихся стран с целью формирования в них свободных и независимых СМИ (разумеется, лояльных Берлину).

В целом власти Германии активно поддерживают структуры, работающие над усилением привлекательности немецкой систе-

мы образования и науки, рассчитывая на то, что участники соответствующих программ, особенно молодые люди, станут проводниками германской культуры и политики в стране своего происхождения. Образование и наука, таким образом, служат источником формирования позитивного имиджа ФРГ в мире и ресурсом политического влияния, поскольку посредством экспорта знаний официальный Берлин оказывает воздействие на формирование мировоззрения и предпочтений в зарубежных обществах.

Следующее направление политики «мягкой силы» ФРГ — продвижение ценностей демократии и прав человека. В основе внешнеполитического курса Берлина лежат такие принципы, как приверженность миру, добросовестное выполнение своих обязательств, внимание к соблюдению международно-правовых норм и поддержание легитимности. В качестве основных политических ценностей признаны идеалы демократии и права человека, которые Германия активно продвигает в мире, опираясь на возможности и инициативы гражданского общества. Порой это приводит к стремлению вписать каждое действие на международной арене в рамки нормативно-правовой догмы, что в известной степени ограничивает свободу маневра ФРГ, однако строгая и последовательная приверженность определенным провозглашенным принципам создает стойкий позитивный имидж страны как ответственного актора мировой политики.

Есть и еще один нюанс: фундаментальные установки внешней политики Германии основаны на идее построения единой Европы, общности, основанной на европейской цивилизации, демократии и всем, что входит в рамки европейских политических ценностей. Открытость интеграции, способность адаптироваться и самим следовать тем правилам, которые устанавливают наднациональные органы ЕС, являются важными ресурсами «мягкой силы» ФРГ, которые становятся особенно эффективными в ходе взаимодействия с европейскими государствами. В то же время замена национальной идеологии европеизмом делает неактуальными такие понятия, как «немецкая нация» и «немецкая идентичность», в результате чего последнее поколение немцев скорее считает себя европейцами, чем немцами. В будущем это может создать известные проблемы, особенно с учетом меняющейся на глазах демографической ситуации в Германии.

Основным актором публичной дипломатии, информирующим зарубежную аудиторию о характере и основных направ-

лениях внешней политики современной Германии, разумеется, является медиакомпания «Немецкая волна». Согласно закону о регулировании деятельности «Немецкой волны», ее миссия заключается в том, чтобы «Германию воспринимали как культурную европейскую нацию, с либерально-демократической формой устройства общества, где правит закон». В создании доверия внешнеполитическому курсу ФРГ также задействованы информационные и организационные ресурсы различных НПО, «мозговых центров», «фабрик мысли», наконец, политических фондов, представляющих собой мощнейший инструмент «мягкой силы» Германии.

Партийные, или политические, фонды (фонды ведущих политических партий ФРГ) — уникальные структуры. Хотя в некоторых европейских странах и существуют похожие организации, они не могут сравниться с немецкими фондами ни по эффективности своей внутривнутриполитической работы, ни по масштабам деятельности за рубежом. Данные фонды стали возникать в Западной Германии еще в 1960-е годы. Тогда их нередко называли «тихими институтами»: в условиях холодной войны работа фондов в развивающихся странах была зачастую проблематична, статус и финансирование — недостаточно урегулированы, а информация о деятельности оседала в финансирующих их министерствах и в «своих» партиях. Немецкая система фондов (Stiftungen) изначально отличалась и от американской модели. В США большинство подобных структур создавались в форме пожертвований, что делалось в целях снижения налоговой нагрузки, и были связаны с трастами конкретных частных лиц или компаний. Германские фонды, как правило, представляют собой общественные организации, создаваемые коммерческими или некоммерческими структурами с целью поддержки конкретных проектов. При этом большинство крупных фондов выступают в роли своеобразных «зонтичных» структур, консолидирующих на своей основе более мелкие организации.

Шесть основных политических фондов тесно связаны со «своими» партиями: Фонд Фридриха Эберта (год основания — 1925) — с Социал-демократической партией Германии; Фонд Фридриха Науманна (1958 год) — со Свободной демократической партией; Фонд Конрада Аденауэра (1965 год) — с Христианско-демократическим союзом; Фонд Ханнса Зайделя (1966 год) — с Христианско-социальным союзом; Фонд имени Генриха Белля

(1986 год) — с «Союзом 90/Зелеными»; Фонд имени Розы Люксембург (1992 год) — с партией «Левые». Однако в целом они выполняют внешнеполитические задачи, продвигающие интересы всей Германии. Все партийные фонды располагают представительствами за рубежом, особенно в тех странах, где ФРГ имеет серьезные геополитические интересы.

Можно выделить несколько основных направлений деятельности партийных фондов:

- продвижение политических ценностей Германии за рубежом;
- укрепление демократии и поддержка интеграционных процессов в Европе;
- популяризация немецкой культуры и налаживание диалога со страной пребывания;
- содействие политическому и социально-экономическому развитию государства пребывания в выгодном для Берлина русле;
- информирование МИД ФРГ о состоянии политического, экономического, культурного и социального развития обществ зарубежных государств.

Для решения задач в рамках указанных направлений фонды проводят эмпирические и научные исследования, организуют выставки, лекции, конференции, круглые столы и прочие мероприятия. Разумеется, каждый фонд в зависимости от программных установок создавшей его партии имеет собственную специфику деятельности. Например, Фонд имени Генриха Белля помимо прочего занимается вопросами, связанными с охраной окружающей среды, а Фонд Фридриха Эберта — сотрудничеством профсоюзов. Вообще основу работы фондов составляет так называемый принцип партнерства, согласно которому их долгосрочные структурно значимые проекты осуществляются лишь в сотрудничестве с близкими им организациями на местах: профсоюзными, молодежными, общественными структурами, научно-исследовательскими центрами, университетами и т. д. Однако все партийные фонды объединяет одно ключевое обстоятельство: на практике их главной целью является демократизация иностранных режимов, создание прозападного гражданского общества в увязке с сохранением германского присутствия в странах пребывания.

Помимо политических фондов, сходной деятельностью занимаются немецкие «фабрики мысли» — Немецкое общество

внешней политики, Германский фонд Маршалла, Немецкий институт международной политики и безопасности и др.

Официальный Берлин оказывает всевозможную поддержку подобным организациям, так как они решают серьезные внешне-политические задачи, сохраняя при этом негосударственный статус, что делает их буквально незаменимым инструментом «мягкой силы» ФРГ. Они содействуют МИД, когда прямое или косвенное участие германских официальных лиц нежелательно по политическим мотивам и/или рассматривается как откровенное вмешательство во внутренние дела других государств. Все фонды, несмотря на заявленный гражданский характер, финансируются исключительно за счет средств федерального бюджета, однако регулирующие их государственные структуры дают им большую свободу действий. Хотя порой чрезмерная свобода политических фондов приводит к тому, что их деятельность расходится с официальной внешнеполитической линией находящегося у власти правительства.

Наконец, важным направлением политики «мягкой силы» Германии является содействие международному развитию. Берлин очень активно работает в этой области, выделяя значительные средства на соответствующие программы. В 2015 году, например, на оказание гуманитарной помощи, деятельности по предотвращению кризисов и развитие международного партнерства было выделено семьсот шестьдесят шесть миллионов евро — 21,5% бюджета Министерства иностранных дел Германии (для сравнения: на проекты культурной дипломатии было потрачено на пять миллионов меньше). В настоящее время в ФРГ работают семь признанных государством организаций, выполняющих роль посредников между официальным Берлином и конечными получателями помощи. Среди них только одна государственная организация — Германское общество по международному сотрудничеству. Организация была создана в 2011 году за счет слияния трех структур, занимавшихся содействием международному развитию задолго до этого. Это позволило Германскому обществу по международному сотрудничеству стать одним из крупнейших игроков в этой области, чей ежегодный бюджет составляет почти два с половиной миллиарда евро, а штат сотрудников — двадцать тысяч в ста двадцати странах мира. Сегодня Общество содействует развитию экономики, здравоохранения, образования, повышению продовольственной и экологической безопасности,

решению проблем занятости, формированию демократических структур и т. д. Оно оказывает поддержку устойчивому развитию с учетом специфики конкретных государств, в первую очередь путем субсидирования различных проектов в развивающихся странах и государствах с переходными экономиками; предоставляет соответствующие товары и консультационные услуги для реализации таких проектов; оказывает связанные с профилем своей деятельности услуги государственным органам ФРГ и частным заказчикам. Кроме того, организацией финансового сотрудничества Германии с развивающимися и переходными экономиками занимается государственный Банк Развития KfW, оказывающий финансовую и консультационную поддержку для реализации проектов в сфере устойчивого развития.

В заключение следует сделать несколько важных выводов.

Во-первых, в отличие от других влиятельных игроков на мировой арене (возможно, лишь за исключением Японии), Германия отличается выраженной дистанцированностью от «жесткой силы», делая акцент именно на «мягкосиловом» компоненте внешней политики. В «мягкой силе» Германия видит как эффективное средство улучшения своего имиджа в мире, которое должно помочь ей окончательно преодолеть негативные последствия исторического прошлого, так и способ укрепления своих геополитических и геоэкономических позиций на международной арене. При этом главный орган, ответственный за проведение внешнеполитического курса ФРГ и его идеологическое оформление — Министерство иностранных дел, — неизменно подчеркивает исключительно мирный, пацифистский характер внешней политики Германии. Отталкиваясь от данной константы, действуют все немецкие акторы «мягкой силы» и публичной дипломатии.

Во-вторых, основным источником ресурсов «мягкой силы» Германии является гражданское общество, а ключевым инструментом — публичная дипломатия. Политическая элита ФРГ стремится использовать его при проведении внешнеполитических акций, поскольку это легитимизирует ее действия и усиливает степень доверия к политике страны. Ключевыми игроками на этом поле являются акторы публичной дипломатии, такие как Институт Гете, «Немецкая волна», Германское общество по международному сотрудничеству, партийные фонды. И хотя в основном данные структуры финансируются государством,

они обладают большой свободой действий. В свою очередь, официальный Берлин заинтересован в том, чтобы сохранить их неправительственный статус, поскольку он способствует решению задач внешней политики, но при этом позволяет избегать обвинений в пропаганде и/или вмешательстве во внутренние дела других государств. Цели деятельности этих организаций, способных работать в условиях, когда официальные структуры оказываются не столь эффективными, формулируются предельно ясно: «Мы хотим одновременно воздействовать на становление политического и общественного порядка, на ход процессов принятия политических решений и на развитие политических и общественных институтов».

В-третьих, несмотря на обилие самых разнообразных игроков, участвующих в реализации политики «мягкой силы» Германии, данная система является целостной, скоординированной, открытой, с хорошо развитым механизмом государственно-частного партнерства. Хотя проекты «мягкой силы» ФРГ могут и соперничать друг с другом. Федеральные земли, например, реализуют собственные имиджевые проекты по формированию привлекательности и бывают заинтересованы в том, чтобы получить выгоду от ошибок федерального центра. Другим примером конкуренции различных акторов «мягкой силы» может служить деятельность различных фондов, НПО, бизнес-структур, которая иногда плохо согласовывается и даже противоречит официальной политике государства.

Наконец, нельзя не отметить еще одно обстоятельство. Для поддержания и укрепления собственного положительного и привлекательного имиджа за рубежом официальный Берлин прикладывает колоссальные усилия. Порой это приводит к неожиданным негативным последствиям — тому, что можно назвать обратной стороной «мягкой силы». Так, в результате подобной политики Германия стала «землей обетованной», заветной мечтой и конечным пунктом назначения для миллионов мигрантов из регионов Большого Ближнего Востока и Северной Африки. Только в 2015 году в ФРГ въехало более миллиона человек, что породило значительные экономические и социально-политические проблемы в стране. Не вызывает сомнения, что беженцы оказались не под воздействием «мягкой силы» Германии (ее культуры, политического устройства и т. д.), а лишь желали воспользоваться социальными благами, предоставляемыми вла-

стями их новой родины. Данный пример наглядно продемонстрировал, что наличие солидного капитала «мягкой силы» может не только усиливать международные позиции ее обладателя, но и порождать совершенно противоположную реакцию — иждивенчество и даже попытки разрушить то, что имеет субъект «мягкой силы», стремление отомстить за то, что он обладает чем-то, в данный момент недоступным объекту воздействия «мягкосиловых» технологий.

Более того, неадекватная (как впоследствии выяснилось) политика мультикультурализма, за пределами толерантного отношения к приезжим вкупе с высоким уровнем жизни населения еще до кризиса 2015 года привели к проникновению в страну большого количества мигрантов из ряда мусульманских государств. Это обусловило воздействие «мягкой силой» на общественно-политический дискурс в Германии уже с их стороны (стоит отметить, например, многомиллионную и весьма влиятельную турецкую диаспору). В результате в стране нарастают опасения возможной исламизации и происходит рост влияния праворадикальных партий, программы которых далеки от «мягкосиловых» концептов.

И все же следует подчеркнуть, что с помощью технологий «мягкой силы» и публичной дипломатии Федеративной Республике Германия удалось достичь значительных результатов. Сегодня немецкая модель организации государства и общества, социально-экономическая система, внешнеполитический курс, достижения немецкой культуры, науки и техники во многих странах стали приниматься за образец. Как говорилось выше, опасаясь быть обвиненным в реваншистских настроениях, официальный Берлин старается избегать прямого упоминания термина «мягкая сила» в своей внешнеполитической риторике. Но на практике власти ФРГ самым активным образом используют данную стратегию, делая особый упор на главном инструменте наращивания «мягкой силы» — публичной дипломатии.

На сегодняшний день итоги германской политики «мягкой силы», которую страна проводит с момента окончания Второй мировой войны, сложно оценить однозначно. С одной стороны, для Берлина «мягкая сила» стала средством усиления политического влияния в мире, изменения имиджа в сторону переоценки ее негативного исторического образа, создания образа современного демократического правового высокоразвитого государства. Но с другой — чрезмерные усилия по формированию собственной

привлекательности привели к колоссальному миграционному кризису, который в обозримой перспективе чреват самыми непредсказуемыми и, возможно, весьма трагическими последствиями для крупнейшего государства Европейского союза.

Рекомендуемая литература:

1. Кулькова О. С. Проблематика «мягкой силы» и культурной дипломатии в политическом дискурсе современной Великобритании: поиск ориентиров в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 25 «Международные отношения и мировая политика». — 2014. — № 1. — С. 101–138.
2. Лебедева М. М., Рустамова Л. Р., Шарко М. В. «Мягкая сила»: темная сторона (на примере Германии) // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 3 (48). — С. 144–153.
3. Потгорельская С. В. «Мягкая» сила Германии: Политические фонды // Актуальные проблемы Европы. — 2014. — № 3. — С. 135–152.
4. Рустамова Л. Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 1 (46). — С. 118–128.
5. Шелепов А. В. Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // Вестник международных организаций. — 2014. — Т. 9, № 2. — С. 10–27.

Лекция 6

«Мягкая сила» и публичная дипломатия Японии и Южной Кореи

Япония

Япония — одна из самых оригинальных и сложных для понимания стран на планете. Хантингтон, определяя ее место в череде цивилизаций, приходил к выводу: «Наиболее значимая страна-одиночка — это Япония. Ни одна другая страна не разделяет ее самобытную культуру, а японские мигранты ни в одной стране не составляют значительной доли населения и не ассимилировались в культуры этих стран (например, японо-американцы). Одиночество Японии усиливает и тот факт, что ее культура в высшей степени обособлена и не имеет потенциально универсальной религии (христианство, ислам) или идеологии (либерализм, коммунизм), которые можно было бы экспортировать в другие общества и таким образом установить культурную связь с этими обществами». Япония действительно является самобытным и уникальным государством-цивилизацией. Существует своеобразные определения японской культуры как «фольклора четырех времен года» или «цивилизации сосновой иглы» (умение наслаждаться красотой сосновой хвоинки, не пытаясь охватить взором целое дерево). Колоритные фестивали и живописные традиции давно превратились в компоненты «мягкой силы» этого островного государства, и сегодня официальный Токио эффективно и весьма прагматично эксплуатирует культурное своеобразие в своих целях. В начале 1980-х годов, когда еще не существовало термина «мягкая сила», японские власти объявили, что «культура представляет как огромный интерес внутри страны, так и национальный интерес за границей».

Сегодня «мягкая сила» является важным внешнеполитическим инструментом Страны восходящего солнца. Как известно, Япония была признана ответственной за развязывание Второй мировой войны в Азии, поэтому в девятой статье действующей до сих пор Конституции 1947 года («Конституции мира») содержался запрет на использование и угрозу применения

военной силы в своей внешней политике. Эксперты полагают, что именно из-за этих ограничений Япония и была вынуждена перейти в международных отношениях к применению принципов «мягкой силы». Характерно, что в японских официальных документах термин «мягкая сила» до сих пор, как правило, не используется. В этом словосочетании японцев, как представляется, не устраивает слово «сила». В японской политической традиции послевоенного времени не принято прибегать к выражениям, которые даже в косвенном виде ассоциировались бы с насилием.

В 1950–1960-е годы одной из главных внешнеполитических целей Японии стало искоренение за рубежом ее милитаристского имиджа, и это в целом удалось. Проведение Олимпиады в Токио в 1964 году, например, способствовало укреплению образа динамичного миролюбивого экономически развитого государства. Повсеместные чайные церемонии, популяризация японского языка, литературы, искусства, достижений в сфере высоких технологий и производства наукоемкой продукции, расширение масштабов культурных и интеллектуальных обменов привели к росту «мягкого» влияния Японии в мире.

Долгое время подход к реализации политики «мягкой силы» в Японии базировался на иных принципах, нежели, к примеру, в США. Он был основан, главным образом, на экспорте традиционных культурных ценностей, таких как театр Кабуки, чайная церемония или искусство икебаны. Их продвижение во внешний мир было призвано показать историческую значимость Японии и ее многовековой культуры для мирового наследия. Однако с начала XXI века акцент при реализации политики «мягкой силы» Страны восходящего солнца был в значительной степени смещен в сторону продвижения современной популярной культуры. Уже в 2001 году правительство Японии предприняло первые шаги по законодательному регулированию поп-культуры, приняв Основной закон по продвижению культуры и искусств.

В 2002 году на свет появилась концепция «Cool Japan» («Крутая Япония»). Эту концепция разработал и изложил на страницах журнала «Foreign Policy» американский журналист Дуглас МакГрэй. Термин имел четкую аналогию с брендовым именем «Cool Britannia», разработанным правительством Великобритании для обозначения креативного характера современной британской культуры и ее продвижения на международных рынках. От названия статьи МакГрэя «Японская валовая националь-

ная крутость» (Japan's Gross National Cool), собственно, и пошел лозунг «Cool Japan». МакГрэй писал об изобретенной Японией суперсиле, поскольку влияние ее культуры распространяется по всему миру, несмотря на экономические и политические проблемы последних лет. Исследуя молодежную культуру и роль манги, аниме, моды, кино, электроники, архитектуры, кухни, журналист высоко оценил японскую «мягкую силу». МакГрэй разделял тезис Ная о том, что Япония начала нулевых годов имеет гораздо большее культурное влияние, чем это было в 1980-е годы, когда она была экономической сверхдержавой. Характерно, что, по мнению автора, «национальная крутость», являясь разновидностью «мягкой силы», служит напоминанием о том, что коммерческие тренды и продукты, умение порождать их могут служить политическим и экономическим целям. Другими словами, будучи органичным концептом «мягкой силы», проект «Cool Japan» объективно был направлен на обслуживание интересов японского бизнеса.

В короткие сроки в масс-медиа и научных кругах термин «Cool Japan» начал широко употребляться в качестве маркера современной японской поп-культуры. В итоге правительство приняло данное название в качестве государственного бренда и обозначения японской стратегии «мягкой силы». В рамках этой политики поп-культура оказалась гораздо более эффективной в утверждении национального имиджа за рубежом по сравнению с возможностями национальной элитарной или народной культуры. **Сегодня в понятие «Cool Japan» входят аниме, манга, мода, кино, J-поп и J-rock, компьютерные и видеоигры, архитектура, японская кухня, традиционные ремесла и даже бытовая техника.** Отметим, что данный проект направлен прежде всего на молодежь зарубежных стран.

Понятие «Cool Japan» было поддержано японскими учеными и политиками. Для разработки концептуальной основы стратегии «мягкой силы» в 2004 году был создан Консультативный совет во главе с профессором Университета Хосэй А. Тамоцу, одной из задач которого стало улучшение имиджа Японии в мире.

В апреле 2005 года правительство страны объявило, что к 2020 году Япония должна превратиться в «культурную креативную нацию». Согласно данной установке, Японии следовало сконцентрироваться на развитии креативных технологий и индустрий. В сентябре 2005 года премьер-министр С. Абэ заявил,

что поп-культура — одна из основных сил внешнеполитического влияния Японии. Позднее было сделано уточнение. По сути, японские мультипликационные персонажи превратились в послов японской культуры, стали символами успеха культурной японской дипломатии. Кабинет Абэ также сосредоточил усилия на всесторонней корректировке проекта «Cool Japan» с целью дальнейшего развития основных отраслей японской культурной индустрии.

Элита Страны восходящего солнца особенно заинтересовалась продвижением популярности японской поп-культуры для реализации геоэкономических задач. Удачным примером государственной поддержки бренда «Cool Japan» можно назвать Всемирный косплей-саммит, который проводится с середины нулевых годов, получая поддержку от Министерства иностранных дел Японии. Показательно, как звучит девиз саммита: «Манга — язык международного общения». В 2006 году Министерство иностранных дел учредило Международную премию манги, чтобы поощрять иностранных авторов-художников создавать комиксы «по японской схеме», тем самым способствуя продвижению японской массовой культуры. В 2012 году стартовал новый международный брендинг-проект в рамках программы «Cool Japan», направленный на продвижение японской моды, суть которого заключается в популяризации японской фэшн-культуры через создание модных магазинов в Китае, Южной Корее, Индии, Сингапуре, США, Франции, а также привлечении иностранных туристов в Японию.

В результате осуществления программы «Cool Japan» были достигнуты серьезные положительные результаты, особенно в области продвижения японских аниме, манги, компьютерных игр. Благодаря умелой и активной пропагандистской деятельности мировую популярность завоевало аниме «Покемоны», а созданная на его основе компьютерная игра вовлекла в ряды геймеров миллионы молодых людей во многих странах мира. Таким образом, можно констатировать, что японское правительство и общество осознали, что путь к культурному лидерству лежит не через пропаганду исключительности японской национальной культуры, а через распространение массовой культуры, бурное развитие которой объясняется сущностью потребительского общества, а также стремительным развитием новых технологий. В отличие от традиционной культуры, не всегда доступной для понимания широкому кругу читателей и зрителей, японская мас-

совая культура, построенная по мировым канонам этого жанра, при всем своем ярко выраженном национальном колорите обладает универсальностью, обеспечивающей ей «доходчивость» даже для аудитории, весьма далекой от Страны восходящего солнца. В ходе экономического кризиса японское общество превратилось из индустриального в поп-культурное, и именно популярная культура, объединившая поклонников манги и аниме, телевизионных передач и компьютерных игр, образовала главный источник «мягкой силы» современной Японии.

Говоря об институтах, которые реализуют политику «мягкой силы» Страны восходящего солнца, необходимо отметить следующие:

- Министерство иностранных дел Японии и Министерство образования, культуры, спорта, науки и техники (включая их специализированные структуры — например, Агентство по культуре и Департамент культуры). Агентство по культуре реализует на государственном уровне программы по популяризации японского языка и национальной поп-культуры среди иностранцев, проживающих на территории Японии и за ее пределами. В качестве основной задачи Департамента культуры было определено развитие международных культурных связей Японии, пропаганда японской культуры и политики за рубежом и т. д. Вообще, именно Министерство иностранных дел Японии является «мозговым центром», в котором рождаются большинство программ японской «мягкой силы».

- Японский фонд (The Japan Foundation) и японские центры.
- Японские университеты и другие учебные заведения.
- Японское агентство международного сотрудничества.
- Глобальные японские СМИ, в первую очередь медиакомпания NHK.

Среди основных направлений реализации «мягкой силы» Японии можно выделить как минимум три:

- продвижение японской культуры и языка;
- международное сотрудничество в области образования;
- помощь развивающимся странам.

На первом направлении действует Японский фонд (другое название — Фонд международных обменов). Он был учрежден в 1972 году как особое юридическое лицо под эгидой Министерства иностранных дел Японии, а в 2003 году получил статус независимой административной организации. Его главная задача за-

ключается в «углублении понимания Японии другими странами». Сегодня фонд располагает двадцатью четырьмя зарубежными отделениями в двадцати трех странах мира. **Японский фонд ведет деятельность по трем основным направлениям:**

- программы обмена в области культуры;
- программы по преподаванию японского языка за рубежом;
- программы поддержки японистики и интеллектуальных обменов.

Фонд выступает спонсором проведения за границей выставок и фестивалей японского искусства, гастролей театральных коллективов «Кабуки», «Бунраку», «Но», направляет видных представителей японской культуры на международные симпозиумы и конгрессы, содействует обменам в области спорта, оказывает помощь в изучении японского языка, традиций и культуры Японии. Особое внимание в деятельности Фонда уделяется приглашениям в Японию «для ознакомления со страной» зарубежных деятелей науки и культуры, представителей средств массовой информации, видных политических и общественных деятелей, молодых лидеров.

Программа пребывания в Японии составляется таким образом, чтобы, показав все лучшее, привлекательное, «истинно японское», сформировать у иностранцев максимально положительный образ Страны восходящего солнца. Во многом в результате этой деятельности Фонда за несколько десятилетий количество лиц, изучающих японский язык за рубежом, выросло в несколько раз. При этом на подобную деятельность выделяются не столь значительные средства, особенно по сравнению с аналогичными структурами Великобритании, Франции или Германии. Стоит, однако, отметить, что наиболее значительные средства Японский фонд выдает на проведение мероприятий в важных с точки зрения геополитических интересов Японии странах. Соответственно, приоритетным направлением является американское (до 20% расходов Фонда), затем следуют Китай (около 5%), Индонезия, Таиланд, Австрия, Франция, Германия, Республика Корея (3–4%); на Россию приходится около 2% расходов. В целом Японский фонд является стержнем культурного обмена, который осуществляет Страна восходящего солнца с другими государствами.

С Японским фондом координируют свою работу японские центры, созданные в конце XX века в развивающихся государ-

ствах. Они предоставляют информацию о Японии зарубежной общественности и реализуют три вида программ: бизнес-курсы, курсы по изучению японского языка и программы, направленные на развитие взаимопонимания между Японией и обществом страны, где расположены эти центры. Их основная цель заключается в подготовке кадров для бизнеса в принимающих странах и создании благоприятной почвы для развития экономического сотрудничества между местным и японским бизнесом. Сегодня такие центры расположены в девяти странах, в том числе в четырех бывших республиках СССР. По сути японские центры и Японский фонд наряду с медийными акторами являются основными инструментами публичной дипломатии Страны восходящего солнца.

На втором направлении Япония все активнее усиливает свою роль на международном рынке образовательных услуг. Одним из важных инструментов японской «мягкой силы» являются образовательные программы. С этой целью функционирует целый ряд проектов, например молодежная программа обмена «The Japan Exchange and Teaching» (JET), существующая с 1987 года. Численность иностранных студентов, обучающихся в Японии, поднялась с немногим более сорока тысяч человек в 1990 году до ста двадцати тысяч в 2005 году. По примеру других стран Япония выделяет стипендии иностранным студентам, более 90% из них приезжает из азиатских стран (большинство из них китайцы). В 2008 году был разработан специальный план с целью приема трехсот тысяч иностранных студентов к 2020 году.

Реализуются различные стипендиальные программы, позволяющие иностранным студентам получать дипломы и сертификаты в основных университетах Японии. В ведущем японском университете — занимающем место в первой полусотне мирового рейтинга Токийском университете — доля иностранных студентов доходит до 25%. Активно продвигается и меж-университетское сотрудничество японских и зарубежных вузов, подразумевающее установление партнерских отношений между ними, разработку и реализацию совместных международных образовательных программ. Существует специальная программа, ориентированная на обмены в области спорта («Спорт для будущего»), по которой за рубеж командировются японские тренеры, предоставляется спортивное оборудование, выделяются средства

на строительство спортивных площадок. При этом, правда, наблюдается и нежелание многих японских университетов приглашать иностранных преподавателей, кроме тех, которые преподают иностранные языки.

Наконец, **третье направление политики «мягкой силы» Японии включает в себя проекты, объединенные в программу под названием «Официальная помощь развитию».** Данную деятельность Страна восходящего солнца начала осуществлять с 1954 года, когда официальный Токио присоединился к международной организации «План Коломбо», цель которой заключается в поддержании экономического и социального развития стран Южной Азии и АТР. С этого момента Япония стала реализовывать программы технической и финансовой помощи развивающимся странам. Японская система официальной помощи развитию подразумевает, в первую очередь, выделение грантов и кредитов; ответственность за данный вид деятельности возложена на Японское агентство международного сотрудничества, созданное в 1974 году. Сегодня эта структура работает более чем в ста пятидесяти государствах и имеет около ста представительств за рубежом, действуя в тесном контакте с японскими неправительственными организациями и частным бизнесом.

Пик активности Японии в сфере оказания помощи развитию пришелся на 1980–1990-е годы, когда страна была одним из ведущих поставщиков иностранной помощи в мире, за короткое время предоставив финансовую помощь, близкую к девяти миллиардам долларов в год. Причем если вначале помощь в целях развития была тесно связана с японскими коммерческими и бюрократическими интересами, то после обнародования Устава помощи в целях развития в 1994 году японская внешняя политика переориентировалась на решение более широких задач (охрана окружающей среды, разоружение и др.). Затем Япония по объективным экономическим причинам снизила активность в этой области, но тем не менее на протяжении многих лет она остается основным донором для ряда стран Юго-Восточной Азии — Вьетнама, Монголии, Лаоса и Камбоджи. «Мягкая сила» Японии в данном формате продвигается и в Африке, Латинской Америке, на постсоветском пространстве. Кроме того, Япония активно сотрудничает с международными организациями, что выражается в осуществлении взносов в такие структуры, как Детский фонд ООН, Программа развития ООН, Всемирный банк и т. п.

Говоря о медийных акторах публичной дипломатии, которые занимаются информированием зарубежной общественности о «мягкосиловых» инициативах Страны восходящего солнца, стоит отметить глобальные японские СМИ, в первую очередь «Эн-Эйч-Кей». Японская вещательная корпорация (NHK — Nihon Hoso Kyokai) — государственно-общественная центральная телерадиокомпания, одна из крупнейших в мире. История NHK является историей японского телерадиовещания в целом. Первой японской радиовещательной компанией была Токийская радиовещательная служба, которая начала вещание в марте 1925 года; в том же году открылись аналогичные службы в Осаке и Нагое. В 1926 году по инициативе Министерства связи, которое планировало создать общенациональную сеть радиовещания по образцу британской BBC, три службы были объединены в единую Японскую вещательную корпорацию. В 1934 году состоялась реформа корпорации, направленная на централизацию управления и унификацию содержания радиотрансляции. Уже через год компания впервые использовала технику прямого эфира во время школьных передач, а также начала вещание за границей — в западной части США.

В феврале 1936 года корпорация сыграла важную роль в подавлении путча молодых офицеров, обнародовав приказ Чрезвычайного штаба Токийского округа сложить оружие и прекратить антиконституционные действия. В августе того же года компания провела прямую трансляцию Олимпийских игр в Берлине. В конце Второй мировой войны корпорация транслировала по радио первую в истории публичную речь японского императора и его указ о капитуляции Японии.

С небольшими структурными и институциональными изменениями корпорация продолжила деятельность после войны. В 1989 году она первой в мире запустила канал аналогового телевидения высокой четкости (в 2000 году этот формат перерос в цифровой). В 1995 году в рамках корпорации была создана международная телерадиовещательная служба NHK World, которая сегодня транслирует программы за рубежом на восемнадцати языках. В настоящее время ей принадлежат два эфирных телеканала, три спутниковых и три канала радиовещания. Отделения корпорации работают в тридцати странах мира.

Несмотря на все усилия, сегодня японская «мягкая сила» сталкивается с целым рядом проблем, преград и препятствий.

Одним из главных ограничителей «мягкой силы» Страны восходящего солнца еще Дж. Най считал внутреннюю ориентацию ее культуры на сохранение и консервирование особенностей деловой этики и образа жизни. Именно такая внутренняя установка, по мнению американского политолога, мешает Японии претендовать на более широкое распространение ее влияния в мире. Особенно следует отметить проблему языкового барьера. Один из крупнейших специалистов в области японского языка, профессор Университета Кэйо Т. Судзуки считает, что «утверждение японского языка в качестве международного — один из путей превращения страны в действительно великую державу». Однако японский язык из-за сложности его изучения вряд ли сможет получить широкое распространение в мире в обозримом будущем.

Серьезным препятствием для реализации политики «мягкой силы» Японии является ее милитаристское прошлое, которое до сих пор вызывает «остаточную подозрительность», особенно в Китае и Корее. Япония в целом воспринимается сегодня как миролюбивая демократическая страна, однако, в отличие от США, она пока не стала транслятором универсальных ценностей и идеалов, примером для подражания в области демократии и прав человека. Причиной является как раз ее имперское прошлое, а также дискриминация меньшинств (рожденных в Японии корейцев и буракуминов). Аниме, манга и косплей, безусловно, пользуются популярностью в молодежной среде далеко за пределами Страны восходящего солнца, однако эти явления современной массовой культуры оказываются бессильны перед «войнами памяти» между Китаем и Японией. Так, увлечение аниме не останавливает возмущения китайцев действиями японского премьер-министра, посещающего храм Ясукуни с целью почтить память двух с половиной миллионов японских военнослужащих, многие из которых ответственны за преступления против человечности, совершенные на оккупированных японцами в годы Второй мировой войны территориях Юго-Восточной Азии. Кроме того, несмотря на то что манга многих привлекает, она бывает и отталкивающей. В азиатских странах с их консерватизмом и религиозностью манга нередко воспринимается как безнравственный культурный продукт. В то же время стратегия «мягкой силы» Японии оказалась наиболее успешной именно в азиатском регионе. При весьма критическом отношении к японской внешней политике

и ее прошлому жители азиатских стран продолжают активно покупать японские комиксы, компьютерные игры, телевизионные программы, альбомы поп-музыки, японскую анимацию.

Наконец, **существенным ограничением для Японии сегодня является стремительно растущая конкуренция в сфере «мягкой силы» со стороны других азиатских государств, таких как Китай и Индия.** Особую остроту этот вопрос приобрел после того, как Страна восходящего солнца перестала демонстрировать впечатляющие экономические успехи, а новые восходящие державы, напротив, показывают стремительный экономический рост. При этом вновь парадокс заключается в том, что Китай и Индия — именно те страны, в которых Япония в ближайшей перспективе планирует наращивать влияние своей «мягкой силы».

В заключение можно сделать два важных вывода.

Во-первых, в последние годы стратегия реализации японской «мягкой силы» претерпела существенные изменения. Сегодня Япония пытается покорить мир уже не привлекательностью своих древних традиций, а современными технологиями, будь то робототехника или мультипликация.

Во-вторых, главным бенефициаром «мягкой силы» Японии является именно национальный бизнес. Другими словами, проведение политики японской «мягкой силы» направлено на достижение геэкономических целей.

Южная Корея

Дж. Най писал, что если география — это судьба, то Южной Корее достались плохие карты. Страна утренней свежести, как зачастую называют это государство в Северо-Восточной Азии, расположена между тремя крупными, обладающими большим военно-политическим силовым потенциалом державами (Россией, Китаем и Японией), исторически противостоявшими друг другу. В данных условиях Корее было затруднительно развивать «жесткую силу», достаточную для своей защиты. В начале XX века страна стала японской колонией. В 1945 году полуостров был разделен на две части — Корейскую Народно-Демократическую Республику (Северная Корея) и Республику Корея (Южная Корея). После окончания Корейской войны в 1953 году Республика Корея сосредоточилась на наращивании «жесткого» потенциала как для сдерживания своего северного соседа, так и для повышения собственной экономической мощи. И только после

экономической модернизации и начала демократического транзита в конце 1980-х годов в Южной Корее начался рост «мягкой силы». К этому времени Республика Корея вошла в состав развитых государств и новых индустриальных стран. Успешный опыт модернизации и демократизации с тех пор стал одним из главных столпов «мягкой силы» этого «азиатского тигра».

В 1990-е годы Южная Корея начала позиционировать себя миру как открытое современное государство. В Сеуле всерьез задумались о преимуществах культурных технологий и публичной дипломатии в продвижении привлекательного образа страны на мировой арене. Уже 7-й президент Республики Корея Ким Ён Сам (1993–1998 годы) отмечал исключительную важность национальной культурной идентичности, ее популяризации за рубежом в условиях разрастающейся глобализации и международного экономического соперничества. Развивались программы корейской «мягкой силы» и при президенте Ли Мён Баке (2008–2013 годы). В годы имевшего скандальный характер президентства первой женщины на высшем посту Южной Кореи Пак Кын Хе (2013–2017 годы) в политическом дискурсе страны тем не менее появился термин «публичная дипломатия» и был запущен целый ряд проектов для ее эффективной реализации на международной арене.

Еще ранее, в 1996–1997 годах, Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея представило Стратегию выбора и продвижения культурных символов корейской национальной идентичности, в которой были определены десять национальных корейских символов, отражающих культурную идентичность южнокорейского общества:

- ханбок — традиционное корейское платье;
- хангыль — корейский алфавит;
- кимчи и пульгоги — блюда корейской кухни;
- Пульгукса и Соккурам — буддистские храмы;
- тхэквондо — корейское боевое искусство;
- коре инсам — корейский женьшеневый чай;
- традиционный танец масок;
- Чонме — конфуцианское святилище;
- Сеорак — горный комплекс и парк Сораксан;
- всемирно известные корейские художники.

Стоит еще раз подчеркнуть, что сам путь политического, экономического и социокультурного развития Южной Кореи

является естественным ресурсом «мягкой силы», так как демонстрирует опыт успешных преобразований, демократизации и роста благосостояния населения. Власти страны опираются на мощный ресурс традиционной и массовой культуры, одновременно расширяя каналы публичной дипломатии. В начале XXI века Республика Корея начала реализовывать собственный проект «мягкой силы». Правда, пока ареал «мягкосиловой» политики Сеула в основном ограничивается регионом Северо-Восточной Азии, однако зона преломления южнокорейской «мягкой силы» неуклонно расширяется.

На этой ниве работают основные акторы «мягкой силы» и публичной дипломатии Южной Кореи, такие как:

- ♦ Министерство иностранных дел и торговли и Министерство культуры, спорта и туризма. Эти структуры курируют основные направления, проекты и программы южнокорейской «мягкой силы».

- ♦ Корейский фонд (Korean Foundation). Фонд был создан в 1991 году и сегодня имеет семь отделений на разных континентах. Его офисы расположены в Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Токио, Берлине, Москве, Пекине и Ханое; кроме того, он имеет партнерские отношения с научно-образовательными учреждениями еще из порядка двадцати стран. Главной целью Корейского фонда является распространение объективной информации о Стране утренней свежести в мире и налаживание добрососедских отношений с другими странами путем культурно-гуманитарного сотрудничества. Фонд реализует множество программ публичной дипломатии, налаживая диалог с выдающимися зарубежными деятелями, распространяя корейский язык и финансируя исследования, посвященные стране. Усилиями Корейского фонда совместно с Министерством иностранных дел в 2010 году был основан Форум публичной дипломатии Кореи — постоянно действующая общественная консультативная группа, которая проводит семинары, круглые столы, осуществляет опросы и исследовательские проекты, разрабатывает рекомендации для успешного осуществления программ публичной дипломатии.

- ♦ Корейское агентство по международному сотрудничеству. Агентство было основано в 1991 году корейским МИДом для повышения эффективности программ официальной помощи развитию. Акцент в своей работе Агентство делает на предоставлении безвозмездной помощи в виде грантов и льготных кредитов

и содействии различным видам технологического сотрудничества между Южной Кореей и развивающимися государствами.

♦ Фонд зарубежных корейцев. Сегодня за пределами Корейского полуострова проживает семь с половиной миллионов этнических корейцев. Сеул начал проводить целенаправленную политику в отношении соотечественников сравнительно недавно — только на рубеже веков. Для этих целей в 1997 году и был создан специальный правительственный Фонд зарубежных корейцев, тесно сотрудничающий с Министерством иностранных дел.

♦ Президентский комитет по национальному брендингу. Он был создан в 2009 году по распоряжению президента Ли Мён Бака в целях продвижения на мировой арене позитивного образа страны. Его официально заявленная цель — формирование имиджа Кореи как «ответственной нации, которую все любят». Комитет призван играть роль координатора всех программ, связанных с продвижением позитивного имиджа Кореи, проводить в жизнь план «управления национальной репутацией» и учитывать общественное мнение в странах-партнерах. Несмотря на глобальный финансовый кризис, на проведение программ Комитета было заложено почти семьдесят пять миллионов долларов в год с прицелом на достижение пятнадцатого места в глобальном Индексе национальных брендов.

Ключевыми направлениями «мягкой силы» Южной Кореи являются:

- популяризация и продвижение за рубежом традиционной и массовой культуры;
- образовательные и обменные программы;
- участие в различных международных форматах и помощь в целях развития.

Современная южнокорейская стратегия «мягкой силы», в первую очередь, базируется на распространении собственной культуры, причем не только традиционной, но и массовой. В начале XXI века в рамках культурной дипломатии Республике Корея удалось добиться удивительно успешного симбиоза, получившего название «халлю» («корейская волна»).

Халлю — растущая популярность всего корейского (от музыки и фильмов до моды и кухни) — началась еще в конце 1990-х годов. Данный феномен обрел огромную популярность, прежде всего в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, но постепенно

стал распространяться по всему миру. «Корейская волна» в корне изменила восприятие и общего национального образа Южной Кореи. Изначально халлю была простым культурным явлением в конкретном регионе, однако рост и влияние значительно превзошли ожидания. Республике Корея удалось занять нишу основного культурного экспортера на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, которую до нее занимала Япония.

Сегодня халлю главным образом ассоциируется с корейской поп-индустрией, ее гибридность и эклектика, наличие как азиатских, так и западных элементов обусловили подлинный прорыв на международной арене. Сочетание различных западных музыкальных жанров с местной спецификой принесло невероятный успех представителям корейского шоу-бизнеса. Самым ярким примером здесь, пожалуй, является огромная популярность южнокорейского исполнителя Сео Тайцзи (PSY). Однако кроме певцов, бойз- и герлз-бэндов в рамках К-попа развивается и сфера развлекательной индустрии в виде онлайн-игр, пользующихся спросом по всему миру, а также фильмов и сериалов (даже знаменитых «Симпсонов» рисуют в Южной Корее). Легкая и ненавязчивая культура К-попа является главной движущей силой «корейской волны» и современной культурной дипломатии Страны утренней свежести. И хотя халлю несколько ослабла в последние годы, Сеул пытается всячески ее поддерживать.

В рамках культурной дипломатии и халлю Южная Корея занимается также продвижением национального языка, традиционной кухни и искусства. Один из последних крупных проектов правительства — распространение корейского языка, для чего под эгидой Министерства культуры, спорта и туризма планируется объединить все институты корейского языка по всему миру под одним названием — Институт короля Седжона (The King Sejong Institute; Седжон является изобретателем корейского алфавита).

Большое внимание уделяется развитию въездного туризма. Туристический кластер в Республике Корея активно развивается благодаря относительно простой процедуре получения визы и даже безвизовому режиму с рядом государств (например, с Россией), умеренному субтропическому климату, но главное — привлекательному имиджу загадочной и прогрессивной страны Востока. Туризм — важная часть «мягкой силы» Южной Кореи: в страну ежегодно приезжает порядка десяти миллионов

туристов, что на фоне пятидесятиmillionного населения выглядит весьма внушительно. На территории Республики Корея находится десять памятников ЮНЕСКО, являющихся объектом мирового наследия, а в сентябре 2009 года пять традиционных корейских танцев и ритуалов были добавлены в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Очень популярны туры по традиционным корейским деревням (южнокорейцы даже сбор урожая смогли превратить в развлечение для туристов). Подобные туры подразумевают посещение реконструкций древних деревень-крепостей, где можно увидеть традиционный корейский быт эпохи древнего государства Коре, существовавшего в X–XIV веках. Набирают популярность кулинарные туры, причем туры в южную часть страны отражают суть традиционной корейской кухни, а за более современной кулинарией туристы отправляются в крупные города — Сеул, Пусан и Тэгу. Востребованы туристические поездки на традиционные корейские сезонные фестивали: Фестиваль цветения сливы, Фестиваль Гуре Сансую на горе Чирисан, Фестиваль цветения вишни, Фестиваль цветения тюльпанов. Наконец, Республика Корея — страна с одной из самых инновационных экономик мира и родина промышленных и IT-гигантов. Марка «сделано в Корее» является мощнейшим привлекательным брендом, а такие глобальные корпорации и всемирно известные марки, как «Samsung», «Hundai», «Kia», «Daewoo», «LG», давно стали настоящими визитными карточками Южной Кореи.

Немаловажную роль в политике «мягкой силы» Южной Кореи играет спортивная дипломатия. Успешное проведение Олимпийских игр в 1988 году, а затем и Чемпионата мира по футболу в 2002 году (соорганизатором выступала Япония) однозначно способствовало улучшению внешнеполитического имиджа Республики Корея. В 2018 году в Пхенчхане прошли зимние Олимпийские игры, что также послужило драйвером для узнаваемости Кореи, многократно увеличило поток туристов, привлекло к себе внимание всего мира и, соответственно, добавило в копилку «мягкой силы» Страны утренней свежести дополнительных баллов. Южная Корея к тому же стабильно хорошо выступает на Играх, а в конькобежном спорте и шорт-треке вообще считается одним из мировых лидеров. Наконец, Сеул активно популяризирует национальный вид спорта — тхэквондо. В рамках этой инициативы функционирует проект «Наслаждайтесь тхэ-

квондо», направленный на продвижение национального спорта с помощью фильмов и видеоигр, отправки большого количества инструкторов за рубеж, построения выставочного центра в Корее. Сегодня тхэквондо, являясь олимпийским видом спорта и узнаваемым аутентичным корейским брендом, снискало популярность далеко за пределами Корейского полуострова.

Важную часть спортивной дипломатии Республики Корея (и в целом халлю) занимает киберспорт. Учитывая все возрастающую популярность киберспорта в мире, можно сделать вывод, что данный ресурс является весьма релевантным для наращивания потенциала «мягкой силы» Страны утренней свежести. Южная Корея — глобальный лидер в этой сфере: ее игроки являются примером для подражания огромной армии геймеров со всего мира, они регулярно выигрывают международные турниры, многие из которых к тому же проводятся в южнокорейских городах — Сеуле, Пусане и др.

Переходя ко второму направлению «мягкой силы» Южной Кореи — образовательным и обменным программам, — следует сказать, что официальный Сеул все более активно использует этот инструмент для формирования положительного имиджа страны за рубежом. С 2006 года при спонсорской поддержке Южной Кореи была создана специальная Рабочая группа по активизации культурного обмена в Восточной Азии. В 2010 году возникла инициатива «КАМПУС Азия» — программа академической мобильности, финансируемая Сеулом совместно с Токио и Пекином. Южная Корея постоянно увеличивает свои расходы на образование, которые сейчас достигают очень значительных 5% от национального ВВП, причем основное внимание уделяется изучению именно технических специальностей (правда, в ущерб гуманитарным). В результате достижения в технической области создают уникальную репутацию Южной Кореи как высокотехнологичной державы, обладающей узнаваемыми и востребованными во всем мире брендами.

Крупнейшими университетами страны, входящими в списки ведущих вузов мира, являются Пхоханский университет науки и технологий, Корейский институт передовых технологий и Сеульский национальный университет. Также стоит выделить Институт международного образования в университете Кукмин с Центром корейского языка, который предоставляет исследовательские гуманитарные разработки, налаживает связи

между университетами за рубежом и привлекает иностранных студентов. Большинство университетов предлагает большой выбор программ обучения, соответствующих западным стандартам, а также обеспечивает работой своих выпускников.

Южная Корея наращивает свое образовательное присутствие и за рубежом, открывая филиалы, особенно активно в азиатских странах — Китае, Индонезии, Малайзии, Пакистане, Саудовской Аравии. Обучающиеся за рубежом корейские студенты также являются проводниками «мягкой силы» Южной Кореи. Посредством отлаженной системы международной студенческой мобильности Сеул имеет возможность продвигать свою культуру, образ жизни, технологические достижения, а также укреплять тесные профессиональные связи с народами других государств. Вообще за последние годы Южная Корея географически охватила программами обмена практически всю планету. Наконец, кроме обменных программ Министерство образования Республики Корея предлагает и широкий спектр грантов и стипендий на обучение иностранных студентов в ведущих университетах страны.

Третье направление «мягкой силы» официального Сеула связано с «дипломатией развития» и участием в различных международных организациях. Южная Корея является членом более пятидесяти международных структур, активно сотрудничает с глобальными неправительственными организациями. В 2002 году Республика Корея стала инициатором создания международной организации STEP (Sustainable Tourism Eliminating Poverty — Устойчивый туризм в целях искоренения нищеты), штаб-квартирой которой был выбран именно Сеул. Южная Корея участвует в восьми межправительственных комитетах ЮНЕСКО, является членом G20. На территории страны проводятся международные форумы и выставки, такие как саммит глав государств АТЭС и G20, выставка ЭКСПО-2012. Южнокорейская «дипломатия развития» включает содействие развитию на двустороннем и многостороннем уровнях и включает в себя, в первую очередь, предоставление грантов, состоящих из программ безвозмездных ссуд и технического содействия. Ярким символом успешного участия Кореи в международных дипломатических форумах, борьбе с глобальными угрозами человечеству и программах помощи развивающимся странам стал выбор Пан Ги Муна на пост Генерального секретаря ООН в 2007 году и его переизбрание на второй срок в июне 2011 года.

Южная Корея имеет успешный опыт экономического развития, модернизации и технологического прорыва, а также высокоразвитую демократическую политическую систему с отлаженным механизмом мирного перехода власти и защиты прав и свобод человека. Это обстоятельство само по себе представляет серьезный ресурс «мягкой силы». Республика Корея воспринимается сегодня как держава «среднего ранга», которая не стремится конкурировать с крупными акторами — Китаем и Японией — с точки зрения «жесткой силы», при этом и Китай, и Япония относятся к Южной Корее гораздо более позитивно, чем к друг другу. Данный факт является очень важным, особенно с учетом того, что Сеул уделяет особое внимание именно отношениям с государствами Северо-Восточной Азии. В южнокорейских академических кругах ведутся дискуссии на тему, что может предложить страна этому региону, ведь ее политическая система и ценности ближе Японии, но далеки Северной Корее и Китаю. В Южной Корее признают, что стране следует взять на себя роль арбитра или посредника, инвестируя в региональные и/или глобальные общественные блага. Действительно, Южная Корея вполне может играть роль некоего моста между развитыми и развивающимися странами.

В заключение следует сделать несколько выводов.

Во-первых, «мягкая сила» Страны утренней свежести в регионе Северо-Восточной Азии весьма существенна. Однако говорить о глобальном «мягкосиловом» влиянии Южной Кореи пока еще явно преждевременно, за исключением, возможно, лишь К-попа. Корея ассоциируется с бурным экономическим прогрессом, обеспечением демократических и гуманитарных свобод, технологическим развитием. К-поп стал известен в мире довольно хорошо, так же как и продукция корейских корпораций. Однако этого явно недостаточно для полноценной реализации южнокорейской «мягкой силы» на глобальном уровне.

Во-вторых, основными ограничениями «мягкого» потенциала официального Сеула являются необходимость балансирования между сильными соседями, а также позднее начало программ «мягкой силы» и публичной дипломатии.

Есть и еще один нюанс. **Важнейшим фактором во внешней политике Республики Корея, включая и ее «мягкосиловую» составляющую, является соседство с КНДР.** Северокорейская проблема так или иначе всегда присутствует в южнокорейском

внешнеполитическом дискурсе, и от ее решения зависят не только перспективы «мягкой силы» Южной Кореи, но и в целом будущее Страны утренней свежести.

Рекомендуемая литература:

1. Бураев Д. И., Гармаханов М. Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 8. — С. 115–120.

2. Ковба Д. М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами // Пространство и время. — 2014. — № 4 (18). — С. 111–118.

3. Королев В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций. — 2014. — Т. 9. — № 2. — С. 190–208.

4. «Мягкая сила» Страны восходящего солнца // Международные отношения. — 2016. — № 2. — С. 189–193.

Лекция 7

«Мягкая сила» и публичная дипломатия Китая и Индии

Китай

Возрастающая роль Китая как глобального игрока на мировой арене очевидна. Экономические реформы, начатые Дэн Сяопином в 1978 году, превратили Китай к началу XXI века в один из глобальных центров силы. Благодаря бурному экономическому росту у Китайской Народной Республики появляется все больше ресурсов для осуществления своих геополитических и геоэкономических интересов, которые распространяются далеко за пределы АТР. Современный Китай заявляет о себе как о лидере во многих сферах. «Мягкая сила» здесь не является исключением.

Тема «мягкой силы» в Китае относительно недавно вошла в политическую повестку дня, хотя истоки китайской «мягкой силы» можно найти еще в трудах древних мыслителей Поднебесной. **Считается, что «мягкую силу», хотя тогда она так, конечно, не называлась, в Китае изучали и применяли во времена Лао-цзы, Конфуция и Мэн-цзы, то есть еще в VI–III веках до н. э., а возможно, и раньше.**

Книга Дж. Ная «Обязанный лидировать: меняющийся характер американской мощи» была переведена на китайский язык и издана в 1992 году, почти сразу после выхода работы в США. **Первую статью о «мягкой силе» в Китае — «Культура как национальная сила: мягкая сила» — написал в 1993 году председатель департамента международной политики в университете Фудань и советник председателя КНР Цзян Цзэминя Ван Хунин. В этой статье Ван Хунин утверждал, что культура является главным источником «мягкой силы» государства. Так было положено начало «культурной школе» изучения «мягкой силы» в Китае (об этом более подробно далее).**

Именно культурная традиция в значительной мере облегчила процесс адаптации американской концепции «мягкой силы» в Китае, так как для китайских интеллектуалов концеп-

ция Дж. Ная выглядела как современное развитие идей древних мудрецов Поднебесной. Еще одна причина, по которой политическая теория Ная привлекла китайских исследователей, — ее созвучие с основными постулатами конфуцианства, в соответствии с которыми идеальный правитель должен опираться не на физическую силу, а на мораль. Традиционная внешнеполитическая доктрина Китая исходила из того, что при взаимодействии с «варварами» основной упор следует делать на «всеблагое влияние императора и только в исключительных случаях на применение силы». При этом китайское видение концепции американского политолога значительно расширило границы ее применения.

Концепт «мягкой силы» получил распространение в Китае не только потому, что он соответствовал китайским традиционным внешнеполитическим и морально-ценностным установкам, но и в результате его подтверждения результатами исследований, которые проводили ведущие китайские политологи и историки, анализируя причины распада великих империй и держав. Так, исследователь Академии общественных наук КНР Шэнь Цзижу утверждал, что важной причиной поражения СССР в холодной войне был не недостаток мощи в сравнении с США, а отсутствие «должного внимания к “мягкой силе”».

На сегодняшний день стратегия «мягкой силы» Китая реализуется в первую очередь в региональном масштабе, и впервые КНР использовала ее инструменты для укрепления своих позиций именно в Юго-Восточной Азии. Свообразным триггером, побудившим китайское экспертное сообщество озаботиться проблематикой «мягкой силы», стали события, связанные с азиатским финансовым кризисом 1997–1998 годов. Как известно, тогда Китай пришел на помощь своим соседям по региону, провозгласив стратегию отказа от девальвации юаня, что позитивно сказалось на экономиках стран Юго-Восточной Азии. КНР четко продемонстрировала привлекательность собственной экономической (да и политической) модели, правильность избранного еще при Дэн Сяопине пути развития. Оказывая экономическую помощь, Пекин всячески старался создать имидж благожелательного помощника.

Доктринальными основами «мягкой силы» КНР стали внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения» (2003 год); идея «Пекинского консенсуса», появившаяся в 2004 году; концепция «гармоничного мира совместного про-

цветания», озвученная шестым председателем КНР Ху Цзиньтао (2003–2013 годы) в 2005 году и заменившая, по сути, доктрину «мирного возвышения». В числе важнейших внешнеполитических целей КНР были названы укрепление взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами, углубление регионального и субрегионального сотрудничества, активизация экономической интеграции со странами АТР. Отметим, что доктрина «гармоничного мира совместного процветания» осознанно и совершенно не случайно заменила идею «мирного возвышения Китая». Китайские пропагандисты сосредоточили усилия на создании образа модернизированного мирного Китая, ни над кем не «возвышающегося» и готового поделиться с другими плодами своего процветания. Наконец, в 2005 году третьей опорой внешней политики государства (после политической и экономической дипломатии) была провозглашена культурная дипломатия.

Впервые на высшем уровне «мягкой силой» (наиболее релевантный перевод данного понятия на китайский язык — жуань шили; именно он применяется в официальном дискурсе) заинтересовался председатель КНР Ху Цзиньтао. В речи на XVII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в октябре 2007 года глава КНР призвал осознать важность повышения «мягкой мощи» государства с помощью культуры, чтобы лучше гарантировать основные культурные права и интересы народа, сделать многокрасочнее культурную жизнь общества и более возвышенным духовный облик народа. Ху Цзиньтао отметил, что культура становится все более значимым элементом в совокупной государственной мощи, и призвал к повышению культурной «мягкой силы». На съезде были поставлены конкретные задачи целенаправленного строительства «мягкой силы» в Китае: «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры».

Стратегия развития «мягкой силы» КНР объединила, как минимум, пять основных направлений:

- расширение медийных каналов коммуникации с зарубежными аудиториями;

- укрепление связей с китайской диаспорой за рубежом;
- продвижение национальной культуры;
- создание и продвижение контрнарративов («мирный подъем», «мирный рост»);
- совершенствование механизма управления активами «мягкой силы» и публичной дипломатии.

Свое развитие теория «мягкой силы» получила на VI пленуме ЦК КПК XVII созыва, проходившем в октябре 2011 года. В ходе пленума были даны разъяснения относительно инструментов «мягкой силы» как одного из наиболее эффективных средств продвижения национальных интересов Китая на мировой арене. В ноябре 2012 года тема «мягкой силы» была затронута в выступлении Председателя КНР на XVIII съезде партии. Ху Цзиньтао говорил о необходимости строительства «социализма с китайской спецификой» и повышения культурной составляющей «мягкой мощи» государства. Наконец, успехи в деле наращивания китайской «мягкой силы» посредством продвижения материальной и духовной культуры как внутри страны, так и вне ее были отмечены (правда, без конкретизации) в докладе Председателя КНР Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК в октябре 2017 года.

Вообще с приходом к власти пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином в 2013 году эволюция концепции «мягкой силы» в КНР продолжилась. В политическом лексиконе все чаще стал встречаться призыв к реализации «китайской мечты». По сути, это долгосрочная стратегия развития социализма с китайской спецификой, опорой на многовековые традиции, состоящая из нескольких самостоятельных концепций. Например, это стратегическая концепция «Один пояс и один путь», объединившая «экономический пояс Великого шелкового пути» и «Морской шелковый путь для XXI века». Или бескомпромиссная борьба с коррупцией — война с «тиграми» (высокопоставленные партийные и военные функционеры) и «мухами» (мелкие взяточники). Гордостью китайского народа и основной составляющей «великого возрождения нации» объявлена китайская культура в широком смысле слова, включая историю, знания о современном Китае и китайский язык, которые давно превратились в активных проводников «мягкой силы» КНР. На сегодняшний день, как заявлял Си Цзиньпин, базовыми компонентами «китайской мечты» являются обязательное следование

по специфическому китайскому пути с учетом высокого созидательного потенциала китайской нации, возвышение китайского духа, сердцевиной которого является патриотизм, реформы и новаторство, а также объединение силы нации — сплава пятидесяти шести национальностей.

За последнее десятилетие интерес Китая к «мягкой силе» вырос многократно, и не только в политическом, но и в научном дискурсе. Если в 1990-е и в начале 2000-х годов термин «жуань шили» встречается в названии всего шести работ, то за период с 2003 по 2007 год — пятисот тридцати пяти работ, а к концу 2011 года — почти трех тысяч публикаций. Сегодня уже сложно точно подсчитать это количество. Взяв идею Дж. Ная за основу, китайские теоретики в настоящее время разрабатывают собственную концепцию «мягкой силы». Термин «мягкая сила» прочно закрепился в официальной риторике, идет выделение грантов на научно-исследовательские проекты, сформировались центры изучения «мягкой силы» в КНР (Университет Фудань, Китайский институт современных международных отношений, Институт стратегических исследований в Центральной партийной школе и др.).

Сегодня в китайском экспертном сообществе сложилось два принципиальных подхода к включению концепции «мягкой силы» во внешнеполитическую практику КНР. Первый и наиболее популярный «культурный» подход, как говорилось выше, был сформулирован еще в начале 1990-х годов китайским ученым и партийным деятелем, ныне заведующим Центром политических исследований при ЦК КПК Ван Хунином. Он постулирует, что в основе «мягкого» влияния Китая должна лежать культура и в особенности традиционные китайские ценности («совпадающее единство неба и человека» и «гармония многообразного и несходного»), модифицированные КПК в концепцию «гармоничного общества и гармоничного мира». С ним согласен декан факультета индустрии культуры и управления Шанхайского университета связи Ху Хуэйлинь, который считает, что культурная безопасность государства напрямую зависит от культурологического аспекта «мягкой силы», от того, насколько культура страны обладает притягательной силой и способностью воздействовать на другие культуры. По его мнению, значимость в определении статуса великой державы имеет не ресурсный потенциал государства, не географическое положение, а то, какой культурный вклад она внесла в мировое развитие, какими куль-

турно-цивилизационными ценностями она обладает. Руководитель Китайского центра исследований «мягкой силы» культуры Чжан Гоцзо, осмысливая опыт Советского Союза, приходит к выводу, что последний распался не из-за слабости ресурсной (материальной) силы, а ввиду неспособности дать адекватный отпор пропагандистскому влиянию Запада. Чжан Гоцзо утверждает: «Любое государство должно идти на двух ногах: одна нога — это материальная “жесткая сила”, другая нога — это культурная “мягкая сила”. Если у государства не годится материальная “жесткая сила”, то ему можно нанести поражение одним ударом. Если у него не годится “мягкая сила” культуры, такое государство и без удара само потерпит поражение». Сторонники данного подхода, в основе которого лежит убеждение, что ядро «мягкой силы» составляет культура, принадлежат к «**культурной школе**».

Приверженцы «**политической школы**», в частности видный китайский ученый, руководитель Института международных проблем Университета Цинхуа Янь Сюэтун, считают, что все компоненты «мягкой силы» должны развиваться параллельно и независимо друг от друга. Янь Сюэтун является автором концепции комплексной государственной мощи (цзунхэ шили) и сторонником «политического подхода» к «мягкой силе». Согласно китайским политологам, существует неразрывная диалектическая связь между «жесткой силой» и «мягкой силой», причем «мягкая сила» трактуется ими как «мудрость», проявленная в ходе применения «жесткой силы». Укрепление «жесткой силы», в свою очередь, сопряжено с увеличением «мягкой силы», и даже в том случае, когда «жесткая сила» несколько укрепляется, совокупная мощь государства может сокращаться в связи с ослаблением «мягкой силы». Другими словами, невозможно быть могущественной державой, имея в своем внешнеполитическом инструментарии лишь «жесткую» или «мягкую» силу; использование их обеих важно для процветания страны.

Янь Сюэтун обращает внимание на то, что «мягкая сила» является не слагаемым в формуле совокупной государственной мощи, а мультипликатором ресурсной силы: $SM = (B + \Theta + K) \times P$, где SM — совокупная государственная мощь; B — военная сила; Θ — экономическая сила; K — культурная сила; P — политическая сила, под которой подразумевается «мягкая сила». По его мнению, комплексная мощь является сложным, но органичным сочетанием «жесткой» и «мягкой» сил, представляющим собой

не сумму, но произведение этих сил. Китайский политолог приходит к заключению, что при отсутствии у государства «мягкой силы» его совокупная мощь также равна нулю при любом значении остальных сил, являющихся переменными в формуле. Примеры, эмпирически подтверждающие данный вывод, Янь Сюэтун усматривает в исторической судьбе Римской и Британской империй, последней китайской императорской династии Цин, а также Советского Союза.

Кроме того, на данный момент сложилось и два различающихся подхода касательно характера применения «мягкой силы» Китаем. Ряд китайских экспертов в этой области убеждены в том, что «мягкая сила» должна носить пассивный (оборонительный) характер, чтобы улучшать имидж КНР и искоренять превалирующий сегодня во многих странах стереотип о «китайской угрозе». Вторая группа теоретиков считает, что китайская модель развития может и должна быть экспортирована, а предложенный миру «Пекинский консенсус» может стать достойной альтернативой Вашингтонскому, особенно в незападных странах. Таким образом, речь идет об активном подходе в применении «мягкой силы» КНР.

Важной и отличительной особенностью китайской «мягкой силы» является то, что она направлена не только на внешнюю, но и на внутреннюю аудиторию. Такой подход предусматривает, что построение гармоничного китайского общества и гармоничного мира в целом — тесно взаимосвязанные процессы, и именно поэтому еще с древнейших времен китайцы не привыкли разграничивать внутреннюю и внешнюю политику государства. Еще одной причиной такой двусторонней направленности «мягкой силы» Китая является усиливающееся влияние западной культуры и образа жизни на китайцев, особенно на молодое поколение, что может грозить социалистическим устоям КНР. Китайское руководство сегодня прилагает значительные усилия, чтобы популяризировать национальную культуру и историческое наследие и повысить престиж страны среди собственных граждан. Этот феномен получил название «культурный бум», или *вэньхуа жэ* по-китайски.

На сегодняшний день в Китае сформулирована стратегия развития «мягкой силы» и создана соответствующая ей институциональная структура. Основные институты «мягкой силы» КНР условно можно разделить на четыре категории:

- Генеральную линию проецирования «мягкой силы» как внутри страны, так и за ее пределами выстраивают высшие партийные круги КПК и ключевые органы государственной власти. Процесс целеполагания в области реализации политики «мягкой силы» осуществляется в Центральной партийной школе ЦК КПК, Департаменте публичности КПК, а также Отделе международных связей ЦК КПК. Китайскую политику в указанной области также формирует Государственный совет КНР, а за непосредственную реализацию отдельных ее направлений отвечает ряд профильных министерств. Важную роль играет Информационное бюро Государственного совета КНР, отслеживающее информацию о Китае в отечественных и иностранных СМИ и проводящее на основе аналитических данных разъяснение политического курса государства, для чего периодически издающее белые книги. Кроме того, существенный вклад в успешное продвижение «мягкой силы» Поднебесной вносят узкоспециализированные структуры: Ассоциация публичной дипломатии, Китайский совет по продвижению международной торговли, Китайский стипендиальный совет, Всекитайская федерация промышленности и коммерции, Китайский совет по продвижению международных инвестиций. Отдельно стоит выделить созданный в 1987 году Совет по международному распространению китайского языка, в который вошли руководители двенадцати министерств и ведомств КНР. Постоянным рабочим органом Совета является Государственная канцелярия по распространению китайского языка (сокращенно Ханьбань), которая представляет собой специализированный орган и неправительственную организацию при Министерстве образования КНР. Есть еще ряд общественных организаций, прямо или косвенно контролирующихся государством, например Китайское народное общество дружбы с зарубежными странами (КНОДЗ, другое название — Китайское народное общество дружбы с границей), созданное в 1954 году с целью развития взаимопонимания и дружбы между китайским народом и народами других стран.

- ♦ Выработку рекомендаций для успешного применения Китаем инструментов «мягкой силы» осуществляют и созданные для этой цели за последние годы «мозговые центры»: Гуандунский Южный институт исследований «мягкой силы» (создан в 2012 году в Гуанчжоу), Государственный инновационный центр совместных исследований «мягкой силы» культуры Китая (об-

разован в 2013 году на базе Уханьского университета), Государственный центр исследований «мягкой силы» культуры Китая (учрежден в 2014 году при Институте международных отношений Пекинского университета). Кроме указанных выше узкоспециализированных институтов исследования китайской «мягкой силы» в Поднебесной насчитывается несколько сотен «мозговых центров», в той или иной степени затрагивающих в своей деятельности вопросы экономической, культурной, спортивной, образовательной дипломатии Китая, являющихся элементами его «мягкой силы». При этом все китайские «мозговые центры» можно условно разделить на несколько категорий: государственные аналитические центры, специализированные академические исследовательские институты и аналитические центры, связанные с университетами.

◆ Большое значение в проецировании «мягкой силы» КНР в мире отводится культурно-просветительским и образовательным организациям. Наиболее значительными из них являются институты Конфуция — сеть международных культурно-образовательных центров, действующих под эгидой Ханьбань. Первый в мире институт Конфуция был открыт в 1994 году в столице Южной Кореи Сеуле. Внимания заслуживает и деятельность исследовательского Центра зарубежного китаеведения, созданного в 1996 году на базе Пекинского университета иностранных языков, который занимается развитием теоретического китаеведения в Китае и за рубежом, а также финансирует некоторые научные программы иностранных исследователей.

◆ Значимую роль в реализации политики «мягкой силы» Китая также играют акторы публичной дипломатии. В первую очередь надо отметить Центральное телевидение Китая (ССТV) и Информационное агентство правительства КНР «Синьхуа» (другое название — Китайская служба новостей). ССТV вещает с 1958 года и имеет сегодня свыше сорока телеканалов. Мировая аудитория канала, вещающего на английском, корейском, русском, французском, испанском и арабском языках, уже сейчас насчитывает восемьдесят пять миллионов человек. В 2000 году был создан международный англоязычный канал ССТV International, который с 2010 года получил название ССТV News. В 2012 году руководство страны объявило о намерении вложить более семи миллиардов долларов для увеличения аудитории в десять раз к 2016 году. В самый канун 2016 года Центральным телевиде-

нием Китая в ходе ребрендинга действующего международного новостного канала CCTV News была запущена новая телекомпания CGTN (China Global Television Network). Она призвана стать мультязычной и мультиплатформенной медиагруппой, в состав которой войдут шесть телеканалов, три зарубежных отделения, провайдер видеоконтента и подразделение цифровых медиа. Очень активно медиакомпания действует в рамках публичной дипломатии 2.0. Агентство «Синьхуа» официально является структурой, входящей в Министерство государственной безопасности КНР. Оно освещает новости по всему миру на китайском, английском, французском, русском, испанском, арабском и японском языках с 1931 года. В 2010 году Синьхуа запустило круглосуточный англоязычный канал CNC (China Network Corp.). Еще один важный игрок на этом направлении — Международное радио Китая, вещающее с 1941 года и на сегодняшний день имеющее около шестидесяти дочерних зарубежных радиостанций, пятнадцать радишкол Конфуция, восемнадцать каналов интернет-радио. Наконец, нельзя забывать о крупных печатных изданиях с миллионными тиражами, выходящих на английском языке, имеющих аккаунты с миллионами подписчиков в социальных сетях: «People's Daily» (более шестидесяти миллионов подписчиков в Facebook по состоянию на начало 2019 года), «China Daily» (почти семьдесят миллионов), «Global Times» (более тридцати пяти миллионов).

Можно выделить несколько основных направлений (ресурсов) «мягкой силы» Китайской Народной Республики на современном этапе:

- популяризация китайского культурно-исторического наследия и китайского языка за рубежом;
- взаимодействие с китайской диаспорой; академические и образовательные программы;
- организация значимых международных мероприятий;
- инвестиционная деятельность за рубежом и дипломатия «чековой книжки»;
- гуманитарная помощь и помощь развитию;
- наконец, геополитическое позиционирование страны и многосторонняя дипломатия.

Важнейшее значение для реализации «мягкой силы» КНР имеет популяризация китайского историко-культурного наследия за рубежом, а также распространение китайского языка

в мире. В последние годы правительством КНР был принят целый ряд программ («Культурный Китай. Расцвет на четырех морях», «Китайские таланты и искусства», «Китайская традиционная медицина», «Путешествие в Китай в поисках своих корней» и др.), которые нацелены на усиление влияния китайского языка и культуры за рубежом, демонстрацию миру нового образа Поднебесной. Интересным примером использования китайской «мягкой силы» может служить «фасадная политика», когда для иностранцев создаются наиболее благоприятные условия для «правильного» восприятия экономического, культурного и социального развития Китая. Большое значение в КНР придадут и развитию въездного туризма; хорошо известен, например, курорт мирового уровня на острове Хайнань.

Активное распространение китайского языка — важнейшая составная часть политики «мягкой силы» КНР. Китайский язык — один из официальных языков Организации Объединенных Наций. Он является государственным языком в КНР, на Тайване и в Сингапуре, а также родным для многомиллионной китайской диаспоры, проживающей во всех уголках нашей планеты. С 2005 года Китай осуществляет объявленную Цзян Цзэмином политику «выхода за рубеж». За эти годы в мире возникло явление, которое можно назвать «бумом китайского языка», и этот бум продолжает расти. Некоторые страны Юго-Восточной Азии даже охвачены «лихорадкой китайского языка». Популярность китайского языка в мире увеличивается, что, прежде всего, связано с необходимостью сотрудничества с первой экономикой мира (по размеру ВВП по ППС). Согласно официальным статистическим данным Ханьбань, в мире насчитывается более 40 миллионов человек, обучающихся китайскому языку.

Мощным потенциалом «мягкой силы» Китая обладает китайская диаспора — одна из крупнейших в мире. «Мир хуацяо» («хуацяо» в переводе с китайского означает «китайский эмигрант») насчитывает, по разным оценкам, от тридцати пяти до пятидесяти миллионов человек. Миллионы этнических китайцев и их потомки пустили корни в бизнесе, культуре и политике всего мира. В США, например, проживают от двух до трех с половиной миллионов этнических китайцев. Но большинство (около 75% китайской диаспоры) сконцентрировано в странах Юго-Восточной Азии. В этом регионе этнические китайцы составляют около 6% населения, в том числе 76% населения в Сингапуре, 24% —

в Малайзии, 14% — в Таиланде, 11% — в Брунее, 3% — в Индонезии, Лаосе и Мьянме, более 1% — на Филиппинах, во Вьетнаме и Камбодже. Представители китайской диаспоры контролируют значительную долю национальных экономик вышеупомянутых стран и активно инвестируют в китайскую экономику. Так, в Таиланде этническим китайцам, число которых доходит почти до десяти миллионов, принадлежит более 80% компаний, котирующихся на фондовой бирже, в Малайзии — 62%, на Филиппинах — более 50%, а в Индонезии китайцы контролируют 70% всех корпоративных активов в стране.

Политика официального Пекина в отношении зарубежных соотечественников является едва ли не образцовой. Поскольку в традиционном китайском сознании гражданство человека менее важно, нежели происхождение его предков, то этнические китайцы, даже родившиеся за границей, воспринимаются жителями КНР как сограждане, которые волею судьбы оказались вдали от родины. Сегодня китайское правительство активно поддерживает своих соотечественников за рубежом, благодаря чему изменилось и поведение последних. Если раньше китайцы сохраняли свою идентичность в узких рамках диаспоры, компактно проживающей на той или иной территории (многим знаком феномен «китайских кварталов», или чайна-таунов), то сегодня — на основе частых и тесных контактов со своей исторической родиной. В XXI веке благодаря такой интенсивной поддержке государства даже возник феномен тайкунжэнь (в переводе с китайского — «космонавт»), когда китайская семья постоянно проживает за рубежом, а один или несколько ее членов совершают регулярные поездки в Китай.

Существенный элемент «мягкой силы» Китая — образовательные программы. Ключевую роль в этом отношении играют институты Конфуция. Как говорилось выше, первый институт Конфуция был открыт в середине 1990-х годов в Сеуле. В 2007 году КПК приняла решение о масштабировании этого проекта, и с тех пор сеть институтов и школ Конфуция в мире постоянно увеличивается. Институты Конфуция по числу своих представительств намного превосходят аналогичные организации в других странах: по данным Ханьбань, в настоящее время почти в ста странах мира действует около пятисот институтов Конфуция. Согласно планам китайского руководства, к 2020 году в мире в общей сложности будет действовать свыше тысячи инс-

титуты Конфуция. Кроме того, с 2007 года по всему миру стали открываться китайские культурные центры, в которых идут кинопоказы, проводятся встречи с известными деятелями науки и культуры, работают курсы китайского языка, проходят занятия по ушу, каллиграфии, китайской живописи и кулинарии.

В последние годы существенно увеличился и масштаб студенческих обменов. По числу направленных на обучение в другие страны молодых людей Китай является мировым лидером. Большинство из них лояльны к Пекину, всячески пропагандируют успехи страны, продвигают идею «Великого Китая» и в настоящее время все чаще стремятся вернуться на родину после окончания обучения. Пекин стремится привлекать и иностранных студентов; сегодня в Китае обучаются несколько сот тысяч иностранцев из ста семидесяти пяти стран, в первую очередь из Южной Кореи, США и Японии. Университеты КНР (Университет Цинхуа в Пекине, Пекинский университет (Бэйда), Фуданьский университет (Фудань), Нанкинский университет) все увереннее заявляют о себе в мировых рейтингах. Наконец, правительство КНР ежегодно отправляет сотни преподавателей для школ в различные страны мира, при этом в китайских школах за рубежом дают более качественное образование при меньших затратах.

Популяризация традиционной культуры и современных достижений китайской модели модернизации происходит и через организацию крупных международных мероприятий: спортивных (например, XXIX летние Олимпийские игры 2008 года в Пекине); культурно-просветительских (Всемирная выставка ЭКСПО-2010 в Шанхае, в которой приняли участие почти двести пятьдесят стран и международных организаций и которую за пять месяцев работы посетили сто глав государств и шестьдесят миллионов туристов); политических (саммиты АТЭС в 2001 году в Шанхае и в 2014 году в Пекине, встреча лидеров G20 в Ханчжоу в 2016 году и др.).

В области экономического измерения «мягкой силы» КНР большую роль играют китайские инвестиции за рубежом. Следует учитывать, что в КНР грань между государственными и негосударственными компаниями очень тонка, а потому частные инвестиции используются нередко как инструмент продвижения политических интересов государства в других странах. Таким образом, инвестиции — важный инструмент позиционирования

Китая в мире, обеспечения национальной экономики ресурсами и рынками сбыта, а также «мягкого» влияния на другие страны через финансирование обоюдовыгодных проектов. Успешность действий Китая на этом направлении обусловлена эффективным использованием «дипломатии чековой книжки». Речь идет о предоставлении финансовой помощи и создании объектов инфраструктуры и коммуникаций (аэропортов, портов, дорог, отелей), в первую очередь в развивающихся странах Африки, Азии и Океании. Стоит отметить, что в целом Китай предоставляет экономическую помощь без политических условий и оглядки на «демократичность» правящих режимов. Одновременно Пекин активно использует потенциал китайских диаспор, контролируемых самые доходные отрасли экономики. О степени их влияния свидетельствует тот факт, что этнические китайцы уже приходили к власти в Папуа — Новой Гвинее, Французской Полинезии, Кирибати и на Соломоновых островах. При этом Пекин не только использует «дипломатию чековой книжки», но и активно лоббирует интересы государств региона в международных структурах, что еще больше повышает авторитет КНР.

Еще один компонент китайской «мягкой силы» — гуманитарная помощь и помощь развитию (так называемая дипломатия развития). Большая часть гуманитарной помощи предоставляется в натуральной форме, что несколько затрудняет точные подсчеты ее масштабов, однако тот факт, что гуманитарное присутствие Китая в беднейших государствах Африки, Азии, Океании, Латинской Америки и Ближнего Востока в последние годы значительно усилилось, неоспорим. Что касается поддержания мира, то по числу граждан, участвующих в миротворческих миссиях и операциях ООН, Китай занимает первое место среди постоянных членов Совета Безопасности.

Наконец, при реализации «мягкой силы» Китай опирается на свой геополитический вес в системе международных отношений. Речь идет о позиции КНР на мировой арене по основным международным проблемам, поскольку она имеет статус наиболее многочисленной страны и крупнейшей экономики мира, ядерной и космической державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН. Сегодня Китай стремится все активнее участвовать в международных организациях, особенно в региональных структурах Центральной и Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Крайне важным представляется членство КНР

в ряде международных организаций и региональных форумов, таких как АТЭС, АСЕАН+, Азиатский банк развития, Саммит стран Восточной Азии, Форум сотрудничества Китай — Африка, наконец, ШОС и БРИКС.

Дипломатия Китая всех уровней имеет многостороннюю и многосубъектную структуру — от решения задач в сфере политики, безопасности и военных дел до международных контактов в области экономики, культуры и социальных проблем. КНР часто принимает лидеров малых государств, уделяя пристальное внимание развитию отношений с государствами Африки и Юго-Восточной Азии. Пекин также пересмотрел свою политику в сфере подготовки квалифицированных дипломатов: сегодня большинство специалистов по внешним сношениям обучаются в престижных зарубежных вузах (дочь нынешнего Председателя КНР Си Цзиньпина Си Минцзэ, например, получила высшее образование в Гарварде, где изучала психологию и английский язык). Они молоды и, как правило, владеют языком страны, куда направляются в качестве дипломатов, а перед началом работы проходят серьезную страноведческую подготовку. Растет уровень участия общественности и СМИ в дипломатических акциях. В целом Китай подает неплохой пример того, как традиционная дипломатия становится источником значительного потенциала «мягкой силы».

Несмотря на значительные успехи в применении «мягкой силы», Китай сегодня сталкивается с рядом проблем в этой сфере. Главной из них, как представляется, является противоречивый имидж КНР в мире. Для многих иностранцев Поднебесная до сих пор представляет собой сомнительную смесь устаревших идей, фантастических надежд, неискоренимых предрассудков и необоснованных страхов. Безусловно, власти Китая осознают подобные проблемы и пытаются кардинально изменить собственный имидж за рубежом. Актеры публичной дипломатии КНР ежегодно тратят миллиарды долларов на поддержку международных каналов на английском, испанском, французском, арабском и русском языках для освещения благоприятной для Пекина повестки дня и пытаются конкурировать с западными СМИ. Однако большое количество каналов доступа к аудитории не гарантирует Китаю наличие слушателей, поскольку основной контент вышеприведенных медиа представляет исключительно позитивную оценку политики КНР, которая воспринимается как

обычная пропаганда. Западный мир, например, больше интересуется китайскими пандами, чем заявлениями руководителей КПК. Не случайно большой успех имела именно «пандовая» дипломатия КНР, в ходе которой Китай даже изменил собственный международный символ с дракона на бамбукового медведя, поскольку первый ассоциировался в мировом общественном мнении как проявление «китайской угрозы», хотя в культуре самой Поднебесной дракон — положительный и мудрый персонаж.

На данный момент Пекину трудно навязать борьбу в медийной сфере Западу, который имеет почти неограниченные ресурсы и возможности в этой области. В ближайшем будущем восприятие КНР в мире будет оставаться скорее негативным, ведь большинство контролируемых западными столицами глобальных СМИ уделяет основное внимание не успехам китайской модернизации и экономическим достижениям страны, а нарушениям прав человека, растущим военным расходам, экологическим проблемам, тяжелым условиям труда на китайских заводах и т. д. В то же время Китай продолжает проводить последовательную политику, неуклонно улучшая собственный имидж в зарубежных странах, особенно тех, которые зависят от КНР в торгово-экономической области.

Существуют проблемы и в сфере экономической составляющей «мягкой силы» Китая. Многие развивающиеся государства недовольны механизмом предоставления им китайских инвестиций. Это лучше всего прослеживается на примере африканских стран: вложения в их экономики осуществляются не через местные государственные структуры, а выделяются непосредственно китайским компаниям. Официально это делается в целях борьбы с коррупцией на местах, однако в действительности КНР просто кредитует свои компании, которые являются проводниками государственных интересов. Помимо этого ситуация усугубляется растущей обеспокоенностью стран в связи с массовым притоком китайских иммигрантов, в том числе нелегальных, и ориентацией Поднебесной на освоение зарубежных природных ресурсов, что чревато превращением стран — реципиентов Китая в его сырьевые придатки и ухудшением экологической ситуации.

Эффективное применение «мягкой силы» Китаем осложняется и традиционным стремлением зарубежных китайцев жить в изоляции. Многотысячелетняя культура Поднебесной мало влияет на коренное население зарубежных стран, оставаясь

достоянием самих китайцев. Почти во всех странах проживания диаспоры у этнических китайцев есть собственные магазины и развлекательные центры, в которых редко встретишь представителей местного населения; свои школы и высшие учебные заведения, в которых могут учиться лишь выходцы из китайских семей, и т. д. А ввиду того что китайская культура тяжело адаптируется другими народами (что объясняется, с одной стороны, ее уникальностью и глубокими корнями, а с другой — трудностями в изучении китайского языка), формирование и поддержание позитивного имиджа Китая в мире затруднено. Все это ослабляет попытки КНР усилить свое «мягкое» влияние. Хотя есть и обратные примеры. Например, китайские актеры и режиссеры (Джеки Чан, Джет Ли, Чжан Имоу) на протяжении многих лет работают в американском Голливуде и имеют колоссальную популярность у западной аудитории.

Внутригосударственные проблемы КНР — неоднородность культурного уровня населения в городе и деревне, растущее социальное расслоение, коррупционные и экологические проблемы, дефицит демократии, проблема Тибета и Синьцзяна, территориальные претензии к соседним государствам — также в достаточной степени влияют на эффективность «мягкой силы» Китая со знаком минус. Вообще в отношении КНР отчетливо проявляется ситуативный характер влияния «мягкой силы»: в одних частях мира его политические ценности и внешняя политика, то есть его концепт «мягкой силы», привлекательны, а в других — нет.

Так или иначе, **в начале XXI века происходит стремительное наращивание капитала «мягкой силы» КНР.** Популярность китайской культуры и китайского языка увеличивается на всех континентах, китайская диаспора вносит существенный вклад в установление культурно-гуманитарных связей с народами зарубежных государств, развиваются научно-образовательные и студенческие обмены, институт Конфуция на глазах становится влиятельнейшей организацией подобного рода в мире, усиливают свое влияние глобальные китайские СМИ, стремительно развиваются медиа-проекты, использующие инструменты публичной дипломатии 2.0, а также культурная индустрия КНР, включая шоу-бизнес, анимацию, компьютерные игры, кинематографию, телевидение, издательство, рекламу. И хотя основными потребителями культурной продукции все еще остаются этниче-

ские китайцы, проживающие за границей, сугубо иностранная аудитория также увеличивается. Китай активно наращивает свое «мягкое влияние» в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, в регионе Большого Ближнего Востока, Латинской Америке и Африке, других регионах мира.

Стратегию «мягкой силы» руководство КНР считает полезной и для реализации задач внутреннего развития. Она служит целям упрочения легитимности КПК, социалистических идеалов, консолидации на их основе китайского общества. С точки зрения внутренней политики развитие «мягкой силы» Китая способствует поднятию национального духа, укреплению чувства идентичности народа, сохранению и развитию древней китайской культуры, достижению полного единства Китая.

При этом Китай максимально адаптирует теорию «мягкой силы» под свой культурно-исторический контекст. Китайские авторы утверждают, что данная стратегия применялась еще в период эпохи Весен и Осеней (VIII–V века до н. э.). Не случайно сегодня можно отчетливо констатировать перевес «культурной школы» «мягкой силы» КНР над «политической школой». Этот факт, помимо прочего, позволяет лишний раз избежать столкновения с Западом, создать благоприятные условия для внутреннего развития страны и укрепления ее международных позиций.

Как было отмечено, **в отношении Китая наиболее ярко проявляется ситуативный характер «мягкой силы».** В одних государствах идеи «Пекинского консенсуса» и «китайской мечты» вызывают восхищение и стремление подражать, а в других странах вызывают настороженность и даже отторжение.

Несмотря на все препятствия и трудности, с которыми сталкивается реализация «мягкой силы» и публичной дипломатии КНР, в начале третьего тысячелетия Китай по совокупному потенциалу «мягкой силы», на наш взгляд, выходит на авансцену мировой политики, не только опережая своих партнеров по БРИКС, но и бросая вызов традиционным лидерам в этой области — США, государствам ЕС и Японии. Западными экспертами «мягкая сила» КНР уже несколько лет оценивается в качестве конкурентной силы внешнеполитическому влиянию этих стран. В Пекине понимают необходимость экспорта идей и культурных ценностей, хотя это и непривычно из-за традиционной самодостаточности и изолированности китайской цивилизации. И все же руководство КНР включило концепцию «мягкой силы» во

внешнеполитическую стратегию и уже вложило немало ресурсов в ее продвижение на мировой арене.

В недавней работе Г. Киссинджер утверждал, что каждой стране присуще понимание явного предназначения, но при этом американская исключительность носит миссионерский характер и основана на том, что США обязаны распространять свои ценности по всему миру. Китайская же исключительность, напротив, носит культурный характер. По мнению патриарха дипломатического цеха, Китай не утверждает, что его институты подходят для других стран. В отличие от США, КНР действительно не навязывает своих специфических стандартов политической системы в режиме «полной и безоговорочной капитуляции». Китай пытается внести нормативный вклад в международные отношения, он призывает к уважению культурного разнообразия в мировых делах, предоставляет экономическую помощь без политических условий, выступает за полицентричный мир. Как следствие, в некоторых частях Азии, Африки и Латинской Америки все более очевидным становится интерес к Китаю, его культуре, политико-экономической системе и в целом к идее «Пекинского консенсуса» как модели глобального управления будущего. Конечно, главное преимущество Китая заключается в его экономической мощи. Таким образом, можно констатировать, что **несмотря на отсутствие западных стандартов демократии, быстрый экономический рост Китая порождает явное очарование его будущим. В XXI веке КНР имеет все шансы стать одним из лидеров в области применения «мягкой силы» на международной арене.**

Индия

Индия долго оставалась для остального мира далекой и полусказочной страной. Вместе с тем она приняла немало миграционных волн, став домом для множества народов. Разнообразны были контакты с Египтом, Вавилоном, греко-римским миром, странами Центральной и Юго-Восточной Азии, Закавказьем, Китаем. С XII века Северная Индия стала частью мусульманского мира. С конца XV века на ее территории появились португальцы, голландцы, французы, наконец, англичане, которые превратили большую часть Индии в свою колонию — жемчужину в короне Британской империи.

Сегодня Индия — крупнейшее государство Южной Азии, вторая по численности населения и третья по размеру ВВП (по

ППС) страна мира. Стабильная экономическая ситуация последних лет помогла ей стать самой быстрорастущей из крупных экономик. Во втором десятилетии XXI века Индия все более настойчиво заявляет о себе как о глобальном игроке. Во внешнеполитической стратегии страны наблюдается и своеобразный ренессанс политики «мягкой силы».

Почему ренессанс? Дело в том, что впервые концепт «мягкой силы» в общественно-политическом дискурсе Индии, по сути, был сформулирован лидером национального движения за независимость Махатмой Ганди (1869–1948 годы). Его стратегия борьбы против британского колониализма опиралась на философию ненасильственного сопротивления, которую сегодня считают идейной основой индийской модели «мягкой силы». Используемая Ганди концепция «сатьяграха» («твердость в истине») стала своеобразной политтехнологией, в основе которой лежало улучшение отношений с врагом, достижение гармонии в отношениях различных людей и групп. Ганди впервые применил на практике принцип ненасилия как эффективную политическую модель, что было событием как для Индии того времени, так и для всего мирового сообщества.

В 1960-е годы под руководством его преемника на посту премьер-министра Джавахарлала Неру Индия активно участвовала в Движении неприсоединения, которое призывало к решению международных споров мирным путем. Это привело к появлению многочисленных поклонников политики Нью-Дели среди освободившихся от колониальной зависимости государств Азии и Африки. Однако начиная с 1970-х годов Индия стала все больше склоняться к использованию силовых методов и инструментов («жесткой силы»), особенно в отношениях со своими соседями. Сегодня же вновь наблюдается стремление этого государства активно использовать ресурсы «мягкой силы».

Ситуация стала постепенно меняться в начале 1990-х годов в процессе трансформации индийской внешней политики. Одной из важнейших причин этого стал рост международного влияния Китая и активные усилия Поднебесной по наращиванию собственного потенциала «мягкой силы». Китайское «наступление очарованием», как отмечает ряд исследователей, вызывало значительное беспокойство Индии и усилило призывы к осуществлению аналогичных шагов со стороны Нью-Дели. Эти шаги рассматривались как часть общей политики стратегического сдер-

живания роста КНР с помощью подражания, уравнивания сил и повышения собственной активности.

В 2007 году будущий тринадцатый президент Индии П. Мукерджи (тогда занимавший пост министра иностранных дел) констатировал, что «хотя житейская мудрость подсказывает, что экономическая и военная мощь являются детерминантами проявления международной силы... недавняя история показывает, что такая сила способна работать эффективно только тогда, когда дополняется «мягкой силой». Действующий член индийского парламента, занимавший в 2009–2010 годах пост министра иностранных дел, а в 2012–2014 годах — должность министра развития человеческих ресурсов Ш. Тхарур в 2012 году доказывал, что в современных условиях значение имеет не размер армии или экономики, а способность страны рассказать «лучшую историю». Наконец, нынешний премьер-министр Индии Нарендра Моди задолго до своего избрания заявлял, что «мягкая сила» может быть использована для создания бренда «Индия», что принесет стране несомненную выгоду.

При этом, если в годы британского колониального господства характерными чертами имиджа Индии были инфантильность и пассивность, то сегодня фиксируется поворот к образу «мягкой» Индии, где слабость и «женственность» превращаются во влиятельную политическую силу. Не случайно автор концепции «мягкой силы» Дж. Най образно назвал Индию «весенним тигром». В самом Нью-Дели предпочитают говорить об «утонченной, изысканной силе». Как заявлял в 2009 году генеральный директор Индийского Совета по культурным связям И. Гупта, Индия, вооружившись многомиллионной киноиндустрией Болливуда, силой йоги и специями индийской кухни, приступила к реализации своего проекта «мягкой силы» в мире.

На сегодняшний день в Индии уже созданы и функционируют структуры, отвечающие за реализацию стратегии «мягкой силы» на международной арене.

♦ В первую очередь стоит упомянуть Министерство иностранных дел и сформированный в нем в 2006 году Отдел по вопросам публичной дипломатии, учрежденное в 2004 году Министерство по делам зарубежья Индии, а также Индийский Совет по культурным связям. Характерно, что первые две структуры были созданы совсем недавно. Третья же была образована еще в 1950 году, но только в последние годы начала вести действи-

тельно активную деятельность. К середине второго десятилетия XXI века Совет располагал уже двадцатью региональными отделениями, тридцатью пятью культурными центрами и почти ста кафедрами по изучению языка и культуры в университетах по всему миру. В настоящий момент его зарубежная инфраструктура продолжает расширяться.

♦ Развиваются и проекты в области индийской публичной дипломатии, правда, большинство индийских СМИ находятся в частных руках, что создает определенные сложности для формирования медиасети мирового уровня. Пожалуй, единственную глобальную систему подобного рода власти Индии пытаются выстраивать в рамках медиагруппы All India Radio (Всеиндийское радио, «Акашвани»). Достойны упоминания и крупные англоязычные телеканалы: NDTV 24 × 7, CNN-IBN и Times Now. Нью-Дели эффективно работает и с технологиями Web 2.0; все структуры, занимающиеся вопросами публичной дипломатии Индии, широко представлены в Интернете.

В современном научном дискурсе действительно преваляет мнение, что Индия обладает значительным потенциалом «мягкой силы», ресурсы которой поистине многогранны и многоаспектны. Они включают в себя:

- богатейшее культурное и духовное наследие, спорт, музыку, кинематограф, литературу, национальную кухню, йогу, традиционные ремесла;
- историю антиколониальной борьбы и участия в Движении неприсоединения, демократические институты, свободную прессу, независимую судебную систему, энергичное гражданское общество, мультиэтническое устройство, секуляризм, плюрализм;
- международный статус ядерной державы, третьей экономики мира, самой многонаселенной демократии, быстрый рост информационно-технологического сектора, существование многочисленной индийской диаспоры.

Если говорить об активах «мягкой силы», которыми сегодня располагает Индия, то в первую очередь надо остановиться на ее богатейшем историко-культурном и духовном наследии. Во всем мире огромной популярностью пользуются индийские йога, аюрведа, традиционные ремесла, индийская медицина, музыкальное, пластическое и кулинарное искусства. По утверждению уже упоминавшегося Ш. Тхарура, в индийских ресторанах

Великобритании в 2009 году было занято больше работников, чем в сталелитейной промышленности, добыче угля и кораблестроении вместе взятых. В последнее время Нью-Дели целенаправленно внедряет культурную составляющую в свою международную политику, создавая по всему миру различные центры, которые занимаются организацией фестивалей индийского кино и искусства, выставок, книжных ярмарок, предоставляют возможность изучать хинди и в целом продвигают богатое культурно-историческое наследие и современный мультикультурный образ Индии.

Индия пытается активно развивать въездной туризм, который тоже можно отнести к ресурсам «мягкой силы» страны. Миллионы туристов ежегодно приезжают в Индию посмотреть на Тадж-Махал и другие исторические достопримечательности. Благодаря таким индийским специалистам, как А. Кант, В. Сунил, Л. Нандан, был создан один из наиболее эффективных государственных брендов Азии за последнее десятилетие — туристический бренд «Невероятная Индия» (Incredible India), успехи которого впоследствии были интегрированы в индийскую стратегию «мягкой силы».

Немаловажное значение приобретает религиозный акцент «мягкой силы» Индии — так называемая буддистская дипломатия, которая уходит корнями в принятую в 1990-е годы доктрину «взгляда на Восток», в соответствии с которой связи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии были признаны внешнеполитическими приоритетами страны. Опираясь на общее наследие буддизма, Индия с помощью религиозной дипломатии наращивает свое «мягкое» влияние в этом регионе. Из всех буддистских инициатив «мягкой силы» Индии наибольший потенциал имеет проект университета Наланда (буддистский университет и монастырский комплекс на севере Индии, функционировавший в V–XII веках) — крупный межнациональный проект, в котором помимо Индии участвует целый ряд стран, включая Китай, Японию и Сингапур. По инициативе Индии проводятся и международные буддистские форумы; в 2011 году Дели стал местом проведения первого Глобального буддистского конгресса, собравшего ученых и монахов из более чем тридцати стран мира.

Существенное влияние на курс буддистской дипломатии Индии оказывает тибетский вопрос. Предоставление политического убежища Далай-ламе и его последователям повышает престиж Индии и ее влияние не только среди азиатских буддистов, но

и на Западе, откуда в Индию стекаются тысячи людей, интересующихся тибетским буддизмом, Далай-ламой и поддерживающих тибетское правительство в изгнании. Однако обратной стороной являются трения с Китаем по данному вопросу.

В целом Индия располагает обширными буддистскими ресурсами «мягкой силы», однако ее дипломатии на этом направлении, по мнению исследователей вопроса, пока не хватает идей и воображения. Большинство инициатив недостаточно дальновидны и сводятся лишь к отправке реликвий в другие страны и проведению конференций для буддистских монахов. И все же нельзя отрицать, что буддистская дипломатия Индии является важным направлением политики «мягкой силы» Нью-Дели.

Среди современных продуктов «мягкой силы» Индии следует, конечно, выделить знаменитый Болливуд (название включает две составляющие — Бомбей и Голливуд). Индийская киноиндустрия заняла значительные ниши на рынках Западной, Центральной и Юго-Восточной Азии, Китая, России и Карибского бассейна, составив серьезную конкуренцию американской «фабрике грез». История индийского кино началась еще в 1899 году с короткометражных фильмов документального характера. Кстати, часто Болливудом ошибочно называют все индийское кино, однако это лишь часть большой киноиндустрии Индии, которая включает в себя и другие производственные центры, выпускающие фильмы на разных языках. Индийский кинематограф — прекрасный пример сочетания различных элементов индийской культуры в одном продукте, сплава самобытных культурных элементов с популярным способом их представления. Сегодня индийская киноиндустрия выпускает ежегодно более тысячи фильмов, и благодаря спутниковому телевидению и Интернету фильмы Болливуда и индийские сериалы становятся все более востребованными. Характерно, что в отличие от Голливуда индийский кинематограф не пропагандирует собственную уникальную модель политического или культурного развития страны.

В аккумуляровании и применении «мягкой силы» во внешней политике Индии очень важную роль играет многочисленная диаспора за рубежом, являющаяся одновременно крупнейшей в мире англоязычной диаспорой. Ее численность составляет двадцать — двадцать пять миллионов человек, из них четыре миллиона проживают в Непале, более двух — в Малайзии

и Мьянме, полтора — в Саудовской Аравии (всего в странах Персидского залива пять с половиной миллионов индийцев), свыше двух миллионов — в США, более полутора миллионов — в Канаде и более миллиона — в Великобритании и ЮАР. В 2000 году индийским правительством был создан Комитет высокого уровня по делам индийской диаспоры и индийцев-нерезидентов, призванный содействовать вовлечению диаспор в экономическое, социальное и технологическое развитие Индии и использованию возможностей индийских сообществ за рубежом для улучшения внешнего имиджа страны.

Стоит заметить, что если первоначально индийцы мигрировали в качестве дешевой рабочей силы, то сейчас это зачастую высокообразованные и финансово успешные граждане, которые занимают ответственные и перспективные должности в развитых странах мира — США, Канаде, Австралии, ЮАР и др. Не случайно, по данным Всемирного банка, индийская диаспора является лидером в области денежных переводов на родину; в 2014 году эта цифра составила семьдесят миллиардов долларов США.

Индийцы-иммигранты играют значительную роль не только в экономической сфере страны проживания, но и в политической. В составе британского парламента, например, неизменно присутствуют этнические индийцы. В Сингапуре должность президента с 1999 по 2011 год занимал индеец Селлапан Раманатан. Среди высокопоставленных политиков США также можно найти уроженцев Индии, таких как экс-губернатор Луизианы Бобби Джиндл (Пиюш Амрит «Бобби» Джиндл) и экс-губернатор Южной Каролины и экс-постпред США при ООН Никки Хейли (Нимрата «Никки» Рандхава Хейли). Неудивительно, что одним из самых влиятельных лобби в США является именно индийское, оно опирается на разветвленную сеть юридических и пиар-фирм и пользуется поддержкой большой этнической группы американского населения. В этой связи можно упомянуть организацию «The Boy Next Door» (буквальный перевод — «мальчик-сосед») — индийско-американское сообщество, насчитывающее более двух миллионов человек, которые работают в сферах банковского бизнеса, топ-менеджмента, высоких технологий, организации бизнес-школ. Известно также, что 20% всех компаний в Силиконовой долине принадлежат американцам индийского происхождения. Выходцы из Индии являются топ-менеджерами

крупнейших транснациональных корпораций; самый яркий пример — Сундар Пичаи, который в августе 2015 года был назначен генеральным директором компании Google.

Вообще современная Индия активно направляет средства на развитие науки, медицины, образования, передовых информационных технологий, что также может быть отнесено к ресурсам «мягкой силы» Нью-Дели. Наиболее известным и успешным проектом в области IT-технологий является крупнейший в стране научный и индустриальный центр Бангалор, это имя стало нарицательным для офшорных зон по производству новейших информационных технологий и символическим названием «фабрики мысли». Внутри Индии есть еще ряд авторитетных научных учреждений, образовательных экономических и технологических центров, обладающих высокой репутацией: Индийский институт менеджмента, Индийский технологический институт и др. Активно используется также такой ресурс «мягкой силы», как продвижение индийских информационных технологий за рубежом и недорогое, но качественное университетское образование для иностранцев (именно на этот вид «мягкосиловых» ресурсов Индия делает ставку в странах Африки). Большое значение имеют и зарубежные инвестиции Индии, которые сегодня сфокусированы на сфере услуг и в наукоемких отраслях, прежде всего в программном обеспечении и информационно-коммуникационных технологиях.

В качестве существенного ресурса «мягкой силы» Индии выступают ее внутреннее федеративное устройство, полиэтническая демократия, политический плюрализм и толерантность по отношению к религиям, расам, языкам. Индия — это страна, в которой огромное количество языков и этносов; ее многорасовое население исповедует множество религий (индуизм, ислам, христианство, сикхизм, буддизм, джайнизм, анимизм и др.). Несмотря на объективные проблемы в индийском социуме, подобная уникальная этнорелигиозная мозаика выступает весьма притягательным примером для подражания, что, разумеется, увеличивает капитал индийской «мягкой силы». Наконец, почти полуторамиллиардная Индия — самая многочисленная демократия в мире, доказывающая свою состоятельность на протяжении уже семидесяти лет. Динамичная экономика в сочетании с демократическими принципами общественного устройства создает привлекательную и конкурентоспособную модель, которая яв-

ляется достойной альтернативой не только коммунистическому Китаю, но и западным государствам. Использование данного ресурса «мягкой силы», особенно с начала 2000-х годов, все очевиднее проявляется в политике Индии. В 2005 году, например, Индия присоединилась к Фонду демократии ООН, вложив в него двадцать пять миллионов долларов и став вторым после США крупнейшим донором. При этом, в отличие от западных стран, Нью-Дели не занимается навязыванием собственной системы ценностей, которое на практике превращается в незаконное вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

Однако есть целый ряд причин, по которым индийская «мягкая сила» не может завоевать абсолютное лидерство даже на пространстве Южной Азии, где Индия исторически претендует на звание регионального чемпиона.

Во-первых, руководство страны лишь сравнительно недавно начало уделять пристальное внимание наращиванию потенциала «мягкого» влияния в целях упрочения своего положения на международной арене. Несмотря на солидные ресурсы, инструменты и методы реализации индийской «мягкой силы» пока еще не выглядят достаточно убедительными.

Во-вторых, как известно, «мягкая сила» не может эффективно проецироваться за рубеж, если в государстве наблюдаются явные внутренние проблемы, которые объективно существуют в индийском обществе. И таких проблем немало. Пожалуй, нигде в мире не существует столь резкого социального расслоения. Налицо две Индии. Одна — страна развивающегося предпринимательства, растущих городов, увеличивающегося слоя богатых и зажиточных людей. Они составляют около трети населения и образуют «современную Индию». Другая Индия — это сотни миллионов нищих. Сегодня в Индии проживает треть бедного населения планеты и наибольшее число недоедающих детей. Миллионы людей лишены возможности получать медицинскую помощь и пользоваться элементарными благами цивилизации. Серьезными вызовами являются неразвитость инфраструктуры и энергосистемы, а также экологические проблемы. Более того, как отмечают сами индийские исследователи, некоторые сомнительные правительственные инициативы, связанные с противодействием внутреннему сепаратизму и оборачивающиеся нарушениями прав человека армией и полицией, весьма негативно

отражаются на имидже страны, подрывая тем самым ее «мягкую силу».

Немаловажным фактором, тормозящим развитие «мягкой силы» Индии в регионе, выступают весьма прохладные отношения с государствами-соседями. Данная ситуация является следствием периода односторонней ориентации Индии на применение «жесткой силы». Правда, за последние годы в Нью-Дели сумели выработать достаточно привлекательную стратегию, основанную на использовании экономических методов «мягкой силы». Еще в конце 1990-х годов была сформулирована так называемая доктрина Гуджрала (Индер Кумар Гуджрал являлся премьер-министром страны в 1997 году). Она предполагала, что Индия как доминирующая региональная держава должна в одностороннем порядке создавать благоприятные условия для развития экономических отношений с соседями, при этом не обязательно рассчитывая на встречные шаги в том же объеме. Доктрина Гуджрала опиралась на принцип невзаимности, который подчеркивал не только большую ответственность Индии, но и необходимость предоставления с ее стороны малым соседям большего, чем она может получить от них. Одновременно с этим новый подход акцентировал внимание на «культурном единстве Южной Азии», фундаментом которого выступает общее историческое наследие стран региона.

Индия в настоящее время действительно прилагает все усилия для нормализации и улучшения отношений с соседними государствами. В отношениях с Пакистаном это проявляется в укреплении сотрудничества в торговле и инвестициях (отдельно стоит отметить индо-пакистанскую «крикетную дипломатию», благодаря которой в 2011 году отношения Нью-Дели и Исламабада были выведены на новый уровень); с Непалом и Бангладеш — в реализации совместных экономических проектов, включая строительство ГЭС; с Мьянмой — в совместных проектах по исследованию месторождений природного газа; со Шри-Ланкой — во взаимовыгодном соглашении о свободной торговле. Кроме того, Индия оказывает окружающим ее странам гуманитарную помощь и помощь в развитии, в основном носящую технический характер. Большую роль играет участие Индии в СААРК — Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества, где Нью-Дели выступает объективным лидером. После исторической победы на выборах в 2014 году правой националистической

партии «Бхаратия джаната парти» во главе с Нарендрой Модии Индия и вовсе стала придерживаться политики «соседи прежде всего». Только за первый год своего премьерства Модии посетил все соседние страны, кроме Пакистана и Мальдивской Республики, причем некоторые из них, например Непал и Шри-Ланку, индийские руководители до него не посещали более двадцати лет.

Развивается и сотрудничество с КНР как в экономической, так и в политической области, большую роль играет взаимодействие в рамках форматов РИК, БРИКС и ШОС. При этом **важнейшим фактором, препятствующим распространению «мягкого» влияния Индии в регионе, является именно жесткая конкуренция со стороны Китая, который пока во многом действует здесь гораздо успешнее Индии. В этой связи нельзя не отметить, что Индия сильно отстает от своих геополитических визави, в том числе и КНР, в плане умелого комбинирования «мягкой силы» и «жесткой силы», то есть использования того, что называется «умная сила».**

Сегодня Индия только начинает наращивать потенциал своего «мягкого» влияния. В Нью-Дели все еще окончательно концептуально не определились со своей «мягкой силой» и не сформировали ее целостного видения. В ходе предвыборной кампании Н. Модии был вынужден признать, что среди множества причин, из-за которых страна не в состоянии представить бренд Индии миру во всей его красе, основной является «индийское отсутствие уверенности в Индии». А продавцы, заметил он, должны быть уверены в продукте, который они хотят передать миру.

Тем не менее «мягкая сила» Индии с каждым годом набирает обороты. Развиваясь путем синтеза культурно-философских традиций и современных технологий, «мягкая сила» Индии является одной из самых динамичных и успешных альтернатив западным культурным ценностям. Индийское руководство, отдающее себе отчет в важности наращивания этого внешнеполитического ресурса, активно содействует его расширенному воспроизводству.

Заняв в 2014 году пост премьер-министра, Модии начал энергично наращивать потенциал «мягкой силы» Индии. Так, буквально сразу же после его прихода к власти департаменту аюрведы, йоги, унани, сиддхи и гомеопатии был придан статус ведомства. А в сентябре того же года амбициозный премьер-министр запустил программу «Делай в Индии» (Make in India), при-

званную привлечь новых инвесторов и более активно продвигать на глобальной арене индийские достижения, улучшая тем самым имидж государства. В дальнейшем были предприняты и другие инициативы, направленные на совершенствование стратегии «мягкой силы» Индии. Все это позволяет говорить о том, что сегодня «мягкосиловая» составляющая уже заняла важное место во внешнеполитическом курсе Республики Индия.

Рекомендуемая литература:

1. Будаев А. В. Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая // Государственное управление [электронный вестник]. — 2016. — Февраль. — № 54. — С. 106–129.
2. Емельянова Н. Н. Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии) // Власть. — 2015. — № 6. — С. 186–191.
3. Наумов А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Китайской Народной Республики на современном этапе // Новая и новейшая история. — 2018. — № 5. — С. 105–118.
4. Наумов А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: идейные истоки и ретроспектива // Государственное управление [электронный вестник]. — 2018. — Август. — № 69. — С. 410–430.
5. Наумов А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: современные инструменты и механизмы реализации // Государственное управление. Электронный вестник [электронный вестник]. — 2018. — № 70. — С. 291–328.

Лекция 8

«Мягкая сила» и публичная дипломатия Российской Федерации

Российская Федерация обладает значительным потенциалом «мягкой силы», однако в плане практического использования данного ресурса заметно отстает от своих геополитических визави. Пожалуй, основной причиной этого отставания является то, что непосредственно общественно-политический дискурс о «мягкой силе» — явление для России достаточно новое. Если на Западе подобными проблемами стали заниматься в начале 1990-х годов (а термин «публичная дипломатия» вошел в научный и политический обиход в 60–70-е годы XX века), то в России дело обстояло иначе. В то самое время, когда Дж. Най в США концептуально оформлял идею «мягкосилового» воздействия на международной арене, в СССР полным ходом шел процесс саморазрушения. Коллапс Союза Советских Социалистических Республик повлек за собой и фактический развал всей советской системы культурного, образовательного, информационного и идеологического влияния на другие страны. Лидеры новой России долгое время вообще не интересовались данными сюжетами. И все же советское наследие не могло исчезнуть бесследно. **Именно в СССР были заложены институциональные основы «мягкой силы» современной России, вновь ставшие актуальными и востребованными после начавшегося в 2000-х годах возрождения державы.**

Советский Союз с первых лет своего существования прилагал значительные усилия для улучшения собственного внешнеполитического имиджа и популяризации социалистического пути организации власти и общества. Уже в 1920-е годы в СССР появились институты, которые сегодня можно было бы охарактеризовать как систему «мягкой силы» и публичной дипломатии. **Основные усилия политики «мягкой силы» советского государства были сконцентрированы в области высокой культуры, информационно-пропагандистской деятельности, а также образования и науки.**

В первую очередь официальная Москва делала ставку на элитарную культуру. Спустя буквально пару лет после основания СССР были созданы первые культурно-просветительские организации внешнеполитической направленности. Их задача заключалась в привлечении «прогрессивной интеллигенции» капиталистических стран на сторону СССР, продвижении в среде западной элиты идей социализма. **Ключевым актором, действующим на этом направлении, стало Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).** Оно было образовано в 1925 году с официальной целью ознакомить отечественную общественность с достижениями культуры зарубежных стран и популяризировать культурное наследие народов Советского Союза за границей, развивая и укрепляя дружбу и взаимопонимание между народами СССР и других государств. У истоков создания ВОКС стояли виднейшие представители советской интеллигенции: В. Маяковский, И. Эренбург, Д. Шостакович, С. Прокофьев и др. Согласно Уставу, организация должна была содействовать установлению и развитию научных и культурных связей между учреждениями, общественными организациями и культурными работниками СССР и аналогичными иностранными структурами. Для этого ВОКС осуществляло активное взаимодействие со своими зарубежными партнерами, расширяло обмен информацией, стимулировало публикацию и распространение материалов, отражавших культурное развитие Страны Советов, сведений о советской науке и быте граждан. Особое внимание уделялось организации изучения русского языка за границей, содействию научному обмену, проведению выставок, гастролей и организации поездок в СССР видных деятелей зарубежной науки и культуры (например, Г. Уэллса, Р. Роллана, Р. Тагора, Т. Драйзера, Б. Шоу, А. Эйнштейна). Для ведения работы «на местах» были учреждены общества культурной связи с СССР. Их деятельность координировалась ВОКС и была направлена на позитивное восприятие за рубежом внешнеполитического курса молодого советского государства. В целом в рамках деятельности ВОКС реализовывалась важнейшая цель советской «мягкой силы» — формирование позитивного имиджа Советского Союза в капиталистических странах. Организация обладала и собственными инструментами публичной дипломатии: журналом «Бюллетень ВОКС» (выходил на английском, французском и немецком

языках), англоязычной газетой «Moscow News» и ее франкоязычным аналогом «Nouvelle de Moscou».

Даже во время Великой Отечественной войны ВОКС продолжило свою деятельность, причем основной акцент был смещен на расширение гуманитарного сотрудничества. В годы войны по его каналам в СССР поступали медикаменты, оборудование для госпиталей, другая помощь, приобретенная на средства сочувствующей зарубежной общественности. Летом 1942 года именно ресурсы ВОКС позволили доставить в Лондон партитуру знаменитой Ленинградской симфонии Д. Шостаковича, зазвучавшей затем по всему миру.

В 1958 году ВОКС было преобразовано в Союз советских обществ дружбы (ССОД) — массовое объединение общественных организаций, ставящих своей целью развитие и укрепление дружбы и культурного сотрудничества народов Советского Союза и зарубежья. ССОД обладал статусом общественной организации и функционировал на принципах партнерства с различными заграничными объединениями. Его создание преследовало своей целью уход от доминирования агитационно-пропагандистских подходов к работе, в целом характерных для ВОКС. В течение долгого времени деятельностью ССОД руководила (и весьма успешно) первая женщина-космонавт В. Терешкова.

После распада СССР на месте ССОД образовались сразу две организации. Его непосредственной преемницей стала Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС). Она была учреждена в 1992 году с целью координации работы российских негосударственных структур в области культурной дипломатии. РАМС функционирует до сих пор (правда, не особенно активно); в настоящее время ее членами являются более сотни организаций — обществ дружбы с зарубежными странами и других общественных объединений. Спустя два года, **в 1994 году, на основе ССОД была создана еще одна структура — Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при правительстве Российской Федерации (Росзарубежцентр).** Следует отметить, что, по крайней мере официально, ВОКС и ССОД являлись общественными организациями, в то время как их правопреемник Росзарубежцентр получил статус государственного органа при Министерстве иностранных дел, что, правда, не изменило сути его деятельности. В 2008 году Росзарубежцентр был упразднен, а его функции были

переданы Федеральному агентству по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничеству).

Важнейшим направлением советской «мягкой силы» и публичной дипломатии являлась информационно-пропагандистская работа. Одним из каналов воздействия на зарубежное общественное мнение с целью популяризации советского образа жизни и социалистических идей было созданное в 1925 году Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) — специализированный централизованный орган внешнеполитической пропаганды Страны Советов. ТАСС являлся мощным и влиятельным актором публичной дипломатии СССР. Знаменитый фразеологизм «ТАСС уполномочен заявить», впервые употребленный в 1934 году, неизменно применялся как вступление во всех значимых официальных заявлениях Москвы по международной тематике. Непосредственным наследником ТАСС сегодня является ИТАР-ТАСС (Информационное телеграфное агентство России) — ведущее государственное информационное агентство страны.

Начало Великой Отечественной войны внесло свои коррективы в пропагандистскую деятельность СССР на международной арене. **Уже 24 июня 1941 года было образовано Советское информационное бюро (Совинформбюро).** Его ключевой задачей было освещение в средствах массовой информации главных международных и внутривосточных событий с точки зрения официальной Москвы. В ходе войны ключевой контент, разумеется, составляли репортажи военного характера о положении на фронтах, работе тыла и партизанском движении. В 1944 году в составе Совинформбюро был организован специальный отдел, занимавшийся пропагандой на зарубежные страны. После войны Совинформбюро транслировало информацию о событиях в стране и мире через огромное количество печатных изданий, целый ряд радиостанций, советские посольства за рубежом, общества дружбы, научные, профсоюзные, женские, молодежные организации. **В 1961 году Совинформбюро было переименовано в Агентство печати «Новости» (АПН).** Девиз АПН — «Информация на благо мира, на благо дружбы между народами» — как нельзя лучше отражал направленность внешнеполитического информационного нарратива советского государства. Официально функционируя как общественная организация, АПН удачно использовало по-

зиционирование независимости от государства, установив с иностранными СМИ почти ста двадцати стран разные формы обмена информацией. Агентство выпускало для зарубежных читателей журналы и газеты на сорока пяти языках, причем общий тираж таких изданий превышал два миллиона экземпляров в год. **После распада СССР в результате череды преобразований на базе АПН в 2013 году было образовано Международное информационное агентство «Россия сегодня» (МИА «Россия сегодня»).**

Следующей сферой преломления советской «мягкой силы» стала деятельность в области образования и науки. Интересно, кстати, отметить, что, в отличие от США, Советский Союз в соответствии с собственными идеологическими императивами основную ставку делал не на обучение представителей элит зарубежных государств (хотя данный элемент образовательной дипломатии также присутствовал), а на работу с малообеспеченными слоями населения других стран. И надо сказать, СССР смог достигнуть здесь очень серьезных успехов, особенно в период 1960–1970-х годов, когда в Советском Союзе обучались тысячи студентов из полутора сотни государств. **Ключевым актором внешней образовательной политики СССР являлся созданный в 1960 году Университет дружбы народов имени Патриса Лумумба (ныне — Российский университет дружбы народов).** Основной целью данного учебного заведения была подготовка высококвалифицированных и лояльных Москве национальных кадров из стран Азии, Африки и Латинской Америки. **В области научного измерения «мягкой силы» СССР большое значение имели прорывные инициативы советского государства, олицетворявшие прогресс всего человечества.**

Безусловно, символом научно-технического триумфа СССР стал штурм космоса. Такие события, как запуск первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 года и полет в космос в апреле 1961 года первого человека — советского космонавта Ю. Гагарина — резко увеличили «мягкосиловой» потенциал СССР в мире. Большое значение для укрепления имиджа Советского Союза как передовой державы имели введение в эксплуатацию первого атомного ледокола «Ленин», создание первого советского реактивного пассажирского самолета ТУ-104 и целый ряд других эпохальных событий.

Уделяли в Советском Союзе внимание и другим аспектам публичной дипломатии — научной, молодежной, спортивной

и т. д. Так, спорт в эпоху СССР был призван демонстрировать преимущества социалистического уклада и образа жизни над капиталистическим. Огромное значение в этой связи имело триумфальное проведение в 1980 году Олимпиады в Москве, в ходе которой у тысяч посетивших страну иностранцев были развеяны многие антисоветские мифы, а сами советские спортсмены продемонстрировали впечатляющие спортивные достижения, уверенно заняв первое место в общекомандном зачете. Успехи Советского Союза в отдельных видах спорта, например победная поступь легендарной хоккейной «красной машины», также увеличивали потенциал «мягкой силы» страны. Наконец, СССР активно работал на ниве того, что сейчас называется «дипломатия развития», оказывая широкое научно-техническое содействие развивающимся государствам третьего мира в области строительства объектов промышленности, инфраструктуры, развития сельского хозяйства и т. п.

В 1991 году, через год после того, как в США Дж. Наем была сформулирована концепция «мягкой силы», СССР прекратил свое существование. Новая Россия оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе. В этих условиях вопросы реализации «мягкосиловой» политики, по сути, полностью выпали из повестки дня Кремля. На протяжении 1990-х — начала 2000-х годов созданные в советское время институты «мягкой силы» и публичной дипломатии функционировали скорее по инерции, страдая от хронического недофинансирования, кадрового голода и множества других проблем. Даже в российской академической среде к данным вопросам обращалось считаное количество специалистов.

Ситуация начала меняться в середине 2000-х годов, особенно после «пятидневной войны» 2008 года, что было обусловлено негативным для России опытом информационного противоборства с Грузией и поддерживавшими ее западными странами. Еще ранее вопросы, связанные с «мягкой силой», стали вызывать интерес российской политической элиты в связи с чередой «цветных революций», прокатившихся в 2003–2005 годах по ряду стран постсоветского пространства. Государственные перевороты в Грузии, Украине и Киргизии, осуществленные с помощью ненасильственных технологий, вызвали серьезное беспокойство в Москве. Именно поэтому первоначально и к самой концепции Дж. Наея относились настороженно; в российском общественно-

политическом дискурсе преобладала критика «мягкой силы» Запада, а не обсуждение возможностей ее применения на пользу России. «Мягкая сила» воспринималась почти исключительно как манипулятивное средство реализации интересов западных держав, причем направленных против Российской Федерации. Крен в сторону понимания «мягкой силы» как потенциально мощного инструмента российской внешней политики произошел только в начале 2010-х годов.

В начале 2012 года в предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» В. В. Путин дал собственное определение данному феномену: «“Мягкая сила” — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия». Спустя несколько месяцев, уже после победы на президентских выборах, Путин признал отставание России в этом сегменте внешнеполитической деятельности. В июле 2012 года, выступая перед российскими послами за рубежом, президент отметил: «Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой “мягкой силы”, есть над чем подумать».

Чуть ранее, в одном из одиннадцати «майских указов» (Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» от 7 мая 2012 года) была упомянута и публичная дипломатия: «В интересах повышения результативности российской внешней политики эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс... и совершенствовать информационное сопровождение внешнеполитической деятельности в интересах объективного восприятия РФ на международной арене».

В Концепции внешней политики Российской Федерации термин «мягкая сила» появился в феврале 2013 года и был определен как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности объединений граждан, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии, альтернативные классической дипломатии». «Мягкая сила» была признана «неотъемлемой составляющей современной международной политики».

В последующие годы концептуализация данного феномена продолжилась. Так, на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года В. В. Путин заявил: «Несомненно, что в глобальном соревновании вырастет роль гуманитарных факторов: образования, науки, здравоохранения, культуры. Это, в свою очередь, существенно повлияет на международные отношения, в том числе потому, что ресурс так называемой “мягкой силы” будет в большей степени зависеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, нежели чем от изощренности пропагандистских приемов». В Указе Президента «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года были сформулированы конкретные меры, направленные на реализацию политики «мягкой силы» страны, в том числе «использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества», «активное развитие международных связей в области науки и образования, наращивание экспорта качественных образовательных услуг» и ряд других.

В действующей в настоящее время Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена 10 ноября 2016 года) было зафиксировано, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий». Одним из основных направлений внешнеполитической деятельности страны (пункт «и») в Концепции признано «усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры».

На сегодняшний день в России уже создана институциональная основа для реализации политики «мягкой силы» и публичной дипломатии. Можно выделить несколько ключевых акторов, работающих в данной сфере.

♦ В первую очередь следует отметить органы государственной власти во главе с Президентом Российской Федерации. В практической плоскости реализации отечественной политики

«мягкой силы» центральную роль играет Министерство иностранных дел России и его подразделения. Среди них особняком стоит Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), которое формально входит в систему МИД, но обладает значительной автономией в своей деятельности. Россотрудничество — одно из ключевых звеньев российской «мягкой силы», имеющее, правда, непростую судьбу. Будучи наследницей и преемницей советской «мягкосиловой» политики в области культуры (напомним про деятельность ВОКС и ССОД, а затем и Росзарубежцентра), в XXI веке оно так и не смогло стать структурой, в которой масштабы задач были бы соотносимы с выделяемым на их реализацию финансовыми и организационными ресурсами. Основная сфера деятельности Россотрудничества — взаимодействие с зарубежными обществами, работа с соотечественниками, продвижение русского языка и культуры, сохранение отечественного историко-культурного наследия, содействие международному развитию. Безусловно, сегодня Россотрудничество обладает весьма серьезным потенциалом для эффективной реализации российской «мягкой силы», но этот потенциал используется далеко не в полной мере. На ниве продвижения «мягкой силы» России работает и ряд департаментов МИД (Департамент информации и печати, Департамент международных организаций, Департамент по работе с соотечественниками за рубежом), а также другие министерства, например Министерство культуры и Министерство науки и высшего образования.

♦ Следующая влиятельная группа в системе «мягкой силы» России — отечественные акторы публичной дипломатии, работающие в медийном и информационном пространстве: телеканал RT, МИА «Россия сегодня» и основанное им новостное агентство «Спутник», ИТАР-ТАСС, интернет-ресурсы МИД и других правительственных ведомств. Новостные сайты «Спутника», например, работают на более чем тридцати языках, включая английский, испанский, польский, абхазский, а социальные сети агентства привлекают миллионы подписчиков. Но особенно следует выделить информационный телеканал RT. Канал был запущен еще в 2005 году под названием «Russia Today» и с тех пор развивался и планомерно увеличивал свое влияние в мировом медиапространстве, превратившись в итоге в одно из самых влиятель-

ных незападных СМИ (по сути, именно RT разрушил длившуюся десятилетиями монополию англоязычных средств массовой информации на подачу информации в глобальном масштабе, обладая при этом весьма скромным финансированием, особенно по сравнению с такими гигантами, как CNN или BBC). В 2013 году RT стал первым в мире новостным телеканалом, преодолевшим миллиардную отметку просмотров на самом посещаемом в мире видеохостинге YouTube. В том же году канал стал вторым по популярности иностранным каналом в США. В январе 2017 года RT официально вошел в число телеканалов, которые транслируются в штаб-квартире Организации Объединенных Наций. Заместитель генерального секретаря ООН по общественной информации К. Галлах тогда прямо заявила: «В современном сложном мире разные взгляды, разные точки зрения и разнообразие источников крайне важно. Определенно, вы внесете вклад в лучшее понимание этого сложного мира». Сегодня RT — это вещающие в ста с лишним странах восемь телеканалов (информационные каналы на английском, испанском, арабском и французском языках, телеканалы RT America и RT UK, документальный канал RTД на русском и английском). Канал доступен для нескольких сотен миллионов зрителей, его еженедельная аудитория составляет порядка ста миллионов человек, и он продолжает оставаться самым просматриваемым новостным каналом на YouTube. Очень активно RT действует в рамках публичной дипломатии 2.0, используя для этого целый ряд аккаунтов в социальных сетях на иностранных языках, разного рода приложения и т. п. Большое внимание уделяется развитию цифровой дипломатии и на уровне отдельных российских госструктур. Самую активную роль здесь играет МИД России в лице главы Департамента информации и печати (одновременно официального представителя отечественного внешнеполитического ведомства) М. Захаровой. С началом антитеррористической операции в Сирии информационный ресурс публичной дипломатии довольно грамотно использует и Министерство обороны России, которое оперативно реагирует на любые вбросы, разъясняет официальную позицию Москвы, в целом на постоянной основе присутствует в медиaprостранстве, в том числе в Интернете.

♦ Работают в сфере «мягкой силы» и другие институты российской публичной дипломатии: неправительственные организации (например, Фонд «Русский мир», Фонд поддержки пу-

бличной дипломатии имени А. М. Горчакова, Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом); «фабрики мысли» и аналитические центры (Российский совет по международным делам, Международный дискуссионный клуб «Валдай», целый ряд академических институтов Российской академии наук); структуры гражданского общества (Общественная палата Российской Федерации); наконец, оставшиеся с советских времен многочисленные общества дружбы и подобные структуры. Образованный в 2007 году с целью популяризации русского языка и культуры Фонд «Русский мир», например, осуществляет свою деятельность в ста с лишним государствах, на всех обитаемых континентах Земли функционируют более двухсот пятидесяти Русских центров и Кабинетов Русского мира. В 2010 году был создан Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, миссия которого заключается в развитии отечественной публичной дипломатии с целью улучшения внешнеполитического имиджа России. Фонд предоставляет гранты различным неправительственным организациям, проводит конференции, круглые столы и публичные лекции, участие в которых принимают авторитетные отечественные и иностранные эксперты в области мировой политики. Крупнейший российский аналитический центр, специализирующийся на проблемах внешней политики России и международных отношений, — Российский совет по международным делам (РСМД) — также начал свою работу в 2010 году. РСМД представляет собой своеобразную сеть, в рамках которой осуществляется коммуникация между официальными российскими властями и экспертным сообществом, в том числе зарубежным. Совет работает над созданием условий для сотрудничества с иностранными партнерами по ключевым вопросам внешнеполитической повестки, принимает участие в международных политических инициативах, образовательных и научно-исследовательских проектах.

◆ Еще одним компонентом российской «мягкой силы» являются ведущие университеты страны: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов и др. Стоит отметить, что в последнее время российские университеты поднимаются в мировых рейтингах. Так, в октябре 2015 года МГУ занял первую позицию в рейтинге вузов двадцати стран развивающейся Европы и Центральной Азии, составленном британской компанией «Quacquarelli

Symonds», а в декабре того же года вошел в тройку лучших вузов стран БРИКС и развивающихся экономик. В дальнейшем Московский университет, как и несколько других отечественных вузов, неизменно усиливал свои позиции в соответствующих предметных рейтингах.

♦ Наконец, отдельно стоит сказать о Русской Православной Церкви и других религиозных организациях традиционных конфессий страны как важных элементах «мягкой силы» Российской Федерации.

Российская Федерация, безусловно, обладает очень солидными ресурсами «мягкой силы», за счет которых она может и должна совершенствовать этот внешнеполитический инструментарий.

Важнейшим компонентом «мягкой силы» России является ее культурно-историческое наследие. Высокая культура — это «визитная карточка» Российской Федерации в мире. Но помимо привычных традиционных элементов культурного влияния (русская литература, живопись, классическая музыка, театр, опера, балет и т. д.) в отечественные ресурсы «мягкой силы» следует включить и грандиозные прорывы в науке и технике, и уникальный сплав культур, и беспрецедентный опыт мирного взаимодействия различных этносов и народов, и многовековой межконфессиональный диалог, и огромные размеры территории с потрясающей по красоте природой, и, наконец, драматичную историю с великими победами над главными врагами человечества.

На последнем аспекте следует остановиться более подробно. Обращение к прошлому сегодня используется официальной Москвой (и, надо признать, абсолютно обоснованно и справедливо) для наращивания собственного потенциала «мягкого» влияния и в целом для морально-политического позиционирования страны на международной арене. Выступая на Параде Победы в 2012 году, президент Путин заявил: «И у нас есть великое моральное право — принципиально и настойчиво отстаивать свои позиции, потому что именно наша страна приняла на себя главный удар нацизма, встретила его героическим сопротивлением, прошла через тяжелейшие испытания, определила сам исход той войны, сокрушила врага и принесла освобождение народам всего мира».

Россия действительно не раз спасала другие страны и народы от уничтожения, принимая на себя основной удар со стороны

самых страшных и жестоких завоевателей. Безусловно, историческая память об этом не может не выступать в качестве неотъемлемого и важного компонента российской «мягкой силы». На постсоветском пространстве память о Великой Победе, например, выступает мощным интеграционным ресурсом, позволяющим выстраивать особые отношения между Российской Федерацией и целым рядом сопредельных государств. Актуализируются и другие исторические сюжеты, связанные с Первой мировой войной, полетом Гагарина в космос и т. д. Конечно, не всегда возможно просчитать, действительно ли зарубежная аудитория желаемым образом воспринимает предлагаемые интерпретации, однако не вызывает сомнения, что данное направление «мягкой силы» России является чрезвычайно перспективным.

Колоссальным ресурсом «мягкой силы» России является сформировавшаяся в результате нескольких волн эмиграции многомиллионная русскоязычная диаспора, а также сам русский язык, на котором в мире говорят (или, по крайней мере, понимают его) около трехсот миллионов человек. Русский язык принадлежит к наследию человеческой цивилизации, имеет статус мирового языка. Он является одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций и многих других международных структур. В нескольких странах русский язык обладает статусом государственного или официального языка. Это язык, на котором творили великие классики, впервые заговорили в космосе, а сегодня думают и говорят во всех уголках Земли от Арктики до Антарктиды (даже в таких экзотических местах, как святая гора Афон или уругвайский городок Сан-Хавьер, есть люди, говорящие по-русски). Русский — единственный язык на Земле, который объединяет семьдесят пять культур. Сегодня это второй по популярности язык Интернета.

Что касается российской диаспоры, сформировавшейся в ходе нескольких крупных волн на протяжении XX века, то она насчитывает около тридцати миллионов человек, являясь одной из крупнейших диаспор мира, уступая по численности, пожалуй, только китайской. Самая многочисленная русскоязычная диаспора сосредоточена на пространстве бывшего СССР; миллионы соотечественников живут в странах Европейского союза, США, Канаде, Израиле, Австралии и еще во множестве стран на всех континентах Земли. В последние годы наметился сдвиг в сторону более тесного взаимодействия российской диаспоры за рубежом

с исторической Родиной, что, безусловно, усиливает «мягкосиловые» позиции России в мире.

Потенциально очень мощным ресурсом «мягкой силы» является российское высшее образование. В феврале 2012 года в статье «Россия и меняющийся мир» В. В. Путин справедливо отмечал, что «не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей». Надо признать, что по сравнению с СССР Российская Федерация заметно уступила свои позиции в области оказания образовательных услуг. Однако в последние годы все же наблюдаются определенные успехи на данном направлении: растет число иностранных студентов в отечественных вузах, российские университеты поднимаются в мировых рейтингах, реализуются крупные государственные проекты в области образования. По количеству принимаемых иностранных студентов — важному показателю эффективности «мягкой силы» любой державы — Россия если и не находится в лидерах, то демонстрирует весьма неплохие результаты. Ряд исследователей ставит Россию на пятое место в данном неофициальном зачете, что ниже США (семьсот пятьдесят тысяч), Великобритании (пятьсот тысяч), Германии и Китая (по триста тысяч), но выше Франции, Нидерландов и Канады. Ежегодно в Российскую Федерацию приезжают более двухсот тысяч студентов, в основном из стран постсоветского пространства и Азии, в том числе из Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Китая, Индии, Вьетнама. В рамках утвержденного в 2017 году на самом высоком уровне проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» количество обучающихся в России иностранных студентов к 2025 году должно превысить семьсот тысяч человек, а число слушателей отечественных онлайн-курсов за рубежом — достигнуть трех с половиной миллионов.

Одним из основных направлений отечественной «мягкой силы» на этом направлении является развитие общего образовательного пространства на территории бывшего СССР. Именно здесь Россия обладает существенными преимуществами для привлечения иностранных учащихся за счет репутации своих университетов, соотношения цены и качества образования, географической близости и отсутствия серьезного языкового барьера. Студенты из государств СНГ в целом, и ЕАЭС в частности, в ходе образовательного процесса изучают русский язык, приобщаются

к российской культуре и ее ценностям. Вернувшись же домой, они в той или иной степени становятся проводниками русского языка и культуры. Во многом именно данный ресурс «мягкой силы» позволяет Москве углублять евразийскую интеграцию, преодолевать возникающее порой недоверие со стороны соседей, направлять позитивный интеграционный опыт в экономической области на смежные сферы межгосударственных взаимодействий. Россия также обладает весьма солидным научным потенциалом в целом ряде отраслей, и российские университеты, академические институты и исследовательские центры имеют неплохие перспективы, чтобы стать центрами интеграции науки как минимум на постсоветском пространстве.

С обучением иностранных студентов связан и еще один источник «мягкой силы» России — миграция, которая, несмотря на объективные сопутствующие этому процессу социальные и культурологические проблемы, все же является значительным «мягкосиловым» ресурсом. По данным Международной организации по миграции, в последние годы Российская Федерация разделяет с Германией второе-третье место в мире по количеству мигрантов (двенадцать миллионов в 2015 году). В России разрабатываются и внедряются механизмы для более эффективной адаптации приезжих и их интеграции в общество (в первую очередь это касается изучения русского языка и истории России). Благодаря запущенным государственным программам в области миграционного законодательства шансы на то, что трудовые мигранты смогут приобщиться к российской культуре и соответствующим ценностям и по возвращении домой станут проводниками российского влияния, определенно повышаются. Большой потенциал «мягкой силы» заключен в работе с диаспорами мигрантов в России. Несмотря на сложную международную обстановку, Российская Федерация остается привлекательной страной для трудовой миграции, особенно из стран СНГ, и эта привлекательность может служить эффективным ресурсом и инструментом «мягкой силы».

Организация значимых международных мероприятий также имеет большое значение для наращивания капитала российской «мягкой силы». В 2010-х годах в России с успехом был проведен целый ряд масштабных спортивных форумов, в том числе XXVII Всемирная летняя универсиада в Казани (2013 год), Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи (2014 год), Чемпи-

онат мира по футболу (2018 год), I Международные спортивные зимние игры «Дети Азии» (2019 год). В этот же период времени Россия не раз принимала мировых лидеров: в 2012 году во Владивостоке прошел саммит АТЭС, в 2013 году в Санкт-Петербурге состоялась встреча Группы двадцати, а в 2015 году в Уфе были организованы сразу два саммита — БРИКС и ШОС. Нельзя не отметить в этой связи, что инновационным моментом в реализации отечественной политики «мягкой силы» стала популяризации российских городов в качестве не только комфортных мест для организации масштабных международных мероприятий, но и привлекательных туристических объектов. В целом успешное проведение многосторонних форумов, конференций, симпозиумов, круглых столов, выставок, соревнований объективно содействует формированию положительного образа страны и развенчанию навязанных русофобской пропагандой мифов о России.

Существенную роль в реализации «мягкой силы» России за рубежом играет ее религиозная сила, особенно когда речь идет о деятельности Русской Православной Церкви. Пасторские визиты высших церковных иерархов Русской Православной Церкви в государства, где проживает значительное число православных граждан, безусловно, стоит занести в актив «мягкосиловой» политики России. В последнее время важным направлением в работе Русской Православной Церкви стала помощь мирным жителям, пострадавшим от военного конфликта на юго-востоке Украины. РПЦ оказывает посильную помощь и в восстановлении Сирии. В рамках религиозной дипломатии действуют и исламские благотворительные организации, которые играют значительную роль в миротворческой деятельности в разных регионах мира, способствуют участию сторон в ненасильственном разрешении политических, военных и социальных конфликтов, помогают людям, пострадавшим в бедствиях и войнах. Так, региональный общественный фонд имени Рамзана Кадырова оказывает гуманитарную помощь пострадавшим от войны жителям Сирии. Глава Чечни в целом на протяжении многих лет развивает связи с мусульманскими странами, тем самым ретранслируя определенный сегмент «мягкой силы» России на данный регион. Нельзя забывать и о религиозной силе других традиционных для нашей страны конфессий, таких как буддизм и иудаизм.

Наконец, немаловажным ресурсом «мягкой силы» России являются собственно геополитический вес страны в сис-

теме международных отношений, решительная, взвешенная и справедливая позиция по ключевым проблемам мировой политики, статус глобальной ядерной, энергетической, космической и культурной державы, место постоянного члена Совета Безопасности ООН, активное участие в динамично развивающихся межгосударственных структурах (Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС), наконец, лидирующая роль в борьбе с международным терроризмом. Главными несущими конструкциями российской «мягкой силы» были и остаются общепризнанные за рубежом достижения в области искусства, культуры, науки, образования и спорта, духовные ценности страны, которые оказывали и продолжают оказывать заметное воздействие на умонастроения людей в различных государствах и регионах мира. Российская Федерация позиционирует себя как страна, ведущая нравственную внешнюю политику, провозглашая в качестве ориентира высокие духовно-моральные нормы, что, безусловно, является ценным ресурсом «мягкой силы». Большую роль играет и личный авторитет главы Российского государства В. В. Путина, который, несомненно, является одним из самых харизматичных политиков современности, резко выделяясь на фоне весьма посредственных представителей западной элиты и вызывая симпатию у самых разных слоев зарубежных обществ.

Несмотря на определенные успехи, реализация российской политики «мягкой силы» на современном этапе сталкивается с рядом серьезных проблем. Не секрет, что в международном общественном сознании все еще существуют различные стереотипы и фобии по отношению к России, как никогда активно действуют профессиональные русофобы, со стороны западных стран против Москвы ведется полномасштабная информационная война. Однако главная проблема находится внутри страны и заключается в том, что **в России отсутствует цельная комплексная стратегия реализации технологий «мягкой силы» и публичной дипломатии.** Бессистемный характер использования отдельных элементов «мягкой силы» по трем ключевым направлениям, о которых писал еще Дж. Най (культура, политические ценности, внешняя политика), не позволяет в совокупности добиваться эффективных результатов. Не существует и единого органа, который бы координировал деятельность профильных институтов системы российской «мягкой силы».

Существенным минусом деятельности уже созданных структур (которых к тому же явно недостаточно) является то, что каждая из них организует мероприятия в рамках собственного видения задач, стоящих перед страной. До сих пор не существует четкой программы по использованию этих акторов для получения синергетического эффекта, нет ясно обозначенных целей, потенциальные инструменты их достижения действуют скорее самостоятельно, нежели как единый целостный механизм, хромает частно-государственное партнерство в сфере реализации проектов «мягкой силы», оставляют желать лучшего объемы финансирования программ публичной дипломатии. Само использование термина «мягкая сила» на высшем уровне стимулировало административно-государственный аппарат к активному его употреблению, но часто это делается без должного понимания сути данной концепции.

В целом проблемы российской «мягкой силы» связаны с совокупностью взаимосвязанных объективных и субъективных факторов:

- сравнительно недавним возобновлением (после распада СССР) работы системы институтов отечественной «мягкой силы»;
- отсутствием системного подхода при реализации политики «мягкой силы» и единого координирующего эту политику государственного органа;
- ограниченностью финансового и кадрового обеспечения российских программ «мягкой силы» и публичной дипломатии;
- недостаточной степенью применения продвинутых современных технологий, в том числе из арсенала публичной дипломатии 2.0;
- сложной внешнеполитической обстановкой, отягощенной беспечной информационной войной против России со стороны стран Запада во главе с США, до сих пор формирующих большую часть глобального нарратива.

Потенциал российской «мягкой силы», безусловно, был и остается очень существенным. Однако для его эффективной реализации Москве жизненно необходимо выработать собственный уникальный концепт «мягкой силы». Сегодня российским экспертным и аналитическим сообществом, а во многом и представителями государственной власти понятие «мягкая сила» по-

нимается и принимается в его западном варианте. Однако эта доктрина была разработана более четверти века назад в совершенно иной политико-культурной среде и сама по себе является результатом международного влияния США — главного геополитического противника России. Другими словами, Российской Федерации сегодня нужна национальная концепция «мягкой силы» с оригинальными технологиями и методами ее применения.

На внешнеполитической арене необходимо четко позиционировать Россию как стержневое государство самостоятельной цивилизации. Страна может продвигать идеи реального суверенитета, права народов на самоопределение и выбор собственной модели общественно-политического развития. Москва должна акцентировать внимание на приверженности верховенству международного права, решению межгосударственных споров мирными средствами, создании равных условий доступа к источникам глобального роста, активно участвовать в решении ключевых проблем человечества. Важно продолжать выступать защитником традиционных нравственных ценностей, опираясь при этом на идею взаимного обогащения культур. В этом контексте уместно предложить миру концепцию просвещенного консерватизма, подразумевающую прагматичное поступательное развитие с опорой на культурно-исторические традиции и особенности каждого конкретного государства. Наконец, необходимо выработать четкую и внятную национальную идею внутри страны. Пожалуй, безальтернативным в данном случае выглядит высказанное президентом В. В. Путиным предложение считать в качестве таковой идею патриотизма.

Разумеется, российская «мягкая сила» имеет свои естественные пределы, поэтому следует очень тщательно подбирать объекты такого воздействия — определенные целевые аудитории. Рациональным сегодня представляется сконцентрировать основные усилия на тех странах, которые заинтересованы в сотрудничестве с Россией и являются потенциальными или реальными стратегическими партнерами. Особый акцент следует сделать, с одной стороны, на закреплении позиций российской «мягкой силы» в странах постсоветского пространства, а с другой — искать и находить выходы на новые рубежи: в АТР (в широком понимании региона, включающего Восточную, Юго-Восточную и Южную Азию), исламский мир, Латинскую Америку, Африку, так как именно здесь взвешенная линия России по основным

международным проблемам пользуется все возрастающей поддержкой.

Представляются целесообразными поиск и выборочная работа с аудиториями внутри населения определенной страны. Речь идет о лидерах мнений, политической и бизнес-элите, экспертном сообществе и, конечно, молодежи. В этой деятельности очень важно задействовать механизмы публичной дипломатии 2.0 и новой публичной дипломатии, предполагающие работу в социальных медиа и обязательную обратную связь с респондентом. Крайне востребованным является развитие новых и популяризация традиционных национальных брендов, которые вызывали бы положительные ассоциации с Россией, — от русской матрешки до уникального отечественного единоборства самбо.

В конце 2018 года влиятельное американское издание «The Nation» вышло со статьей под громким названием «Российская дипломатия побеждает в новой холодной войне». В публикации, в частности, было отмечено: «С 2014 года Москва стала самой активной столицей международной дипломатии в ряду сегодняшних великих держав. Она формирует и расширяет военные, политические и экономические партнерства с такими странами, как Китай, Иран, Турция, Сирия, Саудовская Аравия, Индия, а также с некоторыми другими государствами Юго-Восточной Азии. Несмотря на санкции ЕС, она сотрудничает с целым рядом европейских государств... Может ли кто-нибудь из глав государств в XXI веке соперничать с дипломатическими успехами российского президента Владимира Путина и его министра иностранных дел Сергея Лаврова? Безусловно, на это не могут претендовать ни бывшие американские президенты Буш и Обама, ни канцлер Германии Меркель, которая скоро покинет свой пост. И это не говоря уже о британских и французских руководителях».

Действительно, позиции России в дипломатической и военно-политической областях на мировой арене сегодня достаточно сильны. Однако в нынешних непростых и стремительно меняющихся геополитических условиях официальной Москве необходимо максимально эффективно использовать все имеющиеся внешнеполитические ресурсы, в том числе и инструменты «мягкой силы». Российская политика на данном направлении уже сделала первые шаги, но с точки зрения как содержания, так и институциональной базы ей еще есть куда развиваться. У Российской Федерации есть огромный потенциал, который при пра-

вильном применении вполне может быть конкурентоспособным в глобальном культурно-информационном и идеологическом противостоянии. Пока же в этом компоненте страна уступает другим крупным геополитическим игрокам. **Не будет преувеличением сказать, что в конце второго десятилетия XXI века «мягкая сила» является самым недооцененным внешнеполитическим активом России.**

Рекомендуемая литература:

1. Агеева А. В. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России // Власть. — 2018. — № 4. — С. 59–63.

2. Будаев А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление [электронный вестник]. — 2015. — Февраль. — № 48. — С. 189–205. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk_48._fevral_2015_g._pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/budaev.pdf (дата обращения: 05.05.2019).

3. Наумов А. О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Перспективы [электронный журнал]. — 2015. — № 4. — С. 21–32. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (дата обращения: 05.05.2019).

4. Наумов А. О. От Советского Союза к Российской Федерации: эволюция отечественной системы «мягкой силы» и публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). — 2019. — № 2. — С. 102–117.

5. Огнева В. «Мягкая сила» — инструмент внешней политики России // Научно-аналитический журнал Обозреватель (Observer). — 2016. — № 3 (314). — С. 19–29.

Summary

Naumov A. O.

Soft Power and Public Diplomacy. Lecture Course / A. O. Naumov. Moscow: Moscow University Press, 2019. 000 p.

The main purpose of the textbook is to provide students with sufficient knowledge in the field of soft power and public diplomacy, the main aspects of the practical implementation of this foreign policy resource. The paper highlights theoretical issues, as well as historical and modern processes of functioning of the institutions of soft power and public diplomacy of the leading geopolitical actors of the modern world: the United States, Great Britain, Germany, China, Russia, etc. This course of lectures is the first example of educational literature in Russia devoted to the phenomenon of soft power and public diplomacy in world politics.

For students of higher educational institutions of humanities, engaged in the study of international relations and global governance. The book may also be of interest to a wider audience interested in current issues of global political development.

Keywords: soft power, public diplomacy, international relations, world politics, global governance

Учебное издание

Наумов Александр Олегович

**«МЯГКАЯ СИЛА»
И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ**

КУРС ЛЕКЦИЙ

Редактор *Ю. А. Козлова*

Художественное оформление *Ю. Н. Симоненко*

Корректор *Е. В. Плеханова*

Верстка *В. Н. Кокорев*

Подписано в печать 22.07.2019. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 10,9. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 100 экз. Изд. № 11353. Заказ Г307/17079

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).**

**Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>**

Отдел реализации.

Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410 004, г. Саратов,
ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru